

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования**

**«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)**

На правах рукописи

Костоглолов Дмитрий Александрович

**ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В
МЕДИАТИЗИРОВАННОЙ СРЕДЕ**

5.10.1 — Теория и история культуры, искусства

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата культурологии**

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Захарченко Ирина Николаевна

Москва 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК КАТЕГОРИЯ АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ	23
1.1. Проблема исторической репрезентации в контексте гуманитарных наук....	23
1.2. Познавательный аспект исторической репрезентации: метафора	31
1.3. Феноменологический аспект исторической репрезентации: исторический опыт.....	40
1.4. Проблема анахронизма в исторической репрезентации	50
ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ В МЕДИАТИЗИРОВАННОЙ СРЕДЕ	59
2.1. Проблема интернет-мема в исследованиях цифровой культуры.....	59
2.2. Интернет-мем и история в контексте медиатизированной среды	75
ГЛАВА 3. АНАЛИЗ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ КАК ФОРМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	87
3.1. Проблематизация настоящего	89
3.2. Ностальгия.....	99
3.3. Варианты будущего	106
3.4. Обращение к истокам	117
3.5. Широкое настоящее.....	123
3.6. Ускорение времени.....	129
3.7. Исторические символы	135
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	150
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	155
ПРИЛОЖЕНИЕ	166

ВВЕДЕНИЕ

Феномен интернет-мемов является неотъемлемой частью становления цифровой глобализации общества в Интернете. Пока растущая аудитория сети вовлекалась в практику коммуникации посредством интернет-мемов, исследователи из разных научных областей пытались разобраться в причинах возникновения интернет-мемов и их роли в современном цифровом обществе. Став частью повседневной медиатизированной среды, интернет-мемы приобрели статус объектов исследования различных представлений массовой аудитории: о том, что смешно, что актуально, о прошлом, будущем и о многом другом¹. Настоящее диссертационное исследование посвящено тому, как моделируется история (в самом широком смысле) в интернет-мемах и как она функционирует в специфической медиатизированной среде.

Интернет-мемы как современный феномен культуры изучаются лингвистами², антропологами³, исследователями медиа⁴. Нас будут интересовать интернет-мемы, функционирование которых связано с исторической репрезентацией как воплощением пространственно-временных представлений об истории, а именно разного рода актуализациях прошлого, восприятие настоящего как истории, соотнесение настоящего, прошлого и будущего. Ключевое в исследуемых интернет-мемах — их отношение с историей и временем — обусловлено их конструкцией, которая, в свою очередь, позволяет создавать вариации интернет-мема с воплощением различных представлений об истории. Исторические интернет-мемы как артефакты исторической культуры, несмотря на их концентрацию преимущественно на прошлом, рассматриваются нами как явление, позиционирующее современность как часть исторического процесса. Хотя мы выделяем исторические интернет-мемы в отдельный класс феноменов на

¹ Brown A., Bristow D. Post Memes: Seizing the Memes of Production. Punctum Books, 2019. 422 p.

² Valensise C., Serra A., Quattrociochi W. Entropy and complexity unveil the landscape of memes evolution // Scientific Reports. 2021. No. 11. P. 200-222.

³ Ловинк Г. Критическая теория интернета. М: Ad Marginem, 2019. 304 с.

⁴ Shifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge MA: MIT Press, 2014. 200 p.

основании определенных критериев (о чем пойдет речь далее), для нас остаются важны общие когнитивно-коммуникативные процессы мем-культуры.

Актуальность темы исследования связана со специфическим соединением двух сложных феноменов современности: интернет-мемов и исторической репрезентации. Стремительное развитие культуры интернет-мемов приводит к формированию практик общения, социализации, солидаризации, в которые оказываются вписаны различные феномены культуры. Нам будет интересно, как культура интернет-мемов во всей своей динамичной сложности взаимодействует с историей. Другими словами, как эта культура функционирует в связке с современной исторической репрезентацией.

В настоящем исследовании историческая репрезентация будет пониматься как формы и модели, посредством которых создаются, воспринимаются и воспроизводятся те или иные представления об истории. Под историей понимается не столько прошлое, сколько сам исторический процесс. Следовательно, историческая репрезентация для нас не является лишь производством образов прошлого или отражением каких-либо явлений прошлого. Скорее, это само производство исторических представлений, процессы и условия такого производства, а также формы и модели репрезентации истории. Формы репрезентации воспроизводят связь прошлого, настоящего и будущего, определенные нарративы и символы прошлого, хранящиеся в исторической памяти. В такой конфигурации историческая репрезентация оказывается связана с эстетическими, когнитивными и феноменологическими аспектами репрезентации в целом. Эти теоретические вопросы занимают философов и теоретиков истории^{5,6,7}. В их работах степень теоретизирования обычно находится на высоком внеэмпирическом уровне и далека от культурологических феноменов. Зачастую теория истории ориентируется на научную историографию, мало уделяя внимания

⁵ Репина Л.П. Темпоральные характеристики исторического сознания (о динамическом компоненте “истории памяти”) // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 28–43.

⁶ Ankersmit F.R. Historical representation. Stanford CA: Stanford University Press, 2001. 321 p.

⁷ Темпоральный поворот и реполитизация истории / сост. Олейников А. // Логос. 2021. №4. 274 с.

популярной культуре, тем более цифровой. При этом прослеживается тенденция к повышению интереса к разным формам исторической репрезентации, в том числе к альтернативным формам в искусстве и массовой культуре⁸. Среди главных задач нашего исследования — проанализировать, какие формы приобретает историческая репрезентация в рамках культуры интернет-мемов, что для современной научной парадигмы является актуальным сближением общегуманитарных категорий с эмпирическим материалом массовой культуры в цифровой среде. Таким образом, в первом приближении мы попытаемся реконструировать (проблематизировать) интернет-мем как форму исторической репрезентации в медиатизированной среде. Под медиатизированной средой мы будем понимать особую коммуникативную ситуацию, при которой эта среда оказывает существенное воздействие на формы, методы и содержание исторической репрезентации⁹.

В диссертации анализируются популярные интернет-мемы с ретроспективной, историзированной и темпоральной конструкцией, то есть, не просто интернет-мемы о прошлом, а те, организационное ядро которых связано с проблемой истории как исторического процесса. Мы продемонстрируем возможность интернет-мемов быть семиотическими инструментами для воплощения современного исторического опыта.

Несмотря на существование множества определений интернет-мема, в диссертации будет сформулировано собственное определение исторического интернет-мема. В первом приближении интернет-мем — это крайне распространенный визуально-вербальный артефакт цифровой культуры со стабильной частью, задающей определенный семиотический горизонт, и постоянно видоизменяющейся частью, за счет которой появляются все новые вариации интернет-мема. В таком определении интернет-мемы становятся своего

⁸ Корчинский А.В. Воображая историю: вместо введения // Новое литературное обозрение. 2024. №186. С. 37–48.

⁹ Зверева Г.И. Профессиональное историческое знание в медиатизированной среде: новые подходы к изучению // Преподаватель XXI век. 2022. №4. Часть 2. С. 306–315.

рода новым языком¹⁰, поскольку интернет-мем потенциально дает возможность совершать бесконечное количество высказываний путем своих вариаций — репликаций. Мы покажем, как этот язык позволяет совершать высказывания об истории. Интернет-мемы, обладающие семиотическим инструментарием для продуцирования высказываний об истории, мы будем называть историческими.

В настоящей диссертации исследование исторических интернет-мемов основывается на теории репрезентации и теории истории, что позволяет раскрыть функционирование исторической репрезентации в современной интернет-коммуникации. Основным предметом исследовательского интереса выступают не отдельные интернет-мемы или историческая репрезентация, что активно исследуется в настоящий момент множеством ученых, а специфическое участие исторической репрезентации в цифровой коммуникации, создающее новый тип исторической репрезентации. В этих репрезентациях, организованных темпорально, мы будем встречаться с различными проблемными категориями современной гуманитаристики, такими как, например, историческая память, ностальгия или анахронизм.

Таким образом, актуальность темы исследования заключается в сближении современных цифровых практик и проблемы исторической репрезентации, что намечает новую область исследований и аналитическую оптику в отечественной и международной культурологии.

Степень научной разработанности темы. Рассмотрение исторических интернет-мемов в свете проблематики исторической репрезентации — практически неизученная тема. Во многом это связано с высоким уровнем абстракции в гуманитарных теориях, с одной стороны, и молодостью, «неисторичностью» такого феномена как интернет-мемы, с другой. В теории истории активно исследуется проблема исторической репрезентации, понимание современного исторического опыта и сам статус истории (и историографии) в повседневности.

¹⁰ Valensise C., Serra A., Quattrociochi W. Op. cit. P. 200.

Отдельно существует множество исследований, посвященных интернет-мемам, их конструкциям, распространению, социальному значению. Из интегральных работ, концептуально близких к проблематике настоящей диссертации, существуют исследования исторической памяти в интернет-мемах, цифровой памяти, а также различные работы по взаимодействию медиа и истории. Таким образом, можно выделить три направления работ, касающиеся настоящего диссертационного исследования.

1. Историческая репрезентация как исследовательская категория неотделима от проблемы репрезентации в общегуманитарном контексте. Одним из ключевых современных специалистов по проблеме репрезентации является С. Холл, наметивший основные подходы к осмыслению и анализу репрезентации¹¹. Дебаты вокруг проблемы репрезентации продолжаются и в современной гуманитаристике внутри философии искусства, культурологии¹² и во многих других контекстах.

Внимание к исторической репрезентации как к отдельной проблеме исследования условно можно отсчитывать с появления в 1973 году работы Х. Уайта «Метаистория»¹³. В этой работе был поставлен вопрос о возможности научной историографии быть объективным «выразителем» истории, а не только лишь специфической частью большого полотна репрезентаций. Одним из критиков историографической репрезентации и теоретиков истории является Ф.Р. Анкерсмит¹⁴. Вслед за Уайтом, раскритиковавшим научную историографию как исторически и тропологически обусловленную языковую репрезентацию, Анкерсмит выходит на такую категорию, как исторический опыт, который находится в особых отношениях с репрезентацией. Анкерсмит формулирует понимание постмодернистского исторического опыта, который концентрируется

¹¹ Hall S. Representation: cultural representations and signifying practices. London: Sage in association with the Open University, 1997. 400 p.

¹² Garcia T. In Defense of Representation / Realism Materialism Art. Sternberg Press. 2015. P. 245–251.

¹³ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 528 с.

¹⁴ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М: Канон+, 2009. 400 с.

на постоянном напряжении между настоящим и прошлым взамен признания независимости прошлого в опыте историзма, и ставит историописание в один ряд с «ненаучными формами» исторического опыта: ностальгией и репрезентациями в сфере искусства.

Другой значимый для понимания проблемы исторической репрезентации автор — немецкий философ истории Й. Рюзен. Он один из немногих авторов, попытавшихся в теории истории после постмодернистского влияния сформулировать обобщенную концепцию исторической репрезентации и исторической культуры¹⁵. Современные концептуализации исторической репрезентации часто опираются на рассуждения Рюзена. Его проект специфических исторических культур, не ограниченных академическими историческими дискурсами и связанных с популярной культурой, влиятелен в современных осмыслениях бытования истории в разных формах¹⁶.

Осмыслением категории исторической репрезентации занимались различные теоретики истории в ситуации после постмодерна, которые будут важны для формулирования нашего понимания этого феномена. В этом контексте наиболее значимыми для концептуализации проблемы репрезентации для нас будут работы С. Бенна¹⁷, В. Вжосека¹⁸, А. Ассман¹⁹, Х.У. Гумбрехта²⁰ и некоторых других исследователей. Для нас будет важным постоянно тестировать состоятельность термина «историческая репрезентация», имея в виду, что он имеет ряд теоретических пересечений, например, с понятиями исторического воображаемого (воображения) или исторического сознания²¹.

¹⁵ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 8–27.

¹⁶ Lähteenmäki I. Media Conscious Understanding of Historical Popular Culture // Faravid. 2021 No. 52. P. 51–68.

¹⁷ Бенн С. Одежды Клио. М: Канон+, 2011. 304 с.

¹⁸ Вжосек В. Культура и историческая истина. М: «Кругъ», 2012. 336 с.

¹⁹ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М: Новое Литературное обозрение, 2017. 272 с.

²⁰ Gumbrecht H.U. Our Broad Present: Time and Contemporary Culture. New York: Columbia University Press, 2014. 112 p.

²¹ Корчинский А.В. Указ. соч. С. 40.

2. Интернет-мемы хотя и имеют относительно краткую историю, пользуются большой популярностью в современных кроссдисциплинарных исследованиях. Изначально осмысляющиеся как сетевой фольклор²², интернет-мемы были подхвачены различными лингвистическими^{23,24} и медиаисследованиями^{25,26}. Существуют специализированные сборники и исследовательские лаборатории, фокусирующиеся на проблеме интернет-мемов, исследующие их конструктивные модели, социальную роль, маркетинговые и политические возможности и прочие аспекты.

Из-за стремительного изменения самого этого явления, статьи об интернет-мемах быстро устаревают и порой смотрятся анахронично. Символом этой анахроничности является постоянная ссылка на Р. Докинза, который до эпохи интернета сформулировал понятие «мем» в культуре по аналогии с «геном» в природе²⁷. Интернет-мем пытаются объяснить через разные характерные элементы, такие как виральность (степень распространяемости), лингвистичность, комизм. Эта эпистемологическая сложность рефлексирована исследователями интернет-мемов, что привносит все новые аспекты в изучение культуры интернет-мемов (от кризиса платформ 2020-х годов до выхода интернет-мемов в оффлайн пространство)²⁸. В нашем исследовании мы дадим собственную интегральную характеристику интернет-мема с учетом исследований из разных дисциплин и сконструируем объект исследования: исторический интернет-мем. Для нашего исследования принципиально важно объединить лингвистические исследования

²² См., например: Алексеевский М.Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) // От Конгресса к Конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник материалов. М., 2010. С. 151–166.

²³ Кронгауз М.А. Мем в русскоязычном Интернете: опыт реконструкции // Русский язык и новые технологии. М: Новое литературное обозрение, 2014. С. 87–95.

²⁴ Davison P. The language of internet memes // The social media reader. New York: New York University Press, 2012. P. 120–136.

²⁵ Колозариди П.В. Мем о бесславии // Логос. 2016. Т. 26. №6 С. 219–235.

²⁶ Milner R. The world made meme: Public conversations and participatory media. Cambridge MA: MIT Press, 2016. 272 p.

²⁷ Докинз Р. Эгоистичный ген. М: Мир, 1993. 318 с.

²⁸ Galip I. Methodological and epistemological challenges in meme research and meme studies // Internet Histories. 2024. vol. 86. №4. P. 312–330.

интернет-мемов некоторых классиков исследований цифровой культуры, например Л. Шифман²⁹, с их социологическими исследованиями медиа и цифровой среды, опирающимися на школы исследований медиа³⁰.

3. История и память в интернет-мемах. В связи с бумом исследований в предметном поле *memory studies* социальные сети и их контент стали популярным объектом изучения. Изыскания в этом направлении часто совмещают изучение исторической памяти с изучением медиакультуры. Понимание особой специфичности бытования исторической памяти в цифровой среде привело к возникновению направления *digital memory studies*, к которому примкнули интересующиеся проблематикой исследователи из разных областей науки³¹. Помимо точечных исследований по какому-либо сюжету исторической памяти, присутствующему в различных интернет-мемах, существуют целые проекты по анализу исторической памяти в социальных сетях³².

В изучение цифровой истории (памяти) вовлекаются исследователи из разных областей, создавая калейдоскоп подходов, сложно совместимых друг с другом. Часть из них продолжает исследовать историческую память на основе работ доцифровых теоретиков исторической памяти³³. Другие стараются понять медиаэффекты, возникающие в распространении представлений о прошлом³⁴. Третьи, пытаясь сконструировать концепт «цифровой истории», показывают, как научная и научно-популярная историография инкорпорируется в интернет³⁵. Такое обилие исследований прошлого (истории) в цифровой среде свидетельствует о

²⁹ Shifman L. *Memes in Digital Culture...* 2014.

³⁰ Луман Н. Самоописания. М: Издательство «Логос», ИТДГК «Гнозис», 2009. 320 с.

³¹ Hoskins A. *Media, memory, metaphor: remembering and the connective turn* // *Parallax*, №17(4), 2011. P. 19–31.

³² Тихонова С.В., Артамонов Д.С. *Историческая память в социальных медиа*. СПб: Алетейя, 2021. 264 с.

³³ См. Например, Makhortykh M. *Everything for the Lulz: Historical Memes and World War II Memory on Lurkomor'e* // *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*. 2015. No. 13. P. 63–90.

³⁴ Зверева Г.И. *Рядовой пользователь социальных медиа как историк: способы создания исторического нарратива на YouTube* // *Преподаватель XXI век*. 2019, №4–2. С. 323–337.

³⁵ Хут Л.Р., Чеучева А.К. *Цифровая история в эпоху антропоцена* // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2019. №4 (245). С. 99–109.

высокой востребованности понимания цифровой трансформации исторической репрезентации. Дискурс исторической памяти занял доминирующее положение в рассуждениях о бытовании исторического в цифровой культуре. Для нашего исследования принципиально важно переориентироваться в сторону понятий «историческая репрезентация» и «исторический опыт», которые мы применяем к анализу исторических интернет-мемов. Трансформация репрезентации истории в цифровой культуре понимается и принимается в разных вариациях, при этом принципиальные особенности цифрового исторического опыта формулируются очень редко. Анализ этого опыта с опорой на исследователей медиа и теоретиков истории является одной из задач данного диссертационного исследования.

Объект исследования: интернет-мемы как форма исторической репрезентации.

Предмет исследования: конструирование истории в интернет-мемах в условиях медиатизированной среды. Существование исторических интернет-мемов в цифровой среде интересует нас как новая форма выражения исторического опыта, продолжающая и трансформирующая аналоговые формы переживания истории.

Для анализа исторических интернет-мемов нами будет сформулирована аналитическая триада: репрезентация, метафора и исторический опыт, реализующиеся посредством интернет-мемов. Концептуализации понятий репрезентации, метафоры и исторического опыта будет посвящена глава 1 настоящего исследования. В самом общем виде под репрезентацией понимается совокупность эстетических и технологических свойств, реализующих интернет-мем как актуальную форму исторической репрезентации³⁶. Под метафорой понимается организующий принцип, семиотический инструмент интернет-мема, под историческим опытом — все богатство феноменологических категорий,

³⁶ Мы разграничиваем понятия «историческая репрезентация» и «репрезентация», подразумевая под вторым уже конкретно воплощенный объект, обладающий технологическими и эстетическими свойствами, в то время как первое включает в себя другие элементы исследовательской триады, сформулированной выше.

которые воспроизводятся в интернет-меме (ностальгия, ретротопия и многое другое).

Целью исследования является раскрытие характеристик исторических интернет-мемов в качестве новой формы исторической репрезентации, продуцирующей исторический опыт в рамках медиатизированной среды.

Задачи:

- определить значение и границы категории (понятия) историческая репрезентация, условия ее применения для артефактов массовой культуры;
- сформулировать понятие исторического интернет-мема с учетом проблематизаций из разных областей науки;
- проанализировать организационные метафоры, репрезентационные свойства и аспекты исторического опыта основных исторических интернет-мемов;
- на выборке основных исторических интернет-мемов и их репликаций показать, как интернет-мемы функционируют в виде нового типа исторической репрезентации.
- продемонстрировать спектр феноменов современного исторического опыта и различные возможности моделирования истории посредством исторических интернет-мемов.

Источниковая база исследования. В качестве источников исследования используются популярные исторические интернет-мемы и их репликации. Отбор интернет-мемов, а также репликаций (то есть конкретных изображений) как популярных и репрезентативных, является особой задачей вследствие высокой фрагментарности контента и отсутствия задачи количественной медиааналитики в настоящем исследовании. Поэтому мы будем опираться на крупные и общеизвестные энциклопедии интернет-мемов и медиа (сайты), посвященные анализу трендов в социальных сетях. Речь идет о таких сайтах, как memeredia.ru, knowyoumeme.com, rikabu.ru, medialeaks.ru и некоторых других.

Репрезентативность этих энциклопедий заключается в их тематической привязке к агрегации популярного контента в цифровом пространстве. Таким образом, энциклопедия принципиально заинтересована фиксировать

появляющиеся и широко распространяющиеся цифровые артефакты, так как от этого будет зависеть посещаемость и успешность самой энциклопедии. В процессе распространения интернет-мема многие пользователи пытаются уточнить значение и происхождение мема, и этот поток запросов обрабатывают энциклопедии интернет-мемов, в том числе конкурируя между собой. Соответственно, любой действительно широко распространяющийся интернет-мем никогда не уйдет из поля зрения энциклопедий интернет-мемов. Сложнее дело обстоит с конкретными репликациями, которые также широко представлены в энциклопедиях, но всегда являются какой-либо выборкой, пусть и наиболее заметных публикаций. В нашем случае мы исследуем репликации не как конкретные исторические высказывания о чем-либо или элементы исторической памяти. Скорее, приоритетное значение для нашего исследования будут иметь семиотические функции исторического интернет-мема, сами способы продуцирования исторического опыта. Теоретики также отмечают проблему влияния инфраструктуры сайтов или социальных сетей на формат интернет-мемов, распространяющихся внутри каждой конкретной среды³⁷.

В такой перспективе устраняется проблема разделения интернет-мемов на русскоязычные и англоязычные. Почти все анализируемые нами интернет-мемы глобальны, обладают определенным семиотическим инструментарием, который организуется метафорами и репрезентационными стратегиями, общими для современной глобальной цифровой культуры³⁸. Для удобства мы будем опираться на русскоязычные репликации интернациональных интернет-мемов, продуцирующих глобальный исторический опыт.

Принцип отбора исторических интернет-мемов будет во многом связан со специфическим определением исторического интернет-мема, предложенным в главе 2. Согласно с этой формулировкой, для анализа привлекаются около 25

³⁷ Rogers R., Giorgi G. What is a meme, technically speaking? // *Information, Communication & Society*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 73–91.

³⁸ Nissenbaum A., Shifman L. Meme Templates as Expressive Repertoires in a Globalizing World: A Cross-Linguistic Study // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2018. Vol. 23. No. 5. P. 294–310.

наиболее популярных исторических интернет-мемов (и по несколько репликаций на интернет-мем), которые охватывают основные формы подобной исторической репрезентации. При этом, как уже отмечалось ранее, анализируемые интернет-мемы глобальны, хотя специфика русскоязычного сегмента проявляется в конкретных репликациях, сам исторический интернет-мем, за исключением некоторых случаев, интернационален.

Наше исследование не ставит целью исчерпывающее описание всех исторических интернет-мемов, для нас важнее будет показать возможности включения определенных форм репрезентации истории посредством интернет-мемов. Тем не менее, набор исторических интернет-мемов в нашем понимании достаточно ограничен и понятен, а репликации, которые мы привлекаем, бытуют в многомиллионных сообществах в социальных сетях и поисковых системах. Конкретные репликации могут исчезать и удаляться, такова специфика цифрового пространства, поэтому в каких-то случаях мы будем давать ссылки на энциклопедии исторических интернет-мемов и различные медиа. А в отдельных случаях — наиболее характерных и важных для демонстрации — иллюстрации будут представлены в приложении.

Теоретико-методологические основания исследования.

Рассматривая проблему исторической репрезентации, мы будем опираться на мыслителей, теоретизирующих проблемы репрезентации и истории в широком общегуманитарном контексте^{39,40,41}. Важным аспектом исследования также выступает поворот к историческому опыту, который оказывается в специфических отношениях с репрезентацией⁴². Исторический опыт организуется метафорами (в смысле необходимых трансцендентальных операций — семиотического инструментария). Исторический опыт модерна (со всеми оговорками определяемый как историзм) существовал в рамках правил, заданных научной историографией. Постмодернистский исторический опыт сбрасывает с себя логику

³⁹ Вжосек В. Указ. соч.

⁴⁰ Бенн С. Указ. соч.

⁴¹ Hall S. Op. cit.

⁴² Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М: Издательство «Европа», 2007. 612 с.

профессионального историописания и обращается к различным формам исторической репрезентации⁴³.

Этот теоретический посыл позволяет рассматривать исторические интернет-мемы как актуальные исторические репрезентации, выражения исторического опыта. Исторические интернет-мемы будут проанализированы через триаду репрезентация — метафора — исторический опыт. В этой триаде репрезентация — визуально-вербальная реализация в виде конкретного изображения, обладающая своими эстетическими и технологическими свойствами; метафора — организующий принцип интернет-мема; исторический опыт — какой-либо феноменологический компонент, проявляющийся в данной репрезентации, например, ностальгия или обращение к историческим истокам. Эта теоретическая триада калибруется на базе модели исторической культуры Й. Рюзена и ряда его оппонентов⁴⁴.

Интернет-мем как феномен, подверженный непрерывным изменениям и нетождественности самому себе, претендует на определение в виде «эпистемического объекта»⁴⁵. Поэтому, несмотря на богатство трудов последних лет в рамках различных исследовательских полей, усложняющих эпистемологическую ситуацию вокруг этого феномена⁴⁶, нами будет сформулировано собственное определение исторического интернет-мема. При этом мы постараемся очертить актуальную мысль теоретиков медиасред и интернет-культуры, упомянутых выше. Особое внимание в исследовании будет направлено на рассмотрение интернет-мемов как объектов, бытующих в медиатизированной среде, в которой цифровые технологии качественно меняют характер привычных нам феноменов⁴⁷. В нашем определении исторического интернет-мема мы также будем основываться на лингвистической,

⁴³ Lähteenmäki I. Op. cit. P. 51–68.

⁴⁴ Рюзен Й. Указ. соч. С. 27.

⁴⁵ Платонова С.И. Эпистемические объекты и социальные отношения в современном обществе // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2018. №3. С. 114–122.

⁴⁶ Galip I. Op. cit. P. 312–330.

⁴⁷ Hepp A. Deep Mediatization. New York: Routledge, 2020. 240 p.

социологической и психоаналитической традиции в понимании интернет-мемов как языка, средства социальной коммуникации и связи с коллективным воображаемым⁴⁸.

Лингвистический взгляд позволяет рассматривать интернет-мем как языковую единицу, на базе которой совершаются высказывания. Помимо самих изображений, являющихся определенным визуальным кодом, считываемым аудиторией, у каждого интернет-мема существует внутренняя семиотическая часть, которую мы называем метафорой, задающая определенный семиотический горизонт возможных высказываний об истории. В такой конфигурации можно опереться на идею Ю.М. Лотмана о «вторичной моделирующей системе», то есть о языке, который надстраивается в рамках культурной практики над естественным языком⁴⁹. С опорой на семиотические методы⁵⁰ нами будет проведен анализ как непосредственно визуальных элементов, их специфической роли и возможности появления, так и внутренней организующей метафоры, продуцирующей определенные наборы репликаций.

Социологический ракурс показывает, что интернет-мемы могут быть частью больших представлений. Наиболее популярные интернет-мемы, одобряемые аудиторией и предельно деавторизованные и демократичные, в первом приближении можно рассматривать как самоописание системы в смысле Н. Лумана⁵¹, как разговор общества с самим собой, воплощение представлений. Это позволяет делать выводы о глобально распространившихся интернет-мемах как о некоторых «общих представлениях», в том числе — представлениях об истории.

Психоаналитическая рамка в случае интернет-мема указывает на сложность реконструкции смысла и анализа рецепции. В первом приближении интернет-мем,

⁴⁸ Костоготов Д.А. Историческое сознание в интернет-мемах: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 9–1. С. 126–138.

⁴⁹ Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб: Академический проект, 2002. 544 с.

⁵⁰ Rose G. Visual Methodologies: An Introduction to Researching with Visual Materials. SAGE Publications Ltd. 2016. 456 p.

⁵¹ Луман Н. Указ. соч. С. 22.

аналогично анекдоту, «разыгрывается» с Большим Другим — публикой, одобрение которой и делает возможным существование изображения с текстом (или короткого видео) как интернет-мема⁵². При этом заключенные в нем «представления» существуют в режиме *постиронии*, в рамках которой высказывание одновременно считается как серьезное и как опровергающее (подрывающее) свою серьезность⁵³. Эта проблема приводит к диалектическому пониманию репрезентации, поскольку различные репликации одного интернет-мема способны продуцировать противоречивый исторический опыт. Эта особенность будет развернута в основном тексте диссертации в качестве одной из ключевых проблем исторической репрезентации в исторических интернет-мемах.

Научная новизна исследования заключается в интеграции феномена интернет-мемов, который все более определяет современную коммуникацию, с феноменом современной исторической репрезентации, в русле которой эта коммуникация приобретает актуальное преломление. Теоретическое осмысление современной исторической репрезентации позволит выбраться из полисемантической и произвольности использования данного термина. Его раскрытие в проблематике интернет-мемов является новаторским сближением теории исторической репрезентации с далеким на первый взгляд от нее материалом медиакультуры. В таком сближении концепция исторической репрезентации не просто переносится из других исследований, а конструируется, исходя из последних дебатов вокруг этого термина применительно к интересующему нас материалу. Мы полагаем, что наша работа позволит раскрыть некоторые важные аспекты феномена современной исторической репрезентации и приблизиться к пониманию стремительно развивающейся культуры интернет-мемов, а также получить результаты «совмещения» этих двух явлений в единой аналитической оптике, практически не имеющего аналогов в отечественной и международной науке.

⁵² Аллюков М. Часы патриарха, или Мем как иллокутивное самоубийство критики // Транслит. 2012. №12. С. 120–124.

⁵³ Павлов А.В. Дивный, новый «Цифровой мир»: постирония как ценностная установка мировоззрения миллениалов // Горизонты гуманитарного знания. 2019. №3. С. 16–31.

Теоретическая значимость диссертации определяется разработкой собственных нюансированных понятий применительно к феноменам современной медиакультуры. В частности, в работе проблематизируется понятие историческая репрезентация в контексте современной практики интернет-мемов.

Отталкиваясь от текущих междисциплинарных дискуссий, мы формулируем актуальное для современных цифровых практик понимание исторической репрезентации. В то же время выдвигается специфическое определение такого феномена, как исторический интернет-мем. Важно, что под «историческим» подразумевается не столько любой артефакт культуры, связанный с условным прошлым, сколько способность такого артефакта репрезентировать исторический процесс, темпоральную линию прошлое-настоящее-будущее, что является актуальной проблемой современной культурологии.

Диссертация носит междисциплинарный характер, так как аккумулирует несколько исследовательских полей: медиаисследования, теорию истории, лингвистику, социологию и другие. Это позволяет использовать разработки данной диссертации в исследовании проблем современной исторической репрезентации, которая претерпевает изменения в рамках темпорального, цифрового и мемориального поворотов.

Практическая значимость диссертации заключается в углублении экспертизы для двух актуальных феноменов. Во-первых, всепроникающая коммуникация посредством интернет-мемов становится для новых поколений социальных сетей доминирующей повседневной практикой и актуальной профессией (имеется в виду профессия SMM — social media marketing — социальный маркетинг в цифровых медиа). Во-вторых, анализ проблемы современной исторической репрезентации и ее цифровых вариантов, когнитивных и эстетических оснований, формирует новые инструменты для работы с историческими репрезентациями в разных областях культуры, как цифровых, так и аналоговых.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исследование исторических интернет-мемов предполагает необходимость использования такой категории, как историческая репрезентация. Эта категория в диссертации получает конкретное определение с опорой на современные дискуссии в рамках теории репрезентации и различные практики производства и потребления исторических представлений. Формулируется триада, с помощью которой можно анализировать исторические репрезентации: репрезентация, метафора, исторический опыт. Данная аналитическая триада может быть использована для исследования исторических интернет-мемов на предмет их эстетической, технологической и когнитивной организации, а также реконструкции исторического опыта, который в них воспроизводится.

2. Интернет-мем — это артефакт современной медиатизированной среды, обладающий определенными медиаэффектами, лингвистическими и социологическими свойствами. Его функционирование можно описать по аналогии с языком — способностью совершать высказывания (репликации) на базе устойчивых элементов (шаблонов). Социологические характеристики интернет-мема заключаются в его способности быть экспликацией представлений больших групп об историческом процессе. При этом одна из ключевых особенностей интернет-мемов заключается в их постиронической природе, когда любое высказывание одновременно является и подрывом (серьезности) этого высказывания.

3. Наше понимание концептуализации истории в сфере бытования интернет-мемов заключается в способности интернет-мема быть исторической репрезентацией, то есть репрезентировать восприятие исторического процесса, проблему взаимодействия прошлого, настоящего и будущего. Связь исторического интернет-мема с прошлым или памятью также важна для нас, однако ключевым становится само ощущение настоящего момента как части истории, связанного с прошлым и будущим, а также моделирования истории.

4. Анализ исторических интернет-мемов позволяет оценить новые семиотические инструменты, используемые для исторической репрезентации посредством интернет-мемов в медиатизированной среде. Эти семиотические

инструменты позволяют воспроизводить различный исторический опыт. Однако постироническая специфика интернет-мемов показывает постоянную диалектичность этого опыта, который возникает как высказывание об истории и одновременно как подрыв этого высказывания. Тем не менее, сами устойчивые рамки продуцирования истории позволяют делать выводы о специфике современного исторического опыта — раздробленного и диалектичного, но при этом постоянно актуализирующегося и, скорее, проблемного, что созвучно современной философии истории.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование соответствует паспорту ВАК по специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства и защищается по следующим областям исследований: 2. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры; 5. Возникновение и развитие исторически удаленных и современных феноменов культуры. 13. Культурные основания формирования и развития индивидуальных и групповых идентичностей в отечественной и всеобщей истории. 34. История культуры в современном медиатизированном обществе.

Апробация результатов исследования:

Диссертация обсуждалась в рамках аспирантских учебных курсов, внеучебных научных семинаров и на заседаниях кафедры.

Результаты проводимого исследования были представлены на научно-практических конференциях:

– «Современные методы изучения культуры — XIII» (РГГУ, 16–17 апреля 2021 года);

– «Векторы развития современной России-2021. Разорванное будущее: прогнозы, проекты, катастрофы, утопии» (МВШСН «Шанинка» 18 апреля 2021 года);

– «Память как история и воображение: визуальная репрезентация в литературе и культуре» (РГГУ, 10–11 марта 2022 года);

– «Современные методы изучения культуры — XIV» (РГГУ, 15–16 апреля 2022 года);

– «Современные методы изучения культуры — XV» (РГГУ, 7–8 апреля 2023 года);

– «Прошлое в настоящем» (ВШЭ, 16–18 октября 2023 года);

– «Белые чтения 2023» (РГГУ, 21 октября 2023);

– «Пироговские чтения» XXIX (ПИМУ Нижний Новгород, 30 ноября 2023);

– «Современные методы изучения культуры — XVI» (РГГУ, 19-20 апреля 2024 года);

– «Белые чтения 2024» (РГГУ, 19 октября 2023).

По теме исследования было опубликовано 4 статьи в изданиях, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России, а также глава в коллективной монографии:

– Костоглолов Д.А. Историческое сознание в интернет-мемах: к постановке проблемы / Д.А. Костоглолов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2021. — № 9-1. — С. 126–138.

– Костоглолов Д.А. Намеренный анахронизм как актуальный исторический опыт (на примере интернет-сообщества «Страдающее Средневековье») / Д.А. Костоглолов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2023. — № 7-2. — С. 268–278.

– Костоглолов Д.А. Советские визуальные символы в интернет-мемах / Д.А. Костоглолов // Обсерватория культуры. — 2022. — Т. 19, № 5. — С. 460–466.

– Костоглолов Д.А. "Парни с машиной времени": опыт исследования исторического интернет-мема / Д.А. Костоглолов // Артикульт. — 2022. — № 2(46). — С. 97–105.

– Костоглолов Д.А. Исторические интернет-мемы: метафора и память / Д.А. Костоглолов, Д.В. Заец // Память как история и воображение: Коллективная монография. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Эдитус", 2023. — С. 50–56.

На базе проблематики исследования автором диссертации был организован постоянно действующий научный семинар «Историческая репрезентация». В его рамках состоялось выступление, финализирующее настоящее исследование: «Будущего уже никто не ждет»: историческое сознание и интернет-мемы»⁵⁴.

Структура диссертации включает введение, три главы, заключение, список источников и литературы, приложение. Первая глава предлагает теоретическое осмысление проблемы исторической репрезентации в контексте гуманитарных наук и теории истории. Вторая глава посвящена феномену интернет-мема и его взаимодействию с историей в медиатизированной среде. В третьей главе проводится анализ интернет-мемов как формы исторической репрезентации.

⁵⁴Запись семинара «Историческая репрезентация» Дмитрий Костоглолов «Будущего уже никто не ждет»: историческое сознание и интернет-мемы» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ukQOKpIJ1-k> (дата обращения: 15.06.2024)

ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАК КАТЕГОРИЯ АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ

1.1. Проблема исторической репрезентации в контексте гуманитарных наук

В данной главе будет представлено каким образом возникает понятие историческая репрезентация, и как оно неотделимо от самой проблемы репрезентации, являющейся одной из центральных проблем гуманитарных наук. Мы продемонстрируем зарождение дискурса репрезентации в гуманитарных исследованиях и в теории истории последних десятилетий. А также рассмотрим, как категория исторической репрезентации способна выступать в качестве анализа артефактов современной исторической культуры. Важным элементом в категории исторической репрезентации для нас является ее наполнение не только смыслом репрезентации прошлого, но и связью с репрезентацией самого исторического процесса или идеи истории, о которой Х. Уайт говорит как о неустранимом элементе любого размышления о прошлом⁵⁵.

Один из классиков культурологии С. Холл в своей работе по репрезентации в культуре и практикам означивания ставит проблему репрезентации как центральную для современных исследований культуры⁵⁶. Для автора репрезентация является тем, что связывает язык, смыслы и культуру. Холл предлагает три взгляда на то, как язык используется для репрезентации мира (или любых явлений). Во-первых, понимание репрезентации как отражения какого-то изначально смысла внутри репрезентируемого. Эта рамка отсылает к понятию мимесиса, которое подразумевает язык (или знаковые системы) как инструмент отражения чего-либо в реальности. Смыслы, содержащиеся в реальности, передаются репрезентацией как зеркалом, отражающим ее без искажений. Такой взгляд на репрезентацию доминировал и в понимании историописания, когда тексты были призваны лишь передавать то, «как было на самом деле».

⁵⁵ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века... С. 43.

⁵⁶ Hall S. Op. cit. P. 1.

Второй подход к репрезентации Холл называет интенциональным. Он предполагает, что, создавая репрезентацию, автор вкладывает какой-либо смысл внутрь репрезентации, а сама репрезентация оказывается внутри проблемы субъективности и намерения высказывания. Третий же подход автор называет конструктивистским, подразумевая социальный характер языка (знаковой системы), на котором создается репрезентация. Смыслы создаются с помощью репрезентационных систем — знаков и концептов, которые сами обладают определенными историческими условиями существования⁵⁷. Таким образом, репрезентация не отражает реальность и не передает ее субъективно-интенционально, а сама генерирует описание реальности (или, говоря радикально-конструктивистски, саму реальность). Холл отдает предпочтение именно конструктивистскому подходу, объясняя это тем, что такой взгляд представляется наиболее влиятельным в исследованиях культуры в последние годы. Для нас будет важен этот взгляд на репрезентацию как на культурную практику, связанную с современными ей когнитивными и эстетическими режимами в культуре. Схожие тенденции можно наблюдать и в проблематизации категории исторической репрезентации.

Одним из инициаторов дискуссии об исторической репрезентации является Х. Уайт, показавший в рамках своей знаменательной работы «Метаистория», что историческое сочинение — это лингвистически сформированная репрезентация, опирающаяся на когнитивные, эстетические и идеологические стратегии в создании исторического нарратива. Уайт также сделал значимое для настоящего исследования заявление о том, что любая историческая репрезентация обладает некоторой идеей истории или философией истории:

«Я также должен подчеркнуть, что построение сюжета исторического процесса или способ объяснения его на основе формального доказательства данным историком не нужно понимать как функцию от сознательно занимаемой им идеологической позиции. Скорее, о форме, которую он

⁵⁷ Ibid P.11.

придаёт своему историческому тексту, можно сказать, что она имеет идеологический подтекст, созвучный с той или иной из четырёх выделенных выше позиций. Как каждая идеология сопровождается особой идеей истории и её процессов, так, я полагаю, каждая идея истории сопровождается определённым идеологическим подтекстом»⁵⁸.

Продолжатель критики Уайта Ф.Р. Анкерсмит также посвятил большую часть своих исследований проблеме репрезентации. В его книге «История и тропология: взлет и падение метафоры» 7 глав: первые три посвящены лингвистическим проблемам историописания, последние три — таким феноменологическим категориям, как исторический опыт или эффект реальности прошлого. Ровно между ними находится четвертая глава «Историческая репрезентация». Этот факт в некотором смысле символизирует устойчивое положение феномена репрезентации в герменевтическом круге, который в самом простом понимании обращается вокруг репрезентации, задающей опыт. С другой стороны, опыт сам по себе может определять репрезентацию⁵⁹.

Для Анкерсмита и последующих исследователей проблемы репрезентации важным преимуществом дискурса репрезентации по сравнению с дискурсами исторического объяснения и интерпретации является исследование не только прошлой реальности, но одновременно и способов и правил, с помощью которых эта репрезентация производится и функционирует⁶⁰. Кроме того, словарь репрезентации позволяет сдвинуть проблему смысла в сторону самого репрезентирующего. Сама репрезентация является ключом к смыслу репрезентируемого, а не несет какой-либо имманентный смысл, который, по мысли части историков, находится внутри прошлой реальности или, следуя лингвистической и презентистской критике, привносится из настоящего.

Анкерсмит также формулирует необходимость обращения к дискурсу репрезентации для анализа современных артефактов историописания. В

⁵⁸ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века... С. 43.

⁵⁹ Garcia T. Op. cit. P. 248.

⁶⁰ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры... С. 177.

подтверждение своей точки зрения он приводит многогранную генеалогию понятия репрезентация в концепциях известных теоретиков данной проблемы. Так, Н. Гудмен предпочитает конвенциализм искусства в семиотическом смысле⁶¹, Э. Гомбрих выдвигает теорию замещения в эссе по теории искусства⁶². По мере углубления в дебаты вокруг определения репрезентации Анкерсмит становится близка позиция А. Данто, в которой постулируется некоторая симметрия между репрезентацией и реальностью: не только репрезентация репрезентирует реальность, но и реальность есть символ репрезентации. Дистанцируясь от реальности, путем репрезентации мы способны что-либо узнать об этой реальности, при этом посредником выступают когнитивные семиотические инструменты — нарративы, метафоры (или нарративные субстанции), которые открывают доступ к исторической реальности.

Созвучно Уайту и Анкерсмит проблеме исторической репрезентации развивает английский историк С. Бенн. То, что Уайт анализирует в текстах историографии и философии истории XIX века, Бенн экстраполирует на различные культурные практики, взаимодействующие с историей в это время: историографию, живопись, исторические романы, музейные коллекции и так далее. По мысли Бенна, каждый культурный артефакт, говорящий об истории, является репрезентацией некоторого «исторического», которое связано с разными культурными практиками определенной «исторической поэтикой». Научная историография XIX века попыталась исключить вопрос репрезентации, постулируя свою цель созвучно знаменитому выражению Л. фон Ранке «как было на самом деле»⁶³. Бенн настаивает, что через репрезентацию мы можем получить доступ к исторической поэтике, пронизывающей различные культурные практики XIX века. Это позволяет сшить разные артефакты в одно историческое полотно эпохи, а историческая поэтика становится объединяющим понятием. В такой конфигурации любой неочевидный артефакт, взаимодействующей с прошлым (историей) и

⁶¹ Goodman N. Languages of Art. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1976. 296 p.

⁶² Gombrich E.H. Meditations on a Hobby Horse and Other Essays on the Theory of Art. London: Phaidon Press, 1985. 256 p.

⁶³ Бенн С. Указ. соч. С. 65.

проблематикой (ре)презентации может дать доступ к исторической поэтике «времени». Для нас этот ход развития мысли особо важен, поскольку исторический интернет-мем на первый взгляд — неожиданная репрезентация для анализа исторической поэтики, однако, на наш взгляд, претендующая на самое пристальное изучение из-за обладания определенными эстетическими, познавательными и феноменологическими качествами исторической репрезентации.

Бенн и Анкерсмит предлагают обратить внимание на эстетику в проблеме репрезентации. Авторы критикуют как классическую парадигму чистого исторического описания, так и деконструктивистскую философию языка, которая не предлагает ничего, кроме приравнивания исторических текстов к остальным текстам культуры, прежде всего, к художественным. Это приводит к актуальности анализа сходств и различий в практиках искусства и историописания. Одно из отличий заключается в том, что литература и искусство развиваются в непрерывном сомнении и отказе от прежних форм репрезентации. При написании истории репрезентационные ограничения должны соблюдаться, несмотря на изменения представлений о прошлом и историографических техник. Именно феномен репрезентации, его эстетическое измерение могут помочь продвинуться в понимании исторической репрезентации и самой исторической истины⁶⁴. Важной исследовательской задачей в дискурсе исторической репрезентации становится внимание к эстетике. Понимание произведения искусства как репрезентации чего-то через замену реального совпадает с историописанием, которое является заменой истории. А значит, репрезентация — наиболее адекватный термин (дискурс), имеющий отношение к практике создания историко-культурных артефактов, и изучать его должна эстетика.

Из приведенных выше рассуждений авторов об исторической репрезентации можно сформулировать два важных для настоящего исследования тезиса: во-первых, необходимость пристального внимания к эстетической стороне любых артефактов, повествующих об истории, во-вторых, уравнивание статуса

⁶⁴ Ankersmit F.R. Historical representation... P. 284.

классической историографии с другими типами исторических репрезентаций. Сближение практик историографии с практиками искусства, взаимодействующего с прошлым, широко обсуждаемое Бенном, Анкерсмитом и другими, находит отклик также и у теоретиков современного искусства, занимающихся проблемой исторической репрезентации. Так, М. Годфри обсуждает феномен исторической репрезентации вне академической истории в сборнике эссе «Художник как историк». Годфри отмечает всплеск интереса к истории в художественных практиках на рубеже XX и XXI веков. Различные фото- и видеоработы, объектно-ориентированное искусство производят пересмотр способов репрезентации прошлого в культуре⁶⁵. Ключевая особенность многих работ, которые анализирует Годфри, совпадает с проблематизацией исторической репрезентации у теоретиков истории, упомянутых выше. Эта особенность заключается в постоянной работе со средствами репрезентации и анализе сущности медиумов, демонстрирующих репрезентацию. А разрыв между языком и реальностью понимается как возможность репрезентации наделять содержанием наше понятие реальности⁶⁶.

Далее Годфри, исследуя работы современного художника М. Бакингема, показывает, что современный художник, работающий с прошлым, находится в контексте современной теории истории. Бакингом, опираясь на В. Беньямина и Уайта, в комментариях к своим работам отмечает, что важно не столько создавать альтернативные ревизионистские нарративы, сколько исследовать в работах саму проблему нарративов и средств исторической репрезентации⁶⁷. При этом художник, обладающий возможностью создания интермедиальных исторических репрезентаций (а значит и самокритики, самоподрыву этих репрезентаций), получает расширенные возможности для работы с прошлым. Таким образом, феномен исторической репрезентации создает ситуацию, о которой Уайт писал: «историк-критик должен понимать, что ему необходимо изобретать язык, соответствующий потребностям репрезентации исторической реальности в том

⁶⁵ Годфри М. Художник как историк. М: V-A-C press, 2021. С. 9.

⁶⁶ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры... С. 195.

⁶⁷ Годфри М. Указ. соч. С. 21.

месте и времени, где он работает»⁶⁸. В такой ситуации исторические интернет-мемы становятся одним из языков, на котором создаются исторические репрезентации в цифровой культуре. Эти репрезентации необходимо изучать в русле междисциплинарного дискурса репрезентации: то есть не только чисто содержательную сторону «представлений», но и саму визуально-вербальную структуру, семиотический инструментарий, задающие определенные параметры репрезентации и медиасреду, которой опосредована эта репрезентация.

И Уайт, и Анкерсмит, занимаясь проблемой исторической репрезентации, далее приступали к проблематизации таких категории как метафора и исторический опыт, которые находятся в определенных отношениях с репрезентацией^{69,70}. В книге «Возвышенный исторический опыт» Анкерсмит, резюмируя поворот к опыту, синтезирует три понятия: опыт, сознание и репрезентация: «...во-первых, опыт знакомит нас с миром; во-вторых, сознание предлагает нам репрезентации того мира, с которым мы знакомимся благодаря опыту; и, в-третьих, эти репрезентации могут выражаться с помощью языка»⁷¹. На базе этих посылок мы сформулируем аналитическую триаду, состоящую из трех компонентов, которые проблематизируются в теоретических дискуссиях об исторической репрезентации. Речь идет о *репрезентации, метафоре и историческом опыте*. Мы постараемся показать, чем подобная схема полезна в нашем исследовании исторических интернет-мемов.

Для анализа теории метафоры нам понадобятся дискуссии в русле лингвистического поворота, начатые Уайтом и продолжающиеся в дальнейшем такими авторами как В. Вжосек⁷², П. Рикер⁷³ и некоторыми другими. Для

⁶⁸ White H. Foreword // Koselleck R. The Practice of Conceptual History. Stanford: Stanford University Press, 2002. P. 13.

⁶⁹ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. С. 24.

⁷⁰ Уайт Х. Практическое прошлое. М: Новое литературное обозрение, 2024. 192 с.

⁷¹ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт... С. 25.

⁷² Вжосек В. Указ. соч.

⁷³ Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М., 1990. С. 416–434.

концептуализации исторического опыта нам понадобятся рассуждения Ф. Джеймисона⁷⁴, М. Фишера⁷⁵, А. Ассман⁷⁶ и многих других.

⁷⁴ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М: Новое литературное обозрение, 2019. 808 с.

⁷⁵ Фишер М. Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем. М: Новое литературное обозрение, 2021. 256 с.

⁷⁶ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна... 2017.

1.2. Познавательный аспект исторической репрезентации: метафора

При формулировке исторических интернет-мемов как формы исторической репрезентации для нас будет важным показать, как репрезентация работает на когнитивном (или познавательном) уровне. Для этого мы задействуем одно из центральных понятий современной теории истории — метафору, предполагающую в самом общем виде некоторый семиотический инструмент, находящийся на познавательном уровне организации любой исторической репрезентации. Проблематизировав категорию метафоры, далее в аналитической главе 3 мы будем использовать ее для анализа организующего семиотического принципа исторического интернет-мема как формы исторической репрезентации.

По мнению многих мыслителей современности, XX век в философии является веком философии языка⁷⁷. Или, как выразился представитель направления аналитической философии истории Р. Рорти, все пытались понять, «как язык вербует мир»⁷⁸. Для исторического знания влияние лингвистического поворота, возможно, стало наиболее масштабным в череде трансформаций и поворотов в гуманитарных науках. Историки разных школ и направлений по-разному восприняли «Метаисторию» Уайта, отстаивая базовую посылку исторической науки и вообще истории — реалистичность и познаваемость⁷⁹. Восприимчивые к новой теории историки стали исследовать текстовые источники как лингвистические репрезентации. Понимание интертекстуальности историзировало любые исторические источники, в том числе, сделав из классической научной историографии такой же исторический источник — репрезентацию. В том числе репрезентацию исторических представлений, то есть не только каких-либо представлений о прошлом, но и когнитивную, эстетическую и идеологическую программу взаимодействия человека с историей в рамках своей современности.

На этом фоне начинаются различные попытки теоретизирования тропологической основы историописания, концептуально связанные с программой

⁷⁷ Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М: Идея пресс, 2003. С. 7.

⁷⁸ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры... С. 358

⁷⁹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI века. М: Кругъ, 2011. С. 124.

Уайта, но оспаривающее схематизм его моделей⁸⁰. Необходимость лингвистической организации исторического повествования (и вообще знания), доступ к прошлому через историческую репрезентацию, построенную нарративно, являлись постулатами лингвистического поворота. Не поддерживая модель тропов Уайта, прикладываемую к конкретной историографии и спекулятивной философии истории XIX века, Анкерсмит вводит понятие нарративной субстанции — сущности, существующей лишь в рамках исторического нарратива. При этом нарративная субстанция, созданная в рамках повествования, способна дать доступ к «реальному прошлому», чувству истории. Этот, на первый взгляд, парадоксальный и антиреалистический тезис реабилитирует историописание в рамках лингвистического поворота как практику, которая всегда больше, чем денотация чего-то в прошлом или поиск финальной истинной интерпретации⁸¹. Признание некоторой автономности прошлого преодолевает постмодернистскую аксиому «нет ничего вне текста», имплицитно развивая такую категорию, как исторический опыт.

По мысли Уайта, теория тропов позволяла оценить доминирующее историческое сознание эпохи⁸². Метафора становилась не просто риторической фигурой, а замещающим образом или установкой на замещение⁸³. Ирония, метонимия и синекдоха становились типами метафоры, работающими в определенной конфигурации, а сама метафора вышла из своего сугубо тропологического (и тем более риторического) статуса и приобрела ключевую функцию, позволяющую воспроизвести историческую реальность — репрезентативностью.

Эту необходимость (в смысле неизбежности) метафоры в организации исторического повествования теоретики анализируют в свете различных

⁸⁰ Заец Д.В. Осмысление и критика философии истории Х. Уайта в ранних трудах Ф. Анкерсмита // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. №4(73) С. 121–124.

⁸¹ Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1996. Т. 1996. С. 11–24.

⁸² Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века... С. 57.

⁸³ Там же. С. 392.

историографических практик. Один из тезисов оказался связан с движением развитого исторического письма против «истины»: нарративная составляющая организует буквальную последовательность аналитически истинных высказываний⁸⁴. Вне метафоризации повествование разбивается на набор высказываний, не выполняющих функцию убедительного исторического нарратива. В таком случае неизбежно метафоризированный нарратив можно вообще отделить от проблемы истинности/неистинности⁸⁵. Это можно сравнить с работой хрониста, не обрабатывающего свои записи, и историка, который организует исторический материал какими-либо метафорами. Тем не менее, метафора дает надежные критерии разграничения важного и несущественного. Историческое повествование всегда становится чем-то большим, чем набор буквальных логически убедительных высказываний о прошлом, что является естественным свойством метафоры в историописании. Метафора выступает семиотическим инструментом, организующим взаимодействие человека с историей в повествовательной форме.

Анкерсмит углубляет значение метафоры в организации прошлого (да и самой реальности) и сравнивает ее с кантовским трансцендентализмом⁸⁶. Переходя на уровень сознания и наследуя вопросы, поставленные Уайтом об историческом сознании и порождаемыми им историческими репрезентациями, Анкерсмит развивает проект метаистории как формирование квази-кантовской эпистемологической системы, которая дает когнитивное понимание оснований исторической репрезентации.

Можно выделить два признака сходства метафоры и кантовского трансцендентализма. Во-первых, это стремление трансформировать чужое в знакомое. Во-вторых, и метафора, и трансцендентализм позволяет организовать мир, причем устраняя себя из мира, который ими организуется или, проще говоря, преобразуют опыт в знание, «не обращая на себя внимание». Реальность

⁸⁴ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры... С. 27.

⁸⁵ Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков... С. 9.

⁸⁶ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры... С. 32.

осваивается трансцендентальным Я, метафора также участвует в переводе незнакомого в знакомое, но, в том числе привносит нерелевантный трансцендентализму ценностный характер. Именно поэтому метафора столь эффективна в социальном и историческом воображаемом: «...метафора есть наиболее мощный лингвистический инструмент, который мы имеем в нашем распоряжении для преобразования реальности в мир, адаптируемый к человеческим целям и задачам»⁸⁷. Мы покажем, что и в случае исторических интернет-мемов метафора, являющаяся внутренней основой конструкции интернет-мема, является необходимым элементом такой формы исторической репрезентации.

Интерес к метафоре как ключевой когнитивной (трансцендентальной) операции в постижении опыта истории заметен у многих авторов последних десятилетий⁸⁸. Польский теоретик истории В. Вжосек в своей книге с всеобъемлющим названием «Культура и историческая истина» рассуждает о роли метафоры в культуре и историографии как неотъемлемой ее части. По мысли Вжосека:

«Процесс антропоморфизации мира, сопровождающий культурную импутацию, в то же время предполагает его метафоризацию. Иначе говоря, каждая мыслительная репрезентация мира, поскольку она осуществляется в границах (или от имени) культуры, становится характерной для нее метафорой мира. Данная культура воспринимает мир, используя конститутивные метафоры. Эти фундаментальные метафоры неустранимы и исторически непреодолимы. Отказ от них означал бы невозможность взаимопонимания в границах этой культуры и с нею самой»⁸⁹.

Автор говорит о неустранимости и исторической необходимости метафор, вне которых отсутствовало бы какое-либо понимание. Метафоры не просто

⁸⁷ Там же. С. 38.

⁸⁸ Лаптева М.П. Роль метафоры в историческом познании // Культурный код. 2020. № 3. С. 30–37.

⁸⁹ Вжосек В. Указ. соч. С. 34.

помогают говорить о чем-либо (о прошлом, настоящем или будущем), они абстрагируют и моделируют любое мышление.

Рассуждения о работе историка, принадлежащего своей культуре и не просто не способного выбраться из своего контекста, но даже зависящего от него в случае какого-либо интереса к прошлому, приводят Вжосека к понятию «культурной импутации», то есть погружения культуры настоящего в культуру прошлого. Эта импутация определяет конкретные исторические образы прошлого, положение человека в истории, темпоральность, границы историчности. Существенным оказывается то, что импутация осуществляется метафорами как базовыми мыслительными инструментами любого человека, рассуждающего об истории. Эти метафоры оказываются присущи любым артефактам исторической культуры, в нашем случае — интернет-мемам.

Такое видение метафоры в исторической практике приводит Вжосека к важной мысли об изучении эпистемологии как об анализе метафор, используемых в историографических текстах и в любых исторических репрезентациях. Обозревая генеалогию понимания метафоры, Вжосек показывает переход от метафоры в качестве риторического приема к метафоре как инструменту абстрагирования и моделирования. Метафоры обуславливают историческое мышление и исторические образы, создаваемые историческими практиками (подразумевая классическое историописание как часть общей культуры). Такое понимание будет важно для настоящего исследования, в котором интернет-мем также организуется метафорой, связанной с историческим мышлением. Цифровая практика взаимодействует с историей с помощью интернет-мемов, организующие метафоры которых в качестве семиотических инструментов моделируют и воспроизводят исторический опыт.

Вжосек настаивает на эпистемологическом и даже логическом видении метафоры, называя ее логическим паттерном. Здесь мы сталкиваемся с трансдисциплинарной проблемой использования понятия метафоры. Постулируя метафору как трансцендентальную (познавательную) операцию, которая повторяема и распознаваема, несложно оказаться в поле таких терминов как

паттерн, фрейм, концепт и тому подобное. Эта синонимичность рефлексруется в научной литературе у исследователей, для которых эти категории имеют ключевое значение, например, в лингвистике⁹⁰. Теория истории под действием лингвистического поворота сконцентрировалась на понятии метафоры из-за своей связи с литературным анализом и в целом доминирования текстовой исторической репрезентации, в то время как, например, для социологии более релевантным оказывается понятие фрейм, а для лингвистики — концепт. В случае настоящего исследования, когда речь идет об исторических интернет-мемах, ситуация обстоит сложнее. Мы выдвигаем тезис, что каждый исторический интернет-мем имеет свою организующую метафору в том смысле, в котором ее понимают такие философы истории как Анкерсмит, Вжосек и ряд других. В случае исследования исторической репрезентации для нас понятие метафоры становится ключевым, несмотря на признание его синонимичности с похожими понятиями гуманитарных и социальных наук.

Тем не менее, помимо метафоры релевантным для анализа интернет-мемов мы считаем понятие «фрейм». Во-первых, сама конструкция интернет-мема, в которой есть некоторый шаблон, воспроизводящий все новые и новые репликации, наводит на мысли о «рамочности» (в целом даже сами изображения в своем визуальном исполнении буквально подходят на рамку, которую мы непосредственно наблюдаем, а также на рамку высказывания). Во-вторых, в формулировании феномена интернет-мемов мы указываем на его социологические аспекты. Создание новых репликаций по существующему шаблону и распространение в социальных сетях можно сравнить с фреймированием, о котором говорят социологи. Для И. Гофмана фрейм — это рамка, задающая воспроизведение как на уровне практики — субъективного опыта, так и на уровне смысла⁹¹. Соответственно, появление и распространение все новых репликаций на

⁹⁰ Беляевская Е.Г. Фрейм, концепт, концептуальная метафора - синонимы? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. №22 (733). С. 9–20.

⁹¹ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.

базе устойчивой части интернет-мема может рассматриваться как фрейм. Фрейм подразумевает свою устойчивость при некотором изменении, что похоже на дихотомию интернет-мем — репликация. Так же как интернет-мем, невозможно создать и фрейм, он принадлежит «социальному бессознательному», и его искусственная сконструированность редко приводит к успеху.

Однако для нашего исследования первостепенное значение имеет история в исследуемых интернет-мемах, в которых организующая метафора позволяет воспроизводить какой-либо исторический опыт, а не фреймирование, воспроизводящее в рамке интернет-мема какой-либо смысл. Здесь видны определенные ограничения, с которыми сталкивается исследователь цифровой культуры, оперирующий традиционными аналитическими инструментами. Возможно, в случае настоящей исследовательской задачи можно было бы предложить синтетический термин «метафора-фрейм», учитывающий как лингвистический аспект функционирования интернет-мемов, так и социологический внутри медиатизированной среды. Однако для конкретизации в анализе исторических интернет-мемов мы будем использовать понятие метафоры, иногда, по необходимости, приводя какие-либо недвусмысленные синонимы.

В своих теориях метафоры Анкерсмит и Вжосек опираются также на П. Рикёра, уделявшего особое внимание текстовым репрезентациям и построению нарратива. Метафора у Рикёра также далеко уходит от простого риторического понимания⁹². Метафора оказывается больше, чем строго когнитивным инструментом, она связана также с воображением и ощущением. Рикёр пишет о метафоре как акте предикации, который наряду с воображением и ощущением создает сложную референциальную систему. Соответственно любое знание становится «метафоричным», то есть обеспеченным некоторым внутренним уровнем, который задает воспроизводство знаний человека о природной и социальной реальности. Не углубляясь в теоретизирования автора, нам здесь интересно понимание метафоры как необходимого компонента в организации

⁹² Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / Теория метафоры. М: Прогресс, 1990. С. 416–434.

знания, семиотического инструмента, при этом связанного с феноменологической категорией опыта, что созвучно Анкерсмитту, Вжосеку и другим авторам, например, Дж. Лакоффу и М. Джонсону в их знаменитой работе «Метафоры, которыми мы живем»⁹³.

Размышления о сходствах и различиях метафоры и трансцендентализма наводят на общую критику нарративизма как редуционистской тенденции сведения исторических репрезентаций к рассказыванию историй. Выход из-под диктата нарративизма и текстовой организации позволяет погрузиться в сложный современный дискурс репрезентации и размышлять об историческом опыте в самом взаимодействии между репрезентированным и репрезентацией. Вместе с проблемой репрезентации мы привлекаем категорию исторического опыта, трансформируя схему, навязанную лингвистическим поворотом. Для нашего исследования необходимо синтезировать все эти направления: принципиальную важность метафорической организации любой репрезентации в ее трансцендентальном изводе, отказ от нарративизма классической историографии, внимание к историческому опыту. Это позволит посмотреть на исторический интернет-мем как на историческую репрезентацию, организованную метафорически и связанную с определенным историческим опытом.

Таким образом, мы увидели, как вследствие лингвистического поворота в теории истории метафора приобретает главенствующее значение. Первоначально, концептуализируя метафору как один из тропов организации повествования, исследователи деконструировали многие метафорические схемы, которые казались в историографии совершенно естественными (например, метафора структуры или генезиса). Позднее метафору стали рассматривать под когнитивистским углом, она становится необходимой операцией, семиотическим инструментом для любых мыслительных процессов, в том числе исторического мышления. Авторы постулируют невозможность существования исторического мышления вне

⁹³ Лакофф Дж. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

метафорической организации, таким образом, метафора возводится в трансцендентальную операцию.

Такое понимание позволяет видеть в метафорах необходимый элемент построения исторических репрезентаций. Почти вся аналитика метафор в репрезентациях ведется на примерах из историографии, где лингвистическая форма «сама себя выдает» на предмет метафорической организации. Задача настоящей диссертации проанализировать исторические интернет-мемы — визуально-вербальную цифровую историческую репрезентацию — ее метафорическую организацию. В каждом интернет-меме есть организующий принцип, семиотический инструмент, который мы в соответствии с лингвистическо-когнитивистской традицией будем называть *метафорой*.

1.3. Феноменологический аспект исторической репрезентации: исторический опыт

Помимо эстетической и познавательной стороны исторической репрезентации для нас будет важным указать на тот исторический опыт, с которым связана репрезентация. Сформулировав выше, что в качестве исторической репрезентации может выступать любой артефакт культуры, отсылающий к прошлому или истории, мы утверждаем, что исторический интернет-мем также является формой исторической репрезентации. Опираясь на посыл, развиваемый Х. Уайтом и многими другими авторами, что любой артефакт исторической культуры обладает и какой-либо идеей истории, для нас будет важным указать, какую идею истории или, точнее, исторический опыт могут воспроизводить интернет-мемы как форма исторической репрезентации.

Проблема исторического опыта является одной из центральных в современной философии и культурологии. В послесловии к русскому изданию сборника интервью Э. Доманска «Философия история после постмодернизма» А. Мегилл говорит об исследовании исторического опыта как ключевой задаче историков после постмодернизма⁹⁴. Действительно, почти во всех интервью, собираемых в 90-е годы и позднее, обсуждается проблема исторического опыта и возможности развития исследований в опоре на эту категорию. В русском послесловии 2009 года Мегилл лишь констатировал углубление этого процесса.

Долгое время вопрос исторического опыта был иррелевантен для дискуссий в русле как модернистской философии, так и нарративной философии истории времен лингвистического поворота⁹⁵. Только преодолевая эти тенденции с их отчуждением истории в недоступный объект или в текстовую реальность, возможно подойти к проблеме исторического опыта как необходимой категории.

Классическая историография с настройкой на объективизм очень долго изымала категорию опыта настолько, насколько это возможно, хотя именно исторический опыт — это тот уровень между самим прошлым и его адекватной

⁹⁴ Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М: «Канон+», 2010. С. 392.

⁹⁵ Там же. С. 142.

репрезентацией историком⁹⁶. Эту ситуацию не меняет и постмодернизм, который сосредоточен на текстовых репрезентациях и их отношениях друг с другом. Текстцентрическая теория исторического опыта Х.Г. Гадамера постулирует альтернативность кантианскому трансцендентализму в аспекте соединения познания и бытия. Онтологическая герменевтика Гадамера формулирует восприятие исторического текста, его переживание в принципиальном отношении к читателю в настоящем. Именно поэтому опыт интерпретации исторического источника и не может считаться опытом прошлого. Анкерсмит категорично заявляет, что ни модернизм, ни постмодернизм не смог создать сколько-либо адекватную теорию исторического опыта, и это приходится делать ему⁹⁷. Приблизительно в это же время начинают появляться различные работы, диагностирующие опыт истории современного человека, например, рассуждения Джеймисона о ностальгии как структурно необходимой рамке позднего капитализма⁹⁸, или более поздние эссе Фишера о кризисе будущего, которые будут важны для нас при анализе исторической репрезентации в интернет-мемах.

Критикуя сциентистскую установку на коллективное прошлое как на единственный адекватный объект исторического познания, теоретики обращаются к эффектам личного переживания истории. Категорией наиболее интенсивного переживания прошлого в современности является ностальгия, которая уже у Джеймисона является доминирующей частью исторического опыта постмодернизма или позднего капитализма. Ностальгический опыт прошлого, шире проявляющийся в постмодернизме, является наиболее адекватным выразителем опыта по сравнению с классическим историзмом. Историзм устранял опыт, в то время как ностальгическая матрица прошлого признает недостижимость прошлого, дистанцию между настоящим и прошлым. Но ностальгия — это не возвращение прошлого. Ностальгия также и не познание прошлого (что является основной целью в рамках классического историзма), ностальгия — это ощущение

⁹⁶ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры... С. 328.

⁹⁷ Там же. С. 219.

⁹⁸ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма... С. 551.

разрыва между настоящим и прошлым. Именно ощущение этого разрыва (выражаясь психоаналитически, получение удовольствия от разрыва, несхождения) является главной характеристикой постмодернистского исторического опыта по Анкерсмицу и выходом из объективирования прошлого в рамках историзма. В анализе исторических интернет-мемов мы увидим, что многие из них способны продуцировать репликации, связанные с ностальгией.

Идеалы историзма базировались на независимости прошлого, его объективности, автономии и самодостаточности. В условиях лингвистического поворота и презентизма (ранних тем исследований постмодернистских теоретиков) эта объективность и сама объективация оказались поставлены под сомнение, что дало возможность увидеть иные отношения прошлого и настоящего и эффекты, позволяющие им разъединяться и перемешиваться.

Рассуждая о феноменологии исторического опыта, Анкерсмит спорит с позицией о тотальности настоящего в любом опыте и отстаивает существование именно опыта прошлого, и именно посредством ностальгии. Сама категория ностальгии в дальнейшем проблематизировалась многими теоретиками. Так, С. Бойм выделяет два типа ностальгии: рефлексирующую ностальгию, связанную с личными и критическими воспоминаниями, тоской и чувством утраченности, и реставрирующую ностальгию, которая выходит за рамки личной памяти и связана с реконструкцией разных исторических проектов и эпох⁹⁹. Это разделение можно концептуализировать на базе исторической памяти и разделить личную память (ностальгию, инвестированную чувствами) и память о чем-то или знание о прошлой реальности. Это разделение затем будет воспроизводиться у различных теоретиков памяти, в частности, будет разработана популярная концепция коллективной (коммуникативной) памяти, то есть личных воспоминаний, и концепция культурной памяти — артефактов прошлого, передающихся через поколения без личного свидетельства прошлых событий¹⁰⁰.

⁹⁹ Бойм С. Будущее ностальгии. М: Новое литературное обозрение, 2019. С. 23.

¹⁰⁰ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Категория ностальгии оказалась слишком переполнена различными теоретическими и популярными объяснениями. В процессе изучения работы Бойм возникает ощущение, что ностальгия вбирает в себя слишком много различных феноменов истории, чуть ли не становясь синонимом исторического сознания (или диагнозом современного исторического сознания). Часто ностальгия маркируется банальной тоской по прошлому, желанием его возвращения. По мысли Фишера такое объяснение обеспечено неолиберальной логикой деисторизации, когда невыигрышное сравнение настоящего с прошлым предохранительно объявляется ностальгией, подразумевая искажение в духе «раньше было лучше»¹⁰¹. Джеймисон, тем не менее, использует термин ностальгия для объяснения исторического опыта позднего капитализма, пытающегося производить элементы модерна, невозможные в постмодерне. Фишер же выдвигает идею «хонтологии», которая не является тоской по чему-то конкретному в прошлом, а, скорее, желанием перепридумать призрачные (утраченные) проекты настоящего и будущего, которые находились в различных точках прошлого, но отсутствуют в состоянии «конца истории» капиталистического реализма. Если ностальгия Джеймисона — это необходимое состояние позднего капитализма (то есть современности), то хонтология — это ответ деполитизированности и тотальности ностальгии, который, по мысли Фишера, не так заметен в культуре, но также присутствует в своей критической мейнстриму позиции. Хонтология в некотором роде оказывается в оппозиции массовой ностальгии, которая потребляет прошлое в виде узнаваемых образов, присутствующих в настоящем. Узнаваемость является также важным эффектом в исторической репрезентации посредством интернет-мемов. Чтобы интернет-мем и конкретная репликация распространялись, то, о чем она повествует, должно окликать множество реципиентов.

В ситуации тотальности настоящего по отношению к прошлому и будущему разделение ностальгии на реставрирующую и рефлексирующую становится несущественно потому что, как лично пережитое прошлое человека, так и по-

¹⁰¹ Фишер М. Указ. соч. С. 32.

разному отдаленные эпохи превращаются в часть одного широкого настоящего. Соответственно, о ностальгических эффектах становится возможным говорить применительно к разным элементам прошлого, а согласуясь с Фишером, и о разном утраченном будущем.

Для Анкерсмита близко это понимание. Он эффектно цитирует «Средиземноморский мир» Ф. Броделя: «Я страстно люблю Средиземноморье»¹⁰², чтобы показать, что даже в высоко признанном стандарте научной историографии существует ностальгия по исторической эпохе. Также он указывает на рассуждения Й. Хёйзинги об «историческом чувстве», которое сродни метафизическим просветлениям, что приближает к современным представлениям об историческом опыте¹⁰³.

На интуитивную недоступность «дальнего» прошлого теоретик парирует все той же заикленностью историзма на объективации прошлого. Причем, если принять объективистскую концепцию историзма, то любой опыт прошлого становится невозможным (даже рефлексирующий ностальгический опыт), что, по убедительному мнению Анкерсмита, являлось бы «самой антиинтуитивистской характеристикой историописания»¹⁰⁴. Ностальгический опыт преодолевает эту проблему. Очищенный от сентиментализма и идеализации прошлого, он является не столько воспроизведением прошлого, сколько ощущением разрыва с прошлым. В таком случае запомненное прошлое не отличается от прошлого других исторических эпох. Приспосабливая ностальгический опыт к исторической парадигме, невозможно получить ответ на вопрос о том, что такое исторический опыт, поэтому необходимо углублять наше исследование исторического опыта вне классической парадигмы, в том числе обращаться к различным типам исторической репрезентации. Такое внимание к ностальгии как опыту разрыва и типу исторического опыта будет полезно нам в исследовании интернет-мемов, продуцирующих ностальгические эффекты.

¹⁰² Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры... С. 343.

¹⁰³ Там же. С. 351.

¹⁰⁴ Там же. С. 344.

В работе «Возвышенный исторический опыт» Анкерсмит выходит за пределы теории истории и лингвистического поворота, задаваясь вопросом о том, что нас вообще заставляет осознавать историю? Пытаясь собрать категории репрезентации, опыта и языка, Анкерсмит формулирует интегральную программу в подходах к «историческому», состоящую из этих компонентов. Эта троичная схема хоть и кажется упрощенной, тем не менее, связывает основные категории, которые теоретики исторической репрезентации пытаются собрать в разных воплощениях. Несмотря на гегемонию философии языка в XX веке, историческая репрезентация существовала в определенных отношениях с феноменологической категорией опыта. Поэтому Анкерсмит говорит о необходимости исследовать исторический опыт, если мы хотим понять, что такое историческая репрезентация:

«Но если мы согласимся, что взаимосвязь этих трех понятий в общих чертах именно такова, то отсюда следует, что движение от языка к сознанию, по крайней мере отчасти, является движением навстречу опыту. И в самом деле, язык вполне может обходиться без опыта (но не без сознания): язык — это система социализированных значений, допускающая перестановку своих элементов, которая не имеет своего аналога в опыте, и язык математики является здесь, конечно, наиболее существенным примером. Но в отличие от языка, сознание и его репрезентации мира не могут существовать без опыта. Без опыта нет сознания. Поэтому если мы движемся от языка к сознанию, проблема опыта неизбежно выносится на философскую повестку дня»¹⁰⁵.

Автор уточняет, что хотя опыт преимущественно понимается как чувственный опыт, он предлагает осмыслить исторический опыт как интеллектуальный опыт. При этом отправным автором для такого понимания является Аристотель, для которого существует единство ощущения и познания, субъекта и объекта так, как это воплощено в концепции трансцендентализма¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт... С. 26.

¹⁰⁶ Потамская В.П. Концепция исторического опыта Ф. Р. Анкерсмита // Образование в XXI веке: Материалы Всероссийской научной заочной конференции. 2016. С. 53–61.

Мышление не подавляется объектами реальности, а актуализирует свою потенциальность.

Размышления философов истории об историческом опыте тесно связаны с мемориальным бумом, концепциями исторической памяти, которые в отличие от «объективных» категорий (терминов) «прошлое» или «история» немислимы без некоторой связи с опытом, проживанием прошлого в настоящем. Прошлое, превратившееся в память, уже не представляет собой объективную реальность, оно оказывается ангажировано личным опытом, аффектами, ощущением истории. В «Истории и тропологии» Анкерсмит говорит только об ощущении разрыва между настоящим и прошлым в матрице ностальгии. Продолжая свою мысль и опираясь на теории исторической памяти в «Возвышенном историческом опыте», автор подчеркивает важность «момент утраты», травмы и восстановления прошлого, вместе они составляют область исторического опыта. Рассуждения о ностальгии дополняются языком современных теорий исторической памяти и категории возвышенного. В таком подходе категорией, соединяющей возвышенное и утраченное, является травма. Различные типы травмы и способы ее преодоления связываются с понятиями идентичности, нарратива, забвения. К примеру, это касается концепции травмы и исторического кризиса Рюзена¹⁰⁷ и многих других авторов, для которых понятие травмы становится центральным, например Д. Лакапра¹⁰⁸ и Э. Сантнер¹⁰⁹.

В русле рассуждений об историческом опыте оказывается также понятия мифа, важное для различных концепций культурной памяти, например, у Ю.М. Лотмана¹¹⁰. Важнейшая функция мифа — это переход границы от неисторического времени к историческому. Мир, утраченный в мифе, становится предметом желания постоянного возвращения к его первоначальному единству.

¹⁰⁷ Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М. 2005. С. 38–62.

¹⁰⁸ D. LaCapra Representing the Holocaust: History, Theory, Trauma. Cornell NY: Cornell University Press, 1996. 248 p.

¹⁰⁹ Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: Размышление о репрезентации травмы // Травма:пункты. 2009. С. 389–407.

¹¹⁰ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб: «Искусство-СПб» 2000. 704 с.

Идеальный пример мифа — первородный грех, который создал историческое время, изгнав человечество из неисторического райского состояния, породив вечное переживание утраты¹¹¹. Это стремление к идиллическому прошлому связано не только с архаичными формами мышления, но и с любой серьезной прерывностью в историческом пространстве человечества, например возвышенной реабилитацией романтиками Средневековья или традиционалистскими образами чистоты современной консервативной философии. Миф и историческое возвышенное сопровождают человека на пути в современность¹¹².

Похожие отношения современного человека с мифологизированием прошлого описывает в одной из своих поздних работ «Ретротопия» З. Бауман¹¹³. Бауман говорит о все большем обращении человечества к прошлому на фоне все более напряженного настоящего. Главы книги, называющиеся «назад в утробу», «назад к племенам» и другие уже своими названиями говорят о современной реактивации мифов о далеком «райском» прошлом, о возвращении утраченного комфортного уголка в прошлом, где можно спрятаться. Этот мотив заметен в различных исторических интернет-мемах, многие из которых, как мы увидим, создают репликации, которые взаимодействуют с воображаемым доисторическим прошлым.

Таким образом, разные эклектичные концепции исторического опыта стали отправной точкой выхода из-под диктата философии языка, делая акцент на различных «эффектах» исторического опыта. Если для одних теоретиков главным эффектом становится ностальгия, то другие обращаются к таким понятиям как травма, миф, память, забвение, что сообразно философии истории последних десятилетий.

Различные эффекты исторического опыта или темпорального опыта (включая анализ, помимо прошлого и настоящего, еще и различных концепций будущего) являются неизменной темой в исследованиях культуры. Вопросы о том,

¹¹¹ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт... С. 497.

¹¹² Там же. С. 500.

¹¹³ Бауман З. Ретротопия. М: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

как осознается история, радикализировались в проблемы политики прошлого, политики времени, идеологичности различных режимов историчности и эмоций, связанных с прошлым и будущим¹¹⁴. Теоретикам приходится считаться с разросшимся полем теории памяти, связанной с аффективностью во взаимодействии с прошлым.

Ответом на это становится разработка различных эффектов исторического опыта. К примеру, итальянский философ П. Вирно обращается к феномену дежавю¹¹⁵. Критикуя популярные темы психологизации памяти и исследования в поле *memory studies* о том, кто, как и что помнит, Вирно пытается разобраться в современном историческом сознании и ответить на вопрос, почему человек вообще историческое существо¹¹⁶. Дежавю здесь становится очередным диагнозом современной культуры, в которой каждый новый культурный продукт вызывает чувство ложного узнавания. Вирно соотносит феномен дежавю с концом истории. Историческое время потеряло свою потенциальность и стремление к ненасытному развитию. Действительность теперь просто повторяет саму себя, постоянно вызывая эффект дежавю.

Таким образом, мы видим повышенный научный интерес к феноменологическим или даже антропологическим категориям в осмыслении истории в последние годы. Изучая современные артефакты, связанные с историей, теоретическая мысль занимается постоянной рефлексией по поводу возможностей существования и функционирования этих артефактов, эффектов (аффектов), порождаемых ими и порождающих их. Такая теоретическая установка соотносится с тезисом о наибольшей адекватности дискурса репрезентации в современных разговорах об истории, когда исследователю необходимо смотреть не только на «содержимое» прошлого, но и на средства репрезентации, семиотические инструменты, воспроизводящие представления об истории. Представления об истории необходимо организуются метафорами и воплощаются в виде

¹¹⁴ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна...

¹¹⁵ Virno P. *Déjà Vu and the End of History*. London: Verso, 2015. 210 p.

¹¹⁶ Кобылин И.И. «Déjà Vu и конец истории»: возможности и действительность // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2022. № 5(145). С. 67–77.

репрезентации. Но все это невозможно без исторического опыта, различных эффектов истории, описанных выше.

Соответственно, базовыми элементами концепции исторической репрезентации, принятой нами для анализа исторических интернет-мемов, являются *метафора, репрезентация и опыт*. Эти три понятия объединяют когнитивный, эстетический и феноменологический уровни, которые обычно по отдельности или в некоторой конфигурации составляют разные философствования об истории в широком смысле слова. Анализируя каждый исторический интернет-мем, мы будем придерживаться этой триады, стараясь понять организующую историческую метафору мема, его репрезентационные (эстетические) характеристики и ту сферу исторического опыта, с которым он связан.

1.4. Проблема анахронизма в исторической репрезентации

Постулируя связь исторической репрезентации с определенным историческим опытом или идеей истории, мы неизбежно подходим к проблеме темпоральности. Проблеме, которая связана с осмыслением неизбежной связи настоящих условий создания репрезентации с тем прошлым, о котором она повествует. Исторические интернет-мемы как новая форма исторической репрезентации демонстрируют богатство различных синхронизаций прошлого, настоящего и будущего, которые были немислимы в классическом историописании, но все чаще возникают в современной культуре. Понимание того, что историческая репрезентация является некоторым артефактом, автономным от того прошлого (истории), которое она пытается репрезентировать, выявило проблему синхронизации времени репрезентации и репрезентируемого. В исторических интернет-мемах соотнесение времени имеет определяющее значение для самой конструкции интернет-мема и для продуцирования исторического опыта.

Рассуждения о прошлом всегда содержат в себе определенный имплицитный образ времени. При этом рассогласование времени физического, которое в классической физике предполагалось равномерным и бесконечным, и времени исторического, которое может то сузиться, то расшириться, было очевидно уже античным авторам. Сам темпоральный поворот, то есть взгляд на время как на существенную проблему для истории (исторического мышления) часто ассоциируется с рассуждениями Р. Козеллека об особом нововременном изменении в восприятии времени¹¹⁷. Козеллек вводит такие связывающие времена категории, как «горизонт ожидания» и «пространство опыта». Эти рассуждения были связаны с известным проектом Козеллека по социальной истории понятий, в котором он формулировал возможность исследования понятий в определенном периоде — приблизительно с середины XVIII века по середину XIX века. Этот

¹¹⁷ Козеллек Р. Теория и метод определения исторического времени // Логос. 2004. №5(44). С. 97–130.

период был обоснован определенной исторической трансформацией в осознании связи прошлого, настоящего и будущего и формирования европейского историзма.

Впоследствии эти рассуждения развил французский историк Ф. Артог в своей философско-исторической концепции «режимов историчности»¹¹⁸. В дальнейшем развиваемые концепции Козеллека и Артога показали, что любые современные теоретизирования об истории предполагают определенную концепцию времени. Хорошим примером современной рефлексии о проблеме темпорального поворота является выпуск журнала Логос «Темпоральный поворот и реполитизация истории» под редакцией А.А. Олейникова. Для нас полемика внутри темпорального поворота особенно важна, поскольку исторические интернет-мемы предполагают определенную временную структуру, выстраивающую отношения между прошлым, настоящим и будущим. Многие исторические интернет-мемы не просто проблематизируют хронологию, но и предлагают различные темпоральные конфигурации, что будет показано ниже.

Олейников пишет о неизбежной связи теоретизирований об истории с проблемами темпорального поворота — целого предметного поля занятого проблемой конструирования и восприятия времени¹¹⁹. При этом исследования должны быть не просто связаны с определенными режимами взаимодействия прошлого, настоящего и будущего или изучением представлений о времени. Они должны, в том числе, осуществлять рефлекссию современности по отношению к различным практикам современной исторической культуры, историзировать саму историческую репрезентацию как проблему, находящуюся в истории.

Например, Артог, формулируя проблему презентизма, который характеризуется релятивизацией прошлого и мемориальным бумом конца XX века, говорит о потере идеала независимости прошлого и, как следствие, об упадке профессиональной историографии. Для Артога презентизм — это режим историчности, который сменил историзм, воспринимавшийся неким золотым

¹¹⁸ Артог Ф. *Время и история* // *Анналы на рубеже веков: антология*. М: ИВИ РАН, 2002. С. 147–168.

¹¹⁹ Олейников А.А. *Время истории / Темпоральный поворот и реполитизация истории* // *Логос*. 2021. №4. С. 8.

веком исторического воображения. В презентизме прошлое неизбежно вписано или даже подчиненно настоящему моменту, что всегда было для классической историографии одной из основных ошибок мышления об истории. Монополия профессиональных историков разбилась о различные исторические репрезентации, которые становятся все менее строги к хронологии и аутентичности. Исчезающая дистанция между прошлым и настоящим приводит к эмоциональному, аффективному переживанию прошлого в настоящем, разрушая модернистское познание истории в духе Ранке — «как было на самом деле». Соответственно, презентизм здесь выступает как патология современного исторического сознания, которую профессиональные историки максимально сглаживают, выявляя определенную ангажированность настоящим любых рассуждений о прошлом и истории.

Похожие рассуждения развивает А. Ассман в более прикладной работе «Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна»¹²⁰, пытаясь через исследования концепций времени более четко определить, что такое модерн, и как темпоральный режим модерна (историзм) работает в современной глобалистской культуре. При этом Ассман говорит о том, что темпоральный режим модерна не был полностью ликвидирован в современности, а встраивается в новые формы взаимодействия со временем, предполагая дискуссии о презентизме.

Один из критиков Артога, нидерландский теоретик К. Лоренц предлагает использовать презентизм не в качестве диагноза современной культуры, а как аналитический инструмент. Презентизм в таком случае помогает уточнить соотношение настоящего и прошлого и калибровать линейность исторического времени, которое может сужаться или расширяться. Схематичный переход от историзма к презентизму в таком случае меняется на различные концепции множественной темпоральности, сосуществования разных режимов историчности. Лоренц критикует формулировку презентизма в рамках линейной концепции времени, признавая при этом эффекты последних десятилетий, из которых Артог

¹²⁰ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна... С. 73.

диагностирует презентизм как современный режим историчности. Режимы историчности не просто накладываются друг на друга, но могут и активизироваться в различных культурах, в различных группах, в различные периоды в зависимости от событий и обстоятельств¹²¹.

Другой взгляд на проблему темпоральности предлагает теоретик истории Б. Бевернаж. В оптике темпорального поворота Бевернаж ставит важную проблему для концептуализации исторической репрезентации — что, собственно, считать прошлым и историей в презентистской ситуации поглощения настоящим прошлого и будущего. Историзм считал прошедшее прошлого само собой разумеющейся, а в современной философской мысли это все чаще становится предметом дискуссии: что считать специфически историческим, и где грань между настоящим и прошлым¹²². Сама прошедшее прошлого или реальность прошлого хоть и не отрицается, но радикализуется в свою культурно-историческую ситуационность, характеризующуюся определенной рамкой интерпретации, которая в настоящей момент как раз ставит под вопрос очевидность любого прошлого. Тем не менее, прошедшее прошлого настолько реальна, насколько мы признаем реальными существующие социальные и культурные переживания прошедшего.

Определения, выдвинутые философами настоящему, связаны, в том числе с отношением к истории. Апроприация истории, эстетическое, аффективное восприятие делают темпоральный опыт человека крайне фрагментарным. Прошлое, настоящее, будущее уже не способны организовываться в упорядоченный опыт. Известная формула «широкого настоящего», принадлежащая Гумбрехту, плюс «прошлое, которое не хочет уходить»¹²³ связаны с невозможностью формировать проекты будущего и заполнением настоящего избытком памяти. По мнению Бевернажа, не так просто определить, что действительно прошло, в том числе и из-за спорности понятия современности и его

¹²¹ Лоренц К. Вне времени? Критические размышления о презентизме Франсуа Артога / Темпоральный поворот и реполитизация истории // Логос. 2021. №4. С. 51.

¹²² Бевернаж Б. «Прошедшее прошлого»: некоторые размышления о политике историзации и кризисе истористского прошлого / Темпоральный поворот и реполитизация истории // Логос. 2021. №4. С. 67.

¹²³Gumbrecht H.U. Op. cit. P. 17.

темпоральных границ. Тем не менее, очевидный кризис концепции прошлого в историзме ставит перед исследователями задачу определения социокультурных характеристик прошедшего в разных исторических моментах, в том числе в настоящем. При этом Бевернаж не ограничивает свои рассуждения историографией, а говорит о более масштабном социально-культурном производстве прошедшего. Эту проблему мы увидим и на практике — при анализе исторических интернет-мемов.

Важным понятием для разговора о темпоральностях или просто о проблеме совмещения различных режимов времени стало понятие анахронизма. Оно появляется в Новое время, когда начинает четче осознаваться отличие прошлого от настоящего. Под анахронизмом понималось несоответствие исторических времен, эпох, привнесение терминов из одного исторического времени в другое. К примеру, Л. Февр в своих методологических рассуждениях говорил об анахронизме, как о самом тяжком грехе историка¹²⁴. Канонический историк времен доминирования стандартов историзма старался максимально исключить себя и свой культурный контекст из своего же историописания. Навык беспристрастного погружения в исследуемую эпоху считался необходимым научным стандартом, а привнесение в свой труд анахроничных терминов или объяснений подвергалось критике.

Однако в последние несколько десятилетий анахронизм расширил свое теоретическое значение. С постановкой проблемы соотношения времени и истории Козеллеком и Артогом теоретики начали обсуждать анахронизм намного шире, чем просто маркер несоответствия разных исторических эпох¹²⁵. Анахронизм из «греха историка» становится аналитической категорией. Олейников пишет в статье «Анахронизм и границы истории»:

«Ведь совсем не обязательно представлять дело так, будто исторические события, действия или процессы всегда происходят в одном и том же времени, они вполне могут относиться к различным актуальным и даже потенциальным темпоральным режимам. Порядок единого

¹²⁴ Febvre L. Le problème de l'incroyance au XVIe siècle. Paris: Albin Michel, 1947. 549 p.

¹²⁵ Козеллек Р. Указ соч. С. 106.

хронологического времени, утвердившийся в европейской историографии с середины XVII в., подвергается активной проблематизации в работах современных теоретиков истории. По меткому выражению Козеллека, «до сих пор история соответствовала хронологии. Теперь речь идет о том, чтобы хронология соответствовала истории». В этой ситуации анахронизм уже не столько означает ошибку в хронологии, сколько указывает на несовершенство конкретного исторического проекта синхронизации разнородных темпоральных режимов»¹²⁶.

Далее автор говорит о трансформации понятия анахронизма в теории истории, во-первых, из-за революции в самой теории, произведенной лингвистическим поворотом, а во-вторых, из-за мемориального бума, который сильно поколебал независимость прошлого и традиционную хронологию, навязанную историзмом, о чем говорилось выше. Поддерживая эти аргументы, стоит добавить проблему всеобщей хаотичной апроприации прошлого и потери экспертной позиции профессиональными историками, что создает ситуацию многослойного времени, о которой также говорят авторы сборника «Темпоральный поворот и реполитизация истории»¹²⁷. Олейников делает обзор исследований, в которых расширенное понимание анахронизма как аналитического инструмента открывает новую перспективу для исследований. Например, такой взгляд на известный труд Л. Валлы, раскрывающий подложность «Константинова дара», позволяет увидеть не столько образцовую критику источников, сколько казус невысокой озабоченности временной согласованностью в раннее Новое время, которое кажется очевидным из перспективы историзма.

Такой взгляд на анахронизм пересматривает саму очевидность следования исторических эпох, перемешивает линейность прошлого, настоящего и будущего в различные конфигурации. Определение анахронизма как ошибки думающего об истории в классическом историзме — всего лишь один из вариантов

¹²⁶ Олейников А.А. Анахронизм и границы истории // ШАГИ/STEPS: журнал актуальных гуманитарных исследований. 2018. Т.4 №3–4. С. 22.

¹²⁷ Йордхайм Х. Множественное время и стратиграфии истории / Темпоральный поворот и реполитизация истории // Логос. 2021. №4. С.95–118.

синхронизации множества других темпоральных режимов. В современной философии невозможно рассуждать о проблемах исторической репрезентации и исторической истины вне проблем времени, а значит и анахронизма. Как пишет Ж. Рансьер, «анахронизм — это символическое понятие, с помощью которого история утверждает свою исключительность и свою научность»¹²⁸. Рансьер заостряет понимание анахронизма как определенного семиотического или даже поэтического инструмента, позволяющего говорить об истории. В исторических интернет-мемах мы увидим, как анахронизм часто становится одним из важных смыслопорождающих инструментов.

Современное состояние проблемы анахронизма повлияло как на массовые исторические практики, так и на академическую историографию. Поставленная Козеллеком проблема появления и изменения понятий, живущих специфической жизнью в соотношении с описываемыми явлениями, привела к эпистемологической рефлексии многих историков по поводу анахроничности языка описания «прошлой исторической реальности». Так, М. Кром, исследующий проблему суверенитета в московском государстве Ивана III, пишет о неизбежном методологическом анахронизме в использовании термина «суверенитет»¹²⁹. Ссылаясь на Козеллека, Кром говорит о неизбежном несоответствии явлений и понятий, которые появляются всегда позже. Далее автор заключает некоторую неизбежную методологическую анахроничность в работе историка, говоря при этом о том, что на эту проблему, как правило, принято не обращать внимание. Эта проблема несоответствия языков современности и прошлой реальности, тщательно скрываемая в работе историков, в современной исторической репрезентации может стать предметом определенной игры, деконструкции истории и форм ее символизации. Для исторических интернет-мемов указание на это несоответствие является одним из методов создания комического эффекта.

¹²⁸ Рансьер Ж. Понятие анахронизма и истина историка // Социология власти. 2016. №2. С. 219.

¹²⁹ Кром М.М. Идея суверенитета в политическом дискурсе Московской Руси XV века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2020. №1(53). С. 23–36.

В большинстве случаев дискуссия о проблеме анахронизма проходит на примерах историографии и произведений искусства. В рамках нашей работы мы покажем, как анахронизм работает в современных цифровых практиках — исторических интернет-мемах. Помимо метафоры, репрезентации и опыта каждый исторический интернет-мем имеет специфическое отношение со временем. Где-то используется воображаемая машина времени, отправляющая в прошлое, где-то воображается будущее, а где-то базовым принципом является намеренный анахронизм. Поэтому в анализе каждого интернет-мема и его репликаций необходимо помнить о специфической организации времени.

Один из важных тезисов современной философии истории — это равноправие различных артефактов исторической культуры как разных форм исторической репрезентации. Долгое время, занимаясь теоретизированием вокруг истории, авторы занимались теоретизированием вокруг исторических текстов. Современная мультимедиаальная ситуация с каждым годом сдвигает внимание от исторического текста к мультимедийному взаимодействию с прошлым. Последние десятилетия артефакты, связанные с историей, существуют также и в цифровых форматах, не просто создав новые каналы для трансляции исторических представлений, но и сформировав новые формы исторической репрезентации. Сложно назвать исторические интернет-мемы историописанием или инструментами для сознательного постижения прошлого. Скорее, исторические интернет-мемы именно в духе Анкерсмита и Лумана являются объектами продуцирования исторического опыта и самоописаниями представлений о прошлом и истории. Из-за специфики своего существования, полностью зависящей от одобрения массовой аудиторией, исторические интернет-мемы выражают исторический опыт больших групп — ностальгирующих, переживающих утрату, мыслящих мифами и постоянно апроприирующих элементы прошлого для разговора о настоящем и будущем. Далее мы покажем на примерах конкретных интернет-мемов и их репликаций возможности новой формы исторической репрезентации. Дав свое определение исторического интернет-мема, мы проведем

анализ нашего корпуса источников с помощью, сформулированной нами на широкой исследовательской базе аналитической триады: репрезентация, метафора и исторический опыт.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ В МЕДИАТИЗИРОВАННОЙ СРЕДЕ

2.1. Проблема интернет-мема в исследованиях цифровой культуры

Изучение артефактов культуры в интернет-пространстве имеет одну неустранимую черту: постоянную рефлексию о сущности самого интернета¹³⁰. Берясь за аналитику какого-либо феномена в интернете, исследователь, исходя из научных стандартов, должен проработать саму проблематику интернета как некоторого специфического объекта, требующего определенной теоретико-методологической рамки. Пафос интернет-исследований заключается в формулировании происходящих явлений в сети как принципиально новых для культуры — обозначаемых как ситуация медиатизации¹³¹. Эта «неизбежная новизна» требует постоянного переосмысления того, что такое интернет, тем более что скорость изменений делает это само собой разумеющимся. Устранить эту ситуацию в рамках настоящего исследования было бы сложно, поскольку интернет-мем, более чем что-либо иное, является именно онлайн феноменом, несмотря на сравнения с фольклором, языком и другими устоявшимися оффлайн явлениями. Историография проблематики интернета как сущности разнообразна и подвержена стремительному устареванию. Мы будем ориентироваться на разных авторов, которые помогут нам в концептуализации интернет-мема как уникального феномена в медиатизированной среде. Кроме того, мы будем опираться на лингвистические и социологические теории, которые раскроют значение этого феномена вне проблематик теоретиков и практиков интернета.

Еще на заре появления интернет-исследований зародилась критика самого использования концепта и слова «интернет» как слишком обобщающего и сводящего все множество технологических и социальных аспектов в произвольное

¹³⁰ Колозариди П.В. Интернет как проблемное поле социальных наук (вступительная статья приглашенных редакторов) / П.В. Колозариди, М.О. Макушева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1(143). С. 1–11.

¹³¹ Нерр А. Op. cit P. 7.

теоретизирование¹³². Эта ситуация усугублялась новыми вопросами, которые ставились с появлением новых ресурсов и феноменов в интернете. Первоначальный оптимизм по отношению к интернету, который подразумевался как связующий механизм всего свободного мира, добровольно обменивающегося информацией, сменялся все усложняющимися вопросами регулирования, этики и специфическими (воспринимаемыми негативно) антропологическими трансформациями. Проблемы приватности, права, свободы слова, трудовой и развлекательной занятости осложняются эффектами, изменяющими сами антропологические характеристики человека. Это наглядно демонстрирует один из самых цитируемых теоретиков интернета Г. Ловинк, который пишет, что информация и коммуникация в интернете уже давно не нейтральные явления:

«Мировую интеллектуальную элиту преследует призрак информационной перегрузки. Обычные люди отняли стратегические ресурсы и теперь засоряют когда-то тщательно контролировавшиеся медиаканалы. До интернета аристократический класс полагался на то, что он может отделить «праздную болтовню» от «знания». Но старые коммуникационные иерархии не просто взорвались — коммуникация как таковая приобрела статус атаки на мозг. Уровень шума достиг невообразимой высоты. Даже ласковые поздравления от семьи и друзей стали частью хора голосов, ожидающих ответа. Образованный класс раздражен, помимо всего прочего, тем, что болтовня просочилась на ранее защищенные территории науки и философии — в то время как реально ему следовало бы переживать о том, кто будет контролировать все более централизованные вычислительные сети»¹³³.

При этом интернет-исследования неизбежно приобретают комплексную природу, в которой цифровая инфраструктура, медиаэффекты, политика и коллективное воображаемое (нерефлексивные массовые представления) и многое

¹³² Markham A.N. Disciplining the future: A critical organizational analysis of Internet studies // The Information Society. 2005. No. 21(4): P. 257–267.

¹³³ Ловинк Г. Указ. соч. С. 140.

другое являются взаимодополняющими факторами в изучении каждого конкретного феномена¹³⁴.

Ту же судьбу, очевидно, разделяют и интернет-мемы. Их появление стало возможно благодаря специфической инфраструктуре, а также дизайну сайтов и социальных сетей, появляющихся в конце 2000-х годов. Такой новый цифровой медиум позволяет осуществлять цифровую коммуникацию, обладающую определенными возможностями и ограничениями. Для одного из ключевых современных теоретиков цифровых медиа Л. Мановича цифровой медиум в первую очередь формируется специфической медиасредой, интерфейсной инфраструктурой, например, какой-либо конкретной социальной сетью или контентом, который Манович называет медиаданными. Автор предлагает различные инструменты для их анализа с учетом специфики той цифровой инфраструктуры, в которой эти медиаданные рождаются¹³⁵. В такой конфигурации необходимо постоянно учитывать условия появления различных форм и их опосредованность цифровой инфраструктурой. В процессе анализа мы постараемся указать на сложность этой проблемы, произведя калибровку с проблематикой цифрового медиума.

За последние десять лет интернет-мемы как цифровой медиум настолько укоренились, что стали большой частью такой современной профессии как SMM-специалист (social media marketing — маркетинг в социальных медиа). Политическая зона функционирования и регулирования интернет-мемов привела к тому, что, по выражению Ловинка, мы стали свидетелями как «Дональд Трамп стал первым в истории избранным президентом — интернет-мемом»¹³⁶.

Тем не менее, сама рамка интернет-исследований является зонтичной, охватывающей конгломераты исследований и исследователей. Для конкретизации этих проблем в русле проблематики исторических интернет-мемов необходимо обратиться к различным исследованиям мемов и их роли для коммуникации в

¹³⁴ Mansell R. *Imagining the Internet: Communication, innovation, and governance*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 310 p.

¹³⁵ Манович Л. *Теории софт-культуры*. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 208 с.

¹³⁶ Ловинк Г. *Указ. соч.* С. 72.

социальных сетях. Наша формулировка того, что такое интернет-мем, во многом опирается на возможности и инфраструктуру, которые задают различные социальные сети. Именно социальные сети обеспечили феномену интернет-мемов тот глобальный характер, который сделал их повседневной практикой или даже, по мнению некоторых лингвистов, новым, формирующимся (мета)языком¹³⁷. Поэтому в нашей формулировке и анализе интернет-мемов будет постоянно присутствовать рефлексия по поводу различных динамических эффектов социальных сетей, во многом определяющих это явление.

Так что же такое интернет-мем? Прежде чем привести всю непростую историографию этого вопроса, позволим самому интернет-мему ответить на этот вопрос, чтобы показать всю степень несерьезной серьезности или *постироничности* этого явления. Взглянем на Рисунок 1 Приложения. На нем изображена репликация очень популярного интернет-мема «Светящийся мозг»¹³⁸, появившегося приблизительно в 2017 году и до сих пор популярного. Это изображение примечательно тем, что на нем представлены различные усложняющиеся этапы понимания того, что такое интернет-мем, которые достаточно точно отражают различные научные подходы к его изучению. Тем самым интернет-мем сам познал, что такое интернет-мем, выполнив одну из своих ключевых функций — емкую передачу смысла. Сближение объекта с техниками анализа (языками описания) является средством обогащения понимания объекта в рамках дискурсивной парадигмы, развивающейся последние десятилетия в гуманитаристике¹³⁹.

Перечислим этапы, которые выделяются на этом изображении. Первый этап соответствует самому обыденному пониманию, что такое интернет-мем — это всего лишь смешные картинки. Это является конвенциональным пониманием обывателями и исследователями того, что интернет-мемы — это, скорее, картинки,

¹³⁷ Valensise C., Serra A., Quattrociochi W. Op. cit. P. 201.

¹³⁸ Светящийся мозг URL: <https://memepedia.ru/svetyashhijsya-mozg/> (дата обращения: 15.05.2024)

¹³⁹ Орлова Г. Дискурсивное дозирование радиации // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2019. № 1. С. 82–119.

и это, конечно, должно быть так или иначе смешно. На следующем этапе отмечается, что мемы отражают состояние общества, это еще один популярный взгляд, который приводит к инструментализации интернет-мемов в политике и маркетинге. Далее приводится понимание мема как отражения подсознательного создателя, что отсылает к различным психоаналитическим теориям того, как связано комическое, субъект и подсознание. Заметим, что здесь предполагается весомое значение автора интернет-мема. На следующем этапе автор отстраняется, и мем уже является отражением коллективного бессознательного. Здесь могут быть реконструированы различные социологические и лингвистические подходы, похожие на анализ фольклора либо анекдотов. Следующий этап повествует о том, что мем — это ментальный вирус. Эта характеристика часто встречается у медиаисследователей, которые часто заворожены проблемой распространения различных культурных единиц. Это также привело к использованию понятия «виральность» — степени распространения чего-либо в интернете. И последний этап, который по конструкции интернет-мема соответствует апогею развития сознания (мозга), подводит к заключению, что мем — это живая сущность. Эта сущность находится внутри и между человеческим коллективным сознанием и меметической передачей данных через социальные сети, раскачивает глобальный порядок и привлекает к себе как можно больше внимания, чтобы распространиться максимально далеко и широко, направляя события по оптимальному будущему пути, который он для себя предсказал. И даже сам этот интернет-мем является частью этого процесса.

Это определение на изображении, не имеющей установленного автора (как и почти все интернет-мемы и их репликации), тем не менее, охватывает разные аспекты интернет-мемов, которые часто фрагментируются и теряются в различных определениях и исследованиях. Во-первых, подчеркивается его некоторая самостоятельная жизнь, не зависящая от конкретного автора и отправителя, во-вторых — условие существования, заключенное в передаче и связи с коллективным сознанием, в-третьих — та или иная рефлексия или даже критика повседневного порядка, в-четвертых — самосовершенствование в процессе жизни для

оптимального распространения, и в-пятых — постирония (не только в смысле неразличения серьезного и комического, но и в смысле обращения на себя самого). И, наконец, само существование определения интернет-мема в виде интернет-мема является демонстрацией его способности схватывать самые различные, парадоксальные и рекурсивные явления, заложенные в культуре и языке. Для анализа исторических интернет-мемов ниже мы сформулируем свое определение, которое будет включать аспекты определений, представленных на Рисунке 1, например, для нас будут важны эффекты коллективного воображаемого (различных представлений об истории).

Генеалогия исследовательского и популярного словоупотребления слова интернет-мем или просто мем невероятно многогранна. У различных авторов существует устойчивая ссылка на Р. Докинза, который ввел термин «мем» до эпохи интернета, обозначив им по аналогии с геном единицу культурной информации, которая, сохраняя некоторую устойчивость, претерпевает свое развитие, распространяется и эволюционирует¹⁴⁰. Мем этимологически созвучен с греческим *mimeme* — подражание, мимесис и английским *memory* — память, отражая одну из разделяемых большинством аналитиков функций мема — передачи информации. Для Докинза идея мема стала универсальной для объяснения трансформации культуры и передачи самых ценных, витальных объектов культуры сквозь века. В дальнейшем теоретизирования вокруг мемов, но уже в контексте сетей и интернета, отталкиваются от этих посылок Докинза, развивая различные его аспекты.

Первые фундаментальные исследования интернет-мемов были сконцентрированы вокруг проблемы вирусного контента и его отличия от более устойчивых артефактов, которые оказывались способны воспроизводить себя в новых формах и существовать более длительное время¹⁴¹. Одна из самых цитируемых авторов в области исследований интернет-мемов, Л. Шифман,

¹⁴⁰ Докинз Р. Указ. соч.

¹⁴¹ Knobel M., Lankshear C. Online memes, affinities and cultural production // A new literacies sampler. New York, 2007. P. 199–228.

предложила разделять желание пользователей просто распространять контент в интернете (вирусность) и специфическое производство репликаций на базе устойчивых интернет-мемов (меметическое действие). Также Шифман наметила важную социальную функцию интернет-мемов, способных быть отражением культурных и социальных процессов, в частности зарождение ключевой роли интернет-мемов в культурной глобализации и политическом участии¹⁴².

Устойчивость и вариативность меметического сообщения открыли простор для различных лингвистических исследований. Например, анализ лингвокреативных характеристик интернет-мемов — видов их трансформаций и рекомбинаций в новые артефакты. При этом такой анализ стал основываться на принципах зарождающейся цифровой партисипаторной культуры¹⁴³. Интернет-мем (и его конкретные репликации) живет за счет своей постоянной пересылки между пользователями, он оказывается порожден постоянной связью всех со всеми или коннективностью — понятие, которое теоретики медиа и в дальнейшем цифровой памяти ввели для диагностирования принципиально новой ситуации в распространении исторической памяти в интернете, о чем будет сказано далее.

При этом проблема генеративной механики интернет-мемов идет рука об руку с проблемой определения и ощущения все большей тотальности этого феномена. Например, в статье российского исследователя интернет-культуры П. Колозариди можно прочитать:

«Интернет-мемы — это картинки, фразы, сленг, демотиваторы (картинки с подписью), гифки, коубы (видео в 10 секунд длиной, которое повторяется бесчисленное количество раз), ролики или даже движения, переходящие из онлайн-среды в офлайн. Котики, странные фразы политиков, цитаты из фильмов (пусть даже короткое «Карл!» в конце предложения), выражения лиц — все это становится мемами, копируется, распространяется, смешит и надоедает. Страшилкой прошлого десятилетия было «клиповое сознание»,

¹⁴² Shifman L. Memes in Digital Culture... P. 171.

¹⁴³ Wiggins B.E. Bowers G.B. Memes as genre: A structural analysis of the memescape // New Media & Society. 2014. P. 1–21.

но кто в интернете смотрит клипы от начала и до конца? Клипы давно уже разошлись на мемы и коубы». ¹⁴⁴

Из этого определения, похожего на многие, видно, что определить объект достаточно сложно, однако возможно соотнести его с явлениями и процессами, происходящими в интернете. Далее автор показывает, как проблематика интернет-мемов может работать в двух популярных научных подходах.

Первый подход рассматривает интернет-мемы как часть фольклорной культуры и пытается применять к их исследованию разработанный ранее инструментарий. Мемы подобно анекдотам или пословицам оказываются сходны традиционным формам распространения информации и поддержания идентичности коллектива. Технология лишь меняет доступность этой информации и ее форму — из устной в визуально-текстовую. Например, Шифман называет интернет-мемы фольклором постмодерна, подчеркивая его сетевую и принципиально ироническую природу ¹⁴⁵. Ключевой проблемой становятся механики распространения и попадания интернет-мема в определенные воображаемые сообщества, которые способны считывать семантику (смыслы) и прагматику (возможное целеполагание) интернет-мема. Этот подход, на наш взгляд, не учитывает порождающий эффект самих интернет-мемов, когда один интернет-мем способен дать бесконечное количество вариаций-высказываний, которыми оперируют пользователи в сети ¹⁴⁶.

Второй подход предполагает взгляд на интернет-мем как на вирус, распространяющийся зачастую бесконтрольно и практически вне человека (автора). Исследовать мемы в интернете — значит уметь считывать их присутствие, находить корни появления, анализировать распространение, понимать сами принципы виральности. Этот подход приводит к различным количественным анализам, что усиливается парадигмой подсчета в различных консультативных практиках, которые заняты расчетами и медиа аналитикой. Обрисовывая эти

¹⁴⁴ Колозарици П.В. Указ. соч. С. 221.

¹⁴⁵ Shifman L. *Memes in Digital Culture...* P. 189.

¹⁴⁶ Костоготов Д.А. Историческое сознание в интернет-мемах: к постановке проблемы... С. 126–138.

подходы, Колозариди делает вывод о ситуации, в которой интернет-мем всегда больше, чем любые частные трактовки и инструментализации, интернет-мем — примета современной ситуации информационного детерминизма¹⁴⁷. Отметим, что попытки сформулировать, что такое интернет-мем и очертить его сущность являются традиционным жанром для статей и книг по этой проблеме, что показывает как актуальность, так и стремительную динамику этого явления¹⁴⁸.

Конкретизировать понимание интернет-мема помогает одна терминологическая деталь. В случае интернет-мема на Рисунке 1 самим интернет-мемом является «Светящийся мозг», в то время как конкретная вариация этого интернет-мема называется в исследовательской литературе *репликацией*. То есть, один интернет-мем «Светящийся мозг» способен создать неограниченное количество конкретных репликаций. Соглашаясь с этим, интернет-мем для нас не просто любая вирусная или юмористическая единица, а устойчивая рамка, позволяющая создавать на базе себя все новые и новые репликации.

В целом в работах теоретиков 2010-х годов наметилась двойная оптика на феномен интернет-мемов. Теоретизирования вокруг фольклорно-лингвистической организации стали дополняться культурно-социальным контекстом и скандальными кейсами, связанными с мем-культурой, например, распространением ксенофобии посредством вирусных интернет-мемов¹⁴⁹. К примеру, Р. Милнер указывает на сложную интеграцию лингвокреативных возможностей мемов и их социальной функции во все более заметной партисипаторной культуре¹⁵⁰. Милнер формулирует само современное состояние медиа как меметическое, при котором интернет-мемы постоянно изменяются, циркулируют и «используют» пользователей, которые их распространяют.

Монография по феномену интернет-мемов С.А. Шомовой «Мемы как они есть» соединяет мысль отечественных и зарубежных исследователей интернет-

¹⁴⁷ Колозариди П.В. Указ. соч. С. 233.

¹⁴⁸ Brown A. Bristow D. Op. cit. 422 p.

¹⁴⁹ Mina A.X. Memes to movements: How the world's most viral media is changing social protest and power. Beacon Press. 2019. 240 p.

¹⁵⁰ Milner R. Op. cit. P. 219.

мемов и начинается со слов: «Они сегодня везде»¹⁵¹. Действительно, допуская, что почти каждый человек взаимодействует с интернетом как с повседневной медиатизированной средой, сложно представить, что его может обойти феномен интернет-мемов, особенно в расширительной трактовке Докинза как информации, которая запоминается и подражает сама себе, распространяясь все дальше. Шомова пытается понять, насколько мемы в интернете являются проблематикой последних десятилетий, или они являются некоторым сочетанием традиционных областей исследования медиа, информации и культуры. Показывая, что многое из того, что понимается под интернет-мемом существовало давно и выполняло те же функции, что и интернет-мемы, автор говорит о феномене «новых медиа», которые приносят свои уникальные черты. К примеру, она указывает на открытость новых медиа, их интерактивность, превалирование визуального.

Также Шомова выделяет некоторые характеристики интернет-мемов, которые представляются важными и для нашей формулировки. Например, определенная двухуровневая структура меметического сообщения, подразумевающая шаблон — внешнюю форму и само информационное сообщение. Социолог М. Алюков дополняет эту двухуровневость анализом самой коммуникации в интернете. Когда прямое «серьезное» высказывание становится невозможным, появляется интернет-мем, который по форме является смешным и узнаваемым шаблоном, но при этом его внутренняя часть содержит какое-либо высказывание.

Эта ситуация зачастую описывается термином «постирония», который подразумевает невозможность однозначной атрибуции высказывания как серьезного или ироничного. Это приводит к некоторой двойственности при анализе интернет-мема, когда само высказывание и подрыв этого высказывания сосуществуют одновременно. Для Алюкова эта ситуация становится необходимой формой высказывания в современной интернет-коммуникации, преодолевающей кризис клишированных высказываний и морализаторства¹⁵². С этим солидарны и

¹⁵¹ Шомова С.А. Мемы как они есть. М: Аспект Пресс, 2018. С. 4.

¹⁵² Алюков М. Указ. соч. С. 120–124.

другие авторы, рассуждающие о постиронии, предлагая объяснение постиронии как эффекта, возникшего благодаря современным формам коммуникации в интернете¹⁵³.

Все это обязывает обращать на интернет-мемы самое пристальное внимание: высказывание внутри интернет-мема, существующее как бы без конкретного автора и широко распространяющееся, может рассматриваться как высказывание или репрезентация самых разных представлений больших групп. Более того, в условиях информационной перегрузки и конкуренции информационных потоков за внимание пользователей интернет-мем становится структурно необходимым явлением, которое в своей емкой форме и постоянной конкуренции выдает реципиентам то, что они способны потребить в условиях медиа шума: «мем — это ответ на вопрос о бедности внимания и богатства информации...»¹⁵⁴. Далее мы покажем, как это работает на исторических интернет-мемах, которые воспроизводят представления об истории при той же проблеме информационной перегрузки и склонности к развитию емких форматов.

С развитием мем-культуры и появлением множества новых интернет-мемов и устареванием (трансформаций) старых усиливается роль лингвистического подхода в оценке роли интернет-мемов в повседневности. Все усложняющиеся комплексы интернет-мемов, позволяющие совершать высказывания на различные темы с различными смысловыми оттенками, позволяют видеть в них формирование нового языка. Квантитативные исследования появления новых интернет-мемов и их репликаций показывают постоянное самосовершенствование и усложнение корпуса интернет-мемов наподобие развития языков¹⁵⁵. К тому же, этот язык становится глобальным, самые популярные интернет-мемы (то есть шаблоны) распространяются по всем национальным сетям и там уже становятся базой для производства реликций-высказываний, резонирующих с местным контекстом¹⁵⁶.

¹⁵³ Павлов А.В. Указ. соч. С. 16–31.

¹⁵⁴ Аллюков М. Указ. соч. С. 124.

¹⁵⁵ Valensise C., Serra A., Quattrociochi W. Op. cit. P. 214.

¹⁵⁶ Nissenbaum A., Shifman L. Op. cit. P. 294–310.

Соединяя лингвистический подход с двухуровневой структурой интернет-мемов, мы будем рассматривать исторические интернет-мемы как форму исторической репрезентации.

При этом исследования интернет-мемов осложняет проблема авторства и, соответственно, отбора источников. В некоторых энциклопедиях интернет-мемов делаются попытки нахождения корней интернет-мема, однако в исследовательской литературе эта проблема выведена за скобки по аналогии с геном Докинза, корни которого найти невозможно. Но «смерть автора» в случае интернет-мемов является одновременно и сущностной характеристикой. Интернет-мем санкционирует аудитория, множественное одобрение и распространение со стороны которой и есть залог существования интернет-мема (или его конкретной репликации). Санкционирование интернет-мема широкой и в целом анонимной публикой позволяет говорить о том, что интернет-мем существует как высказывание Другого. Алюков подмечает, что об интернет-меме можно говорить как о лумановском самоописании системы, так как самописание никогда не описывает конкретный субъект, это всегда автокоммуникация системы, ее разговор с самой собой¹⁵⁷.

Действительно, Н. Луман в своей книге «Общества общества» формулирует деавторизованность любых символических единиц как самоописаний системы. В том числе, Луман обращается к современным масс-медиа. Он пытается вывести определенные формы и законы, по которым действуют современные масс-медиа, отвергая оптимизм концепций «общественного мнения», в которых люди (агенты коммуникации) высказываются, обмениваются мнениями и приходят к консенсусу. Скорее, масс-медиа выступают средой для мироописания современного общества¹⁵⁸, причем сами описания являются также самим обществом (а не просто их описанием или отражением). Тем самым осуществляется рекурсия, не позволяющая достичь метапозиции. Таким образом, масс-медиа не отражают реальность и (или) не передают ее искаженно, а генерируют описание реальности,

¹⁵⁷ Алюков М. Указ. соч. С. 120–124.

¹⁵⁸ Луман Н. Указ. соч. С. 251.

которое и есть реальность, на которой базируется общество¹⁵⁹. Эти рассуждения могли показаться спорными в золотой век телевидения, когда определенным группам сил принадлежали определенные каналы передачи информации, где выступали эксперты и лидеры мнений, что с виду более адекватно описывалось концепциями символического капитала или знания-власти¹⁶⁰. Интуиции Лумана раскрываются в полной мере в сетевых коммуникациях и практике интернет-мемов, при которой элементы масс-медиа (самоописания) предельно неподцензурны и деавторизованны. Этот взгляд будет полезен нам при анализе интернет-мемов как формы исторической репрезентации или «больших представлений» об истории.

В такой конфигурации нашими источниками являются наиболее распространяющиеся интернет-мемы (не репликации, а сами интернет-мемы, позволяющие создавать репликации), то есть, в первом приближении, это интернет-мемы, которые присутствуют во всех крупных энциклопедиях и базах, таких как Metamedia, KnowYourMem и другие. Прежде чем перейти к уточнению, что мы имеем в виду под «историческим интернет-мемом», резюмируем основные пункты нашего понимания интернет-мема для настоящего исследования:

- интернет-мем — это устойчивый шаблон, позволяющий создавать бесконечное количество вариаций - репликаций;
- интернет-мем имеет двухуровневую природу: первая связана с иронической, узнаваемой, захватывающей внимание формой, вторая — с предполагаемым высказыванием, существующим внутри каждой репликации;
- эта двухуровневость создает ситуацию постиронии, при которой серьезность высказывания обладает свойством самоподрыва своей серьезности. Это приводит к некоторой двойственности или диалектичности внутри каждого интернет-мема, что является специфической формой коммуникации в современной медиатизированной среде;

¹⁵⁹ Там же С. 252.

¹⁶⁰ Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.

- интернет-мемы понимаются лингвистически как языковые элементы, на базе которых возможно совершать высказывания — конкретные репликации;
- интернет-мемы деавторизованы и неподцензурны, что позволяет говорить о самоописательности и репрезентации представлений;
- интернет-мемы в такой конфигурации в основном являются визуально-текстовыми шаблонами, которые позволяют в репликациях варьировать изображение или текст.

Несмотря на то, что анализируемые интернет-мемы являются визуально-текстовым источником, для нас будет важен взгляд на них как на лингвистические или семиотические объекты. Чтобы не оказаться, по выражению специалиста по иконологии У.Д.Т. Митчелла, в вечной, навязанной философией «войне знаков» между словами и образами¹⁶¹, мы вынесем за скобки дискуссии об образных характеристиках, появляющихся в интернет-мемах изображений. Для нас будут важнее репрезентационные характеристики визуальных частей интернет-мемов, в которых визуальные элементы задают отчетливую семантику. Например, изображения в интернет-меме «Светящийся мозг» на Рисунке 1 не являются для нас сложным образом (опосредованным цифровой инфраструктурой), отсылающим к полю значений. Скорее наоборот, сущность этих изображений — в максимальной распознаваемости аудиторией в качестве знаковой единицы, повествующей об «интеллектуальном развитии» какого-либо процесса. Настройка интернет-мема на емкость сообщения определяет визуальную простоту многих конструкций, собранных из несложных, конвенциональных изображений, понятных максимально числу людей внутри глобальной цифровой культуры. В этом свете показательны первые интернет-мемы конца 2000-х годов, которые конструировались из простейших изображений-комиксов¹⁶², выступавших чем-то вроде пиктограмм эмоций — реакций на различные повседневные ситуации.

К середине 2020-х годов исследования интернет-мемов собрали традицию цитирования авторов «от Докинза до Шифман», которая ориентирует

¹⁶¹ Митчел У.Дж.Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология. М: Кабинетный ученый, 2017. С. 65.

¹⁶² Rage Comics URL: <https://memepedia.ru/rage-comics/> (дата обращения 15.06.2024)

исследователей из разных областей. Однако стремительные изменения в интернет-культуре и политическая повестка сильно трансформируют феномен интернет-мемов и направления их исследований¹⁶³. Появляются статьи, проблематизирующие методологические и эпистемологические вопросы исследования мемов, критикующие эволюционистские метафоры Докинза и общий контекстуализм Шиффман. Становится очевидна комплексность (или даже необъятность) феномена интернет-мемов, выходящая за рамки цельных объясняющих теорий. Помимо множества «отраслевых» исследований интернет-мемов как цифровых артефактов, прототипов социальных идентичностей, постмодернистского фольклора, либо нового вида искусства со стремительным изменением цифровой среды появляются и новые исследовательские проблемы. К примеру, цифровая этнография обращает внимание на выход интернет-мемов в оффлайн пространство, а критики цифровой инфраструктуры указывают на все более возрастающую роль платформ, которые подвержены негативным экономическим и политическим факторам, перекраивающим пространство Web 2.0 десятилетней давности. В такой динамичной ризоматической конфигурации становится важным очертить границы понимания интернет-мема. Для этого сформулированные выше общие характеристики интернет-мемов в нашем понимании далее будут дополнены тем, что мы считаем специфически «историческим» в интернет-мемах.

Таким образом, для настоящей диссертации важны не только сформулированные выше свойства интернет-мемов, но и отбор специфических «исторических» интернет-мемов. Важным напоминанием здесь будет то, что историческое для нас — это не только (а может и не столько) разговор о конкретном прошлом или исторических темах, но и понимание истории как исторического процесса. Для того чтобы сформулировать, что в нашем понимании является историческим интернет-мемом необходимо обратиться к изучению всего

¹⁶³ Galip I. Op. cit. P. 312–330.

«исторического» в сети и к исследовательскому полю digital memory studies, широко развивающемуся последние годы.

2.2. Интернет-мем и история в контексте медиатизированной среды

Магистральным вопросом в исследованиях цифровых практик является то, какое новое качество привносит цифровое в повседневность человека. Как медиатизированная среда преобразовывает, казалось бы, устойчивые антропологические феномены. Конечно, проблематика перехода исторических артефактов, памяти, дискуссий сразу же произвела впечатление, что в интернете существуют свои эффекты и форматы разговоров об истории и воспроизводства исторического знания, не редуцируемые к простому переносу из оффлайн в онлайн. За первым этапом оцифровки архивов и библиотек, оптимистично предполагавшим всеобщую доступность, наступил коммуникационный период интернета, в котором «историческое» начало кристаллизоваться в цифровых партисипаторных практиках: форумах, блогах, видеоблогах, анонимных каналах, коротких тикток-видео, интернет-мемах. Этот процесс возникает почти синхронно с так называемым мемориальным бумом, начало которого связывают с такими авторами как П. Нора, Я. Ассман, А. Ассман и рядом других, чьи концепции возникали в 1980-е и 1990-е годы все же еще в оффлайн-координатах. Однако парадигма памяти к началу XXI века оказывается настолько влиятельной, что изучение исторических артефактов в сети происходит также под влиянием концепций исторической памяти.

Одним из теоретиков того, что происходит с памятью в новой реальности интернета, стал Э. Хоскинс. Для того, чтобы схватить ситуацию глобальной связности и постоянной обновляемости, Хоскинс вводит термин коннективная память¹⁶⁴. Идея коннективности подразумевает радикальную инаковость памяти в сети именно в связи с невероятной интенсивностью коммуникации акторов, которые постоянно обмениваются своей памятью в различных мультимедийных форматах. Постоянное изменение пространства памяти и предполагаемое участие в этом изменении всего человечества, опосредованное цифровыми технологиями, предполагают динамический взгляд на любой исторический артефакт,

¹⁶⁴ Hoskins A 7/7 and connective memory: Interactional trajectories of remembering in post-scarcity culture // *Memory Studies*. 2011. No. 4. P. 269–280.

возникающий в сети. Этот взгляд, развиваемый и другими авторами, явно навеянный оптимизмом от возможностей интернета, постулирует уникальность интернет-практик памяти именно в их несоразмерном с оффлайном ускорении, доступности и свободе.

Быстрота, изменяемость и доступность стали в исследовательской литературе общим фоном для аналитики онлайн-коммуникации и в формулировании сущности цифровой исторической памяти¹⁶⁵. При этом исследования стали развиваться слишком фрагментарно, зачастую поверхностно формулируя «революционность» происходящего в сети, а далее исследуя какие-либо социологические аспекты и дискурсы о прошлом в традиционном ключе с опорой на классиков *memory studies*.

Часть исследований «социального конструирования исторической памяти» сосредоточилась на том, как новые медиа и социальные сети участвуют в этом конструировании^{166,167}. Парадигма «войн памяти» привлекла исследователей в интернет в поисках антагонистических дискурсов, конкуренции нарративов, которые фиксировались также и в оффлайне. Тем самым онлайн среда стала во многом белым пятном на карте изучения представлений о прошлом, которое быстро стало апроприироваться исследователями из разных областей социально-гуманитарных наук.

Более нюансированным подходом стало изучение специфики платформ, а также жанров создания контента о прошлом в социальных сетях. Партисипаторность цифровой культуры поставила вопрос о рамках соучастия и режимах действия пользователей¹⁶⁸. Выводы, к которым приходили исследователи, свидетельствуют о том, что часто сама инфраструктура социальных сетей и алгоритмов выдачи формирует «предпочтительные» жанры и нарративные стратегии, которые пользователи начинают воспроизводить для создания контента

¹⁶⁵ Память в Сети: цифровой поворот в *memory studies*. Сб. статей / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. СПб., 2023. С. 17.

¹⁶⁶ Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Указ. соч. С. 4.

¹⁶⁷ Память в Сети: цифровой поворот в *memory studies*...

¹⁶⁸ Зверева Г.И. Рядовой пользователь социальных медиа как историк: способы создания исторического нарратива на YouTube... С. 323.

об истории. В такой конфигурации разговор о демократизации памяти или, наоборот, о радикальном конструировании прошлого охватывается проблемой самой коммуникационной инфраструктуры, которая в целях аккумуляции пользователей и захвата внимания может создавать определенные рамки воспроизводства исторических артефактов.

В последние 5–10 лет основные дебаты о цифровой инфраструктуре концентрируются вокруг проблемы алгоритмической выдачи контента в поисковых системах и социальных сетях¹⁶⁹. В первую очередь эта проблема касается устройства публичной сферы в онлайн-пространстве, в котором авторские материалы оказываются в определенной конкурентной среде. Вследствие огромной плотности информационных потоков эти материалы стали регулироваться алгоритмическим отбором. Предполагается, что поисковые системы и социальные сети выдают материалы в первую очередь с целью захватить внимание пользователя на максимально большое время для своей рекламной капитализации. Однако в последние годы появляются некоторые регулятивные технологии, которые призваны ограничить «вредоносный» контент, что является одной из центральных проблем современной свободы распространения информации. При этом для интернет-мемов как для деавторизованных артефактов, проблема алгоритмов приобретает другое измерение. Интернет-мем в нашем понимании не санкционирован конкретным автором. Если конкретные репликации и могут быть использованы в целях публичного высказывания конкретного лица, то сам шаблон является, скорее, языковой, то есть нейтральной единицей для максимально емкого высказывания. Распространяемость интернет-мема во многом зависит именно от пересылки пользователей друг другу и потенциальной реплицируемости, в отличие от алгоритмического приоритета в поисковых пространствах и на контент-платформах. Именно поэтому зачастую сложно найти конкретную репликацию интернет-мема: она всегда находится в толще

¹⁶⁹ Reed L., Boyd D. Who Controls the Public Sphere in an Era of Algorithms? // Data&Society, 05.13.2016 // URL: https://datasociety.net/pubs/ap/QuestionsAssumptions_background-primer_2016.pdf (дата обращения: 14.06.2024).

коммуникации, а сам шаблон оказывается растворен на множестве сайтов-агрегаторов интернет-мемов, в социальных сетях и энциклопедиях.

Сегодня все больше исследований посвящается комплексным медиаэффектам, которые шли вперед от знаменитого «The medium is the message». Взаимодействие человека с интернетом и смартфоном все больше начинает изучаться в связи с глубинными когнитивными и эмоциональными структурами. Медиум оказывается частью популярной цифровой культуры, которая является способом работы с повседневным эмоциональным состоянием в медиатизированной среде¹⁷⁰.

В вышедшем в 2023 году русскоязычном сборнике «Память в сети: цифровой поворот в memory studies» интегрируются основные вехи цифрового поворота в истории, и приводится генеалогия взлета и падения идеи и дискуссий «революционности» интернета:

«Эти споры — является ли «цифровой поворот» революцией в практиках памятования, приводит ли цифровизация к демократизации или высвечивает старые принципы власти и контроля и где «находится» цифровая память — свидетельствует о том, что исследователи перестали смотреть на цифровую память восторженными глазами. Интернет не обещает ничего хорошего, но и ничего плохого. То, что Сеть позволяет в мельчайших деталях документировать любые события, например, военные столкновения, не значит, что она хоть в какой-то мере способствует их завершению или неповторению, но точно значит, что она повлияет на будущую память о них — архивацию памяти, редактуру, репрезентацию. Потеря завышенных ожиданий по отношению к интернету, который сделает мир чище, а память «демократичнее», — только к лучшему. Теперь исследователи могут вернуться к тому, чем и так занимались, — к анализу

¹⁷⁰ Hoskins A. The Restless Past: An Introduction to Digital Memory and Media // Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition. 2017. P. 1–24.

культурной травмы и ностальгии, исторической политики и войн памяти...»¹⁷¹.

В последние несколько лет произошло несколько консервативных откатов в понимании этой «революционности». Например, спор о влиянии медиа на исторические представления: насколько именно интернет поменял то, что и как запоминает человек, или история в сети является всего лишь продолжением тех практик и дискурсов, которые существуют оффлайн.

Теоретик Ж. ван Дейк настаивает на том, что цифровая культура отвечает потребности коллективов помнить, обмениваться знанием и мыслить исторически¹⁷². Мы разделяем эту апелляцию к некоторым антропологическим параметрам человека и коллективов, к необходимости памяти и коммуникации. Это сближается с концепциями исторического опыта, в которых опыт истории, скорее, первичен, и он может проявляться в различных репрезентациях с помощью различного эстетического и семиотического инструментария. Но при этом для нашего исследования является важным то, что исторический интернет-мем и его свойства смыслопорождения представляют собой новую форму исторической репрезентации, которая не просто отражает потребности человека и формализует определенные дискурсы памяти, но также участвует в их создании и автокоммуникации. Исторические интернет-мемы создают репрезентации, построенные на метафорах, или, говоря социологически, фреймах, которые являются специфическими семиотическими инструментами именно цифровой партисипаторной культуры.

Другая проблема *digital memory studies* обнажилась вместе с критическим осмыслением интернета в последние годы, в частности, произошло переосмысление свободы и доступности информации и коммуникации. Память, которую исследователи надеялись схватить непосредственно в ее демократическом выражении, становится все более регулируема национальными

¹⁷¹ Память в Сети: цифровой поворот в *memory studies*. С. 21–22.

¹⁷² Dijk J. van. *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*. NY: Oxford University Press, 2013. 240 p.

законодательствами и алгоритмической фильтрацией, заложенной в инфраструктуре платформ. Тем самым то, что представлялось радикально новым, оказалось захвачено традиционными проблемами легальности и легитимности распространения знания.

Однако, именно на примере подобных регулирований возможно удачно сформулировать наше понимание *исторического* интернет-мема, в котором сам интернет-мем представляется новой формой исторической репрезентации, непосредственно не связанной с регулированием. В данном случае исторический интернет-мем выступает в виде нового семиотического средства для выражения исторического опыта.

Рассмотрим интернет-мем «Парни с машиной времени» (Рисунок 2)¹⁷³. Вне конкретной репликации этот интернет-мем создает воображаемую ситуацию, при которой человек отправляется с помощью машины времени в прошлое с какой-либо целью. Цель возвращения в прошлое создается в конкретной репликации. Эта цель может быть очень разной, к примеру «исправление» исторической ошибки, ностальгия, эскапизм и многое другое. Конкретная репликация будет являться конкретным высказыванием, которое в теории может регулироваться алгоритмами или законодательством. Тем не менее, сам интернет-мем «Парни с машиной времени» не поддается регулированию, так как это всего лишь квазиязыковая единица (вторичная моделирующая система) для совершения высказываний об истории. При этом в конструкции этой единицы заложены определенные представления об истории. Эта конструкция позволяет совершать бесконечное количество высказываний, связанных с историей, и в плане связи с различным историческим опытом, и в плане всевозможных исторических тем¹⁷⁴ (Рисунок 3). Если конкретную репликацию возможно создать ангажировано и попытаться сконструировать из нее объект маркетинговой или политико-исторической дискуссии, то сам интернет-мем в этом качестве придумать невозможно, и он, в

¹⁷³ Парни с машиной времени URL: <https://memepedia.ru/parni-s-mashinoj-vremeni/> (дата обращения: 15.05.2024).

¹⁷⁴ Костоглотов Д.А. "Парни с машиной времени": опыт исследования исторического интернет-мема // Артикульт. 2022. № 2(46). С. 97–105.

первых приближениях, является нейтральным, как язык. При этом сам интернет-мем или его конкретные репликации находятся в ситуации постиронии, когда высказывание может считываться одновременно и как серьезное, и как подрывающее серьезность своего сообщения. Эту постироничность, производящую диалектичность исторического опыта, мы будем учитывать при анализе каждого исторического интернет-мема.

Таким образом, в нашем понимании исторический интернет-мем является не просто конкретным высказыванием о прошлом, а новой цифровой формой, семиотическим инструментом для создания высказывания об истории, воспроизводящей основные представления об историческом процессе (не только как прошлого или знания о нем, а как истории, ориентирующей современность в историческом процессе). Безусловно, интернет-мем, «Парни с машиной времени» глобален. Парни могут возвращаться в прошлое с разной целью на разных языках в зависимости от национальных контекстов и историко-политических представлений, однако сам интернет-мем и его метафора (машина времени, отправляющая в прошлое) вне конкретных репликаций, абсолютно понятны аудитории глобального интернета. Такой подход четко очерчивает источниковую базу настоящего исследования. Набор из самых распространенных исторических интернет-мемов хорошо фиксируется по основным интернациональным энциклопедиям интернет-мемов, а конкретные репликации будут интересовать нас лишь для очерчивания возможностей высказываний, которые способен создавать каждый исторический интернет-мем, а не как показатель исторической памяти какого-либо сообщества.

Несмотря на множество исследований, посвященных интернет-мемам и специфике истории и памяти в интернете, существует не так много работ, прицельно изучающих вместе историю и интернет-мемы или исторические интернет-мемы. Зачастую, если такой интерес и возникает, он прикладывается к какому-нибудь конкретному мему, связанному с конкретной исторической

тематикой¹⁷⁵. В таком видении интернет-мем воспринимается как элемент какой-либо групповой идентичности, который распространяется в сообществе, способном считывать тематический уровень изначально постиронического высказывания. Иными словами, акцентируется вирусность и постироничность интернет-мема и некоторая его связь с конкретным историческим материалом. Однако наше понимание «историчности» во многом базируется на емкой формулировке теоретика культуры Джеймисона: историчность — это не репрезентация прошлого или будущего, это восприятие настоящего в качестве истории¹⁷⁶. В этом одна из ключевых специфических черт настоящего исследования, которая разводит его с большинством исследований в области *digital memory studies*, концентрирующихся на дискурсах и практиках памяти.

Близкими к нашему взгляду являются попытки изучения современной популярной исторической культуры. Финский теоретик исторической культуры И. Лахтеенмяки анализирует богатство современных культурных практик, которые связаны с историей в самом широком смысле¹⁷⁷. Продолжая авторитетные рассуждения о популярной исторической культуре теоретика Д. де Гру¹⁷⁸, автор указывает на непроработанность проблемы взаимодействия истории и цифровых медиа. Проблема анализа современной исторической культуры заключается в пересечении конкретной культурной практики и самой истории. К примеру, если мы анализируем историческое кино, нам необходимо выполнять анализ самого фильма как культурной практики вместе с анализом самой истории. Однако автор делает попытку анализировать историческую культуру, объединяя различные культурные практики в русле *media studies*. Для автора важно то, что современная популярная историческая культура может дать доступ к историческому опыту. Лахтеенмяки постулирует некоторую усталость от *memory studies* и пытается анализировать взаимодействие академических дискурсов об истории и популярные

¹⁷⁵ Makhortykh M. Op. cit. P. 63–90.

¹⁷⁶ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма... С. 561.

¹⁷⁷ Lähteenmäki I. Op. cit. P. 51–68.

¹⁷⁸ De Groot J. *Consuming History: Historians and heritage in contemporary popular culture*. London: Routledge, 2009. 304 p.

исторические репрезентации. Это близко нашему замыслу, в котором исторический интернет-мем является новой специфической исторической репрезентацией, которую мы можем анализировать, в том числе в рамках культурологических методов и дискурса теории истории. При этом у автора постулируется гегемония дискурсов памяти в исследованиях истории в цифровой среде, которую, по его мнению, необходимо преодолевать, чтобы углублять понимание того, как цифровое связано с историческим.

Иногда интернет-мемы и история изучаются в рамках нестандартных подходов современной гуманитаристики. Так, в книге К. Бэрклей и Л. Даунинг «Мемы, история и эмоциональная жизнь» интернет-мемы, связанные с историей, анализируются как важный феномен трансисторического взаимодействия между современностью и артефактами прошлого¹⁷⁹. Для авторов оказывается важным подход с точки зрения социологии эмоций — взгляда на аффективные параметры взаимодействия индивида с исторической культурой. В такой оптике история добавляется в эмоциональную структуру современности и формирует определенную онлайн-эмоциональную культуру. Интернет-мемы являются важным механизмом, с помощью которого эмоции проявляются в цифровой среде. Эмоции, генерирующиеся партисипаторной культурой пересылки и потребления исторических интернет-мемов, являются не просто реакцией на социальные условия, а активными участниками их создания. При этом авторы обозревают возможности включения исторического визуального материала в практику интернет-мемов и задаются вопросом о специфическом отношении современной цифровой эмоциональной культуры и истории в медиатизированной среде.

Релевантным нашему пониманию исторического интернет-мема являются взгляды исследователя памяти и истории в сети Д.С. Артамонова. Формулируя структурную необходимость исторических интернет-мемов как наиболее адекватных коммуникативных элементов в социальных сетях, он справедливо замечает, что такая коммуникация позволяет эффективно воспроизводиться

¹⁷⁹ Barclay K., Downing L. Memes, History and Emotional Life. Cambridge UK: Cambridge University Press. 76 p.

историческому знанию¹⁸⁰. Автор также говорит о принципиальной для нас видоизменяемости, хотя, и не уточняя принятую нами схему интернет-мема как какой-либо устоявшейся единицы, а его репликаций как бесконечного количества высказываний об истории. В числе прочего, для Артамонова важна парадигма партисипаторности и актуальности настоящего момента создания исторического контента, при которой масса пользователей может создавать репликации интернет-мемов на специальных сайтах-агрегаторах интернет-мемов.

Однако, как и многие другие исследователи интернет-мемов, автор предлагает парадигму «социального конструирования», в которой акцент делается на конкретных исторических элементах памяти (возникающих именно в репликациях, а не в самих исторических интернет-мемах в нашем понимании) и желании пользователей их продвигать. В такой парадигме не учитывается сама проблема появления интернет-мема, например, интернет-мема «Парни с машиной времени», случайность которого выносится за скобки, а изучаются только его репликации, которые действительно могут создаваться на агрегаторах уже с определенными интенциями пользователей. При этом в другой статье автор подходит к тому, что интернет-мемы могут иметь связь с темпоральными характеристиками общественных представлений и в целом отражать определенное (анти)утопическое мышление¹⁸¹. Этот аспект особо важен для нас как выражение исторического опыта в интернет-мемах.

Таким образом, подавляющее большинство исследований, тематически объединяющих интернет-мемы и историю в сети, оказывается внутри парадигмы исследовательского поля *memory studies*. Парадигма памяти задает свой определенный словарь исследования или дискурс, в котором присутствуют проблемы конструирования, политики памяти, коммеморации, забвения и многих других аспектов, встречающихся в работах классиков *memory studies*. Поэтому существует так много проектов посвященных тому, что и как распространяется в

¹⁸⁰ Артамонов Д.С. Интернет-мем: конструируя прошлое в цифровую эпоху // Память в сети: цифровой поворот в *memory studies*. 2023. С. 134–147.

¹⁸¹ Артамонов Д.С. Интернет-мем как способ репрезентации реальности: между антиутопией и мифом // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. №1. С. 14–21.

интернете, и как это «влияет» на представления об истории (а точнее о прошлом)¹⁸². Однако при этом практически нивелируются те компоненты, которые ведущие философы истории разрабатывают последние десятилетия: когнитивный аспект взаимодействия с прошлым, эстетические проблемы исторической репрезентации, феноменологические эффекты исторического опыта.

На примере интернет-мема «Парни с машиной времени» мы можем говорить не только о том, что парни возвращаются в прошлое, с целью как-либо изменить это прошлое в соответствии с памятью о чем-либо, но для нас также открывается целый спектр проблем. А в чем вообще заключается смысл появления настолько популярного интернет-мема, в котором зачем-то надо возвращаться в прошлое? Как использование машины времени может быть созвучно с популярностью других культурных артефактов про так называемых попаданцев — людей, оказавшихся в прошлом? В чем заключается историческая метафора или даже трансцендентальная операция познания этим интернет-мемом какого-либо прошлого (истории)? На какие эффекты исторического опыта может указывать подобный интернет-мем: на ностальгию, травму или же на радикальное неприятие настоящего? В чем состоит различие исторического опыта женщин и мужчин, проявляющееся в различных репликациях? Как мы видим, спектр вопросов, адресованных историческому интернет-мему, оказывается намного шире проблемы присутствия определенных элементов прошлого. Исторический интернет-мем оказывается важнейшей формой современной исторической репрезентации.

Отчасти тотальность парадигмы памяти в разговорах о прошлом в сети (и не только в сети) также является признаком современного исторического опыта, тем, что многие теоретики в связи с теорией «режимов историчности» объясняют доминированием презентистского режима историчности. Презентистский мотив «прошлого, которое не хочет уходить» и не позволяет вообразить проекты

¹⁸² Николаи Ф.В. Перспективы «цифрового поворота» в *memory studies* // Новое литературное обозрение. 2023. №182. С. 339–343.

будущего, оказывается очень распространен в исторических интернет-мемах, что мы и постараемся показать далее.

ГЛАВА 3. АНАЛИЗ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ КАК ФОРМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Таким образом, сформулированная нами выше исследовательская триада репрезентация-метафора-опыт будет выступать аналитической рамкой для каждого конкретного исторического интернет-мема и его репликаций. В анализе репрезентации мы постараемся показать природу элементов, составляющих интернет-мемы, специфику их бытования и воспроизводства в рамках цифровой культуры. Несмотря на то, что многие из появляющихся интернет-мемов производят впечатление возникших случайно, мы проанализируем на уровне формы, почему крайне популярные исторические интернет-мемы именно такие, какие они есть. Для выявления метафоры, реализующейся в интернет-меме, мы проведем анализ корпуса репликаций, составляющих набор возможных вариантов-высказываний, которые эта метафора способна воспроизводить. Это позволит раскрыть метафору (или, другими словами, внутренний микросюжет) как семиотический инструмент — вторичную моделирующую систему, позволяющую совершать бесконечное количество высказываний на своей основе. Наконец, в каждом интернет-меме нас будет интересовать специфический элемент исторического опыта, который удастся выразить путем исторической репрезентации в виде интернет-мема, содержащего семиотический инструментарий — метафору. Выявление структур современного исторического опыта будет производиться с опорой на современную теорию истории. Для этого мы будем использовать категориальную сетку, разработанную теоретиками философии истории и исследователями современной исторической культуры, описанную выше и содержащую в себе такие категории как ностальгия, отмена будущего, возвращение к истокам и многое другое. При этом для нас будет важно, что интернет-мемы и их репликации находятся в ситуации постиронии, когда высказывание может считываться одновременно как серьезное и как подрывающее свою серьезность. Это создает специфическую диалектичность интернет-мема как формы исторической репрезентации. Возникающие репликации интернет-мема не просто могут противоречить друг другу, но и находятся в некотором потоке

появления все новых репликаций, которые могут быть продолжением или ответом предыдущим вариантам.

Для раскрытия многогранности проблемы интернет-мема как формы исторической репрезентации в медиатизированной среде мы построим наш анализ, начиная с интернет-мемов, проблематизирующих настоящее как часть исторического процесса, и продолжим проблемой ностальгии, вариантами будущего и поиском исторических истоков. После чего затронем проблему «широкого настоящего» и того, как исторические символы работают в культуре интернет-мемов. Этот ход повествования покажет, как интернет-мемы функционируют в качестве формы исторической репрезентации, моделируя историю с помощью специфического соединения прошлого, настоящего и будущего.

3.1. Проблематизация настоящего

«Качок Доге и Чимс»

В первой половине 2020 года, в разгар пандемии COVID-19, появился интернет-мем, который основывался на двух знаменитых в интернете собаках породы сиба-ину: по имени Доге и Чимс. Интернет-мем «Качок Доге и Чимс»¹⁸³ представляет одну собаку как сильную, уверенную в себе и основательную, а вторую собаку как слезливую и слабую. Ключевым в этом интернет-меме оказалось, что Доге репрезентировал прошлое, однозначно более славное, чем настоящее, а Чимс ассоциировался с настоящим историческим моментом, чаще всего абсолютно проигрышным по сравнению с прошлым. Признанный одним из самых популярных интернет-мемов 2020 года¹⁸⁴ «Качок Доге и Чимс» функционирует с помощью метафоры, которую упрощенно можно назвать метафорой «золотого века», когда состояние чего-то в прошлом всегда оказывается идеализированно в сравнении с состоянием в настоящем. Это сравнение прошлого и настоящего оказывается вписано в предельно опознаваемую рамку двух знаменитых в интернете собак породы сиба-ину, которые часто являются предметом острот в интернет-культуре (например, интернет-мем на базе видео, где собака породы сиба-ину падает в реку, а хозяин восклицает «это фиаско братан»¹⁸⁵, или интернет-мем «Годзилла и Конг против Чимса»¹⁸⁶). Также предполагаемая острота этого интернет-мема усиливается за счет сентиментальности по отношению к милой слабости слезливого Чимса, что часто реализуется в разных интернет-мемах, когда маленькие котята или щенки умиляют, трогают своей беспомощностью (к примеру, интернет-мем про котенка «Я обязательно выживу»¹⁸⁷). Эта черта задает большую постироничность данному интернет-мему,

¹⁸³ Качок Доге и Чимс URL: <https://memepedia.ru/kachok-doge-i-chims/> (дата обращения: 15.05.2024)

¹⁸⁴ Рейтинг: Топ-10 мемов 2020 года URL <https://entermedia.io/news/rejting-top-10-memov-2020-goda/> (дата обращения: 15.05.2024)

¹⁸⁵ Это фиаско братан URL: <https://memepedia.ru/eto-fiasko-bratan/> (дата обращения: 15.05.2024)

¹⁸⁶ Годзилла и Конг против Чимса URL: <https://memepedia.ru/godzilla-i-kong-protiv-chimsa/> (дата обращения: 15.05.2024)

¹⁸⁷ Я обязательно выживу URL: <https://memepedia.ru/ya-obyazatelno-vyzhivu/> (дата обращения: 15.05.2024)

поскольку Чимс хоть и выступает репрезентацией слабости современности, тем не менее, способен вызывать понимание, симпатию или даже некоторое моральное превосходство перед маскулинным Доге.

Насколько случайно появление и такое широкое распространение этого исторического интернет-мема именно в пик пандемии? Было ли это симптомом внутри цифровой культуры, переживающей глобальный кризис 2020 года по сравнению с мнимой устойчивостью прошлого, или это ощущение распространяется в целом на нашу современность? Или же здесь скорее воспроизводится ироническая ситуация высмеивания таких сравнений? Репликации интернет-мема «Качок Доге и Чимс» дают разные ответы на эти вопросы, однако сам факт его взлета показывает устойчивое желание помыслить идеализированное прошлое, пришедшее в полный упадок в современности в рамках цифровой культуры. А. Эрлл, говоря о медиатехнологиях, которые революционизируют культуру (письменность, радио, интернет), предлагала обращать внимание, в том числе, и на семиотические инструменты¹⁸⁸. В такой конфигурации мы можем сдвинуться от декларации революционности самого интернета к проработке новых семиотических форм воспроизводства истории, которой, очевидно, является интернет-мем «Качок Доге и Чимс»¹⁸⁹, как и множество других исторических интернет-мемов, которые будут рассмотрены ниже. Интернет-мем «Качок Доге и Чимс» выступил в качестве семиотического инструмента цифровой культуры для высказываний о настоящем и прошлом или, говоря шире, об истории.

Как и у многих исторических интернет-мемов, у него существуют репликации, отсылающие к далекому прошлому, а также связанные с известными и узнаваемыми точками культурной памяти, что в целом распространено в культуре мемов, в первую очередь воспроизводящихся на максимально «известном» материале. Но также есть репликации, связанные с недавним

¹⁸⁸ Erll A. Literature, Film and the Mediality of Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. NY, 2010. P. 389–399.

¹⁸⁹ Костоглотов Д.А. "Парни с машиной времени": опыт исследования исторического интернет-мема... С. 97–105.

прошлым или ностальгией, которая предполагает некоторые комплиментарные воспоминания об относительно недалеком прошлом. Так, в одной из репликаций сравнивается Греция 2500 лет назад как доминирующая в те времена цивилизация и Греция современности, находящаяся в тяжелом экономическом и политическом положении. Подобных репликаций достаточно много, здесь важна степень контраста между прошлым и настоящим, и чем она выше, тем сильнее предполагаемая острота высказывания. К примеру, одной из популярных репликаций стало сравнение монархов классической эпохи и монархов современности, или пиратов трехсотлетней давности и современных интернет пиратов как великих в прошлом и слабых в современности соответственно.

Кроме того, широко представлены ностальгические репликации, в основном ностальгией по событиям и предметам из 1990-х и 2000-х годов, что в целом релевантно интернет-культуре, которая постоянно рефлексировала эпоху до интернета и первые годы интернета до эры социальных сетей, о чем мы подробнее поговорим далее. В таких репликациях могут появляться какие-либо культурные артефакты или предметы поп-культуры из относительно недавнего прошлого. Например, сравнение мобильных телефонов 2002 года как прочных, энергоемких и «вечных» с телефонами 2020 года, которые постоянно разряжаются и ломаются. Еще пример: человек, который в детском возрасте предположительно хорошо учился и складывал в уме большие числа сравнивается с ним же самим в настоящий момент, где он не способен выполнить элементарные расчеты.

Примечательно, что существуют репликации, в том числе рефлексивные проблемы, так или иначе связанные с эпидемией COVID-19. Например, репликация про учителей, которые в недавнем прошлом были строгими и уверенными в себе, а на онлайн-уроках не могут разобраться с техникой и чувствуют себя крайне неуверенно. Иными словами, интернет-мем «Качок Доге и Чимс» стал производить репликации, репрезентирующее тот разрыв опыта истории, которым являлась пандемия, не просто ставшая сильной встряской всех дискурсивных констант, но и

подталкивающая к культурному продуцированию именно в онлайн пространстве¹⁹⁰.

Таким образом, организующей метафорой этого интернет-мема является метафора золотого века, которая позволяет соотносить прошлое и настоящее в оценочном ключе, доставать из разного рода прошлого славные времена и мыслить какое-либо нынешнее состояние как пришедшее в упадок. В книге «Ретротопия» Бауман поставил диагноз (во многом самим названием) современному обществу как обществу, ищущему себя в прошлом¹⁹¹. Главы этой книги, которые красноречиво называются «назад к племенам», «назад к Гоббсу», «назад в утробу» и так далее, показывают, как современные массовые практики и дискурсы пытаются спроектировать свое возвращение к какому-либо идеализированному состоянию в прошлом. Интернет-мем, основанный на метафоре золотого века, отвечает этой потребности и создает репликации, которые укрепляют идеализированное состояние чего-либо в прошлом.

Безусловно, такую идеализацию (конструирование) прошлого мы встретим не только в интернет-меме «Качок Доге и Чимс», тем не менее, он является одним из самых заметных элементов языка исторических интернет-мемов, базирующихся на метафоре золотого века, крайне востребованным семиотическим инструментом для проблематизации настоящего по сравнению с прошлым. Если ввести в поисковую строку поисковика фразу «мем раньше сейчас», вероятно (несмотря на то, что стоит учитывать постоянное изменение и локализацию поисковых запросов), что большинство вышедших изображений будет репликациями интернет-мема «Качок Доге и Чимс», что подтверждает его доминирование (и устойчивость) в подобной рамке разговора о прошлом. При этом существуют также и изображения, которые просто описывают что-либо в прошлом и в современности в ироническом ключе с подписями «раньше» и «сейчас». Например, сравниваются кошки, «раньше» выступавшие божествами или полезными помощниками

¹⁹⁰ Žižek S. Pandemic! COVID-19 Shakes the World. NY: OR Books, 2020. 136 p.

¹⁹¹ Бауман З. Указ. соч. С. 21.

человека, и «сейчас» — болезненные домашние животные, требующие ухода (Рисунок 4).

«Мои родители в 25 лет / Я в 25 лет»

На базе сравнения идеализированного момента в прошлом и ухудшившегося состояния в настоящем также построен интернет-мем «Мои родители в 25 лет / Я в 25 лет»¹⁹² или по-английски “My parents at age X” (возраст 25 лет здесь условен и может варьироваться), или его еще можно назвать интернет-мемом «Сравнение поколений». В нем схожим образом идеализируется прошлое, но прошлое в рамках взаимодействия различных современных поколений. Поколенческая тема является отдельным огромным пластом интернет-культуры. Пресловутое деление на бумеров, миллениалов и зумеров¹⁹³ стало уже общим местом для построения не только интернет-мемов, но и повсеместных рассуждений о стремительных исторических трансформациях. В какой-то момент в рамках интернет-культуры различные поколения получили свои репрезентации в виде изображений, на базе которых появлялись различные новые интернет-мемы и репликации. Например, интернет-мем «Ужас, что за поколение»¹⁹⁴ или знаменитый Nordic Gamer¹⁹⁵, перекочевавший с глобальных имиджбордов (интернациональных сайтов, заполняемых всевозможным низовым контентом) в социальные сети. Столь же знаменитым стал мем, который впоследствии интегрировался в повседневную речь — «окей, бумер» (кстати, мем не в нашем узком понимании, а именно в понимании статичного вирусного высказывания). Он стал символом недопонимания поколений и сопротивления следующих, более молодых, поколений идеям поколения бумеров.

¹⁹² Мои родители в 25 / я в 25 URL: <https://memepedia.ru/moi-roditeli-v-25-ya-v-25/> (дата обращения: 15.05.2024)

¹⁹³ Не будем вдаваться в нюансирование различных поколенческих делений и схем, а лишь округлим для нашего анализа, что бумеры — это люди рожденные в послевоенные 30-40 лет, миллениалы — это люди, рожденные с начала 80-х и по конец 90-х и зумеры — это люди, росшие уже вместе с интернетом и социальными сетями.

¹⁹⁴ Ужас что за поколение URL: <https://memepedia.ru/uzhas-что-za-pokolenie/> (дата обращения: 15.05.2024)

¹⁹⁵ Nordic gamer URL: <https://memepedia.ru/nordic-gamer/> (дата обращения: 15.05.2024)

Сравнение поколений оказалось удачной метафорой, схватывающей стремительные трансформации в рамках 20-30 лет. Если «родители в 25» строят дом, заводят детей, серьезно занимаются карьерой и видят будущее, то «я в 25» в основном оказывается в резко контрастной позиции бесперспективности, мелочности бытовых неурядиц или нелепости планов на будущее. Эта метафора не только воспроизводит пресловутую проблему «отцов и детей», но также указывает на схлопывание горизонта возможностей и перспектив развития современных миллениалов и зумеров. Цели и задачи «родителей» оказываются чуть ли не некоторым метанарративом поколения бумеров, который оказывается абсолютно недоступен для миллениалов и зумеров. Этот метанарратив недоступен по разным причинам, включая тот факт, что современные поколения предположительно ожидают, что их жизнь будет хуже, чем жизнь предыдущих поколений¹⁹⁶. Причем, чем более ничтожны становятся мнения, задачи и планы современного поколения в конкретной репликации, тем она становится потенциально комичнее, подчеркивая этот разрыв, даже некоторую трансгрессию (резкое изменение — нарушение) в жизненных мирах в сравнении всего лишь двух поколений.

Если обратить внимание на большинство репликаций этого интернет-мема, то часть с «родителями в 25» остается практически стабильной и задает несколько вариаций, указывающих на «недоступные» вещи для современного поколения. К примеру, очень часто в репликациях фигурирует желание «родителей в 25» купить дом, что как бы очевидно является недоступным для «меня в 25». Здесь выражаются понятные всем болезненные изменения в (не)доступности жилья, а также изменения в видении семейного быта. Поэтому другая устойчивая вариация этого интернет-мема повествует о том, что «родители в 25» предлагают друг другу завести детей. Это также является одной из точек предполагаемого разрыва между поколением бэбби-бумеров и современными поколениями демографического спада. Не будет большим преувеличением заключить, что эта биополитическая дискуссия является актуальной для общественных отношений поколений

¹⁹⁶ Жижек С. Неприятности в раю. От конца истории к концу капитализма. М: Гонзо, 2021. 320 с.

современных 25-летних и их родителей. Причем возможно именно актуальность этой дискуссии вытеснила другие вариации того, что делают «родители в 25», и привела к тому, что во многих репликациях эта часть остается неизменной именно в том факте, что «родители» по определению в прошлом заводили детей. Для многих такое взаимодействие с личной историей (памятью) является актуальным историческим опытом погружения себя в историческую трансформацию, хоть и явно регрессивную позицию.

При этом существует интернет-мем, где поколенческая критика условных двадцатипятилетних людей направлена не только в сторону старшего поколения, но и в сторону младшего поколения. Речь идет об интернет-меме «Как я рад, что я вырос на этом, а не на этом»¹⁹⁷. В нем сравниваются какие-либо практики и характерные феномены предыдущих поколений (преимущественно миллениалов) и практики современных детей. При сравнении современные дети оказываются не в выигрышном положении, так как в различных репликациях, скорее, подчеркивается то, как эти практики деградировали. Например, сравниваются ранняя советская версия мультфильма «Простоквашино» и современная версия с неаутентичной рисовкой. Или сравнивается какая-нибудь знаменательная для культуры девяностых или нулевых компьютерная игра с современной видеоигрой. Тем не менее, большинство репликаций не обладает той однозначной негативной оценкой в сравнении поколений, подобно интернет-мему «Мои родители в 25 лет / Я в 25 лет» и обладает ироническим оттенком. Скорее, эти сравнения указывают на условность подобных оценочных сравнений. Например, сложно однозначно считать за негативное сравнение репликацию, где старшее поколение выросло на компьютерах с большими мониторами, а младшее поколение выросло на смартфонах. Такие репликация, скорее, деконструируют поколенческую регрессивную логику, что подтверждает диалектичность исторических интернет-мемов (постоянное появление форм, противостоящих предыдущим высказываниям). В этих двух интернет-мемах («Мои родители в 25 лет / Я в 25 лет»

¹⁹⁷ Как я рад что я вырос на этом, а не на этом URL: https://pikabu.ru/story/pochuvstvuy_raznitsu_6904905 (дата обращения: 15.05.2024)

и «Как я рад, что я вырос на этом, а не на этом») любопытным образом преломляется дискурс сравнения поколений, который критичнее в случае сравнения бумеры — миллениалы, чем в случае сравнения миллениалы — зумеры.

«Ужас что за поколение»

Другим интернет-мемом, рефлексирующим «поколенческую» тему, является «Ужас что за поколение»¹⁹⁸. Он во многом является смысловой оппозицией интернет-мема «Мои родители в 25 лет / Я в 25 лет». Предположительное время появления обоих интернет-мемов указывает на их связь (по данным Memepedia один из них появился в середине 2020 года и ранее, второй в конце 2020 года). Здесь мы видим определенное дискурсивное противостояние, то есть, сам язык интернет-мемов генерирует другие интернет-мемы, способные стать концептуальным противовесом интернет-мемам, появившимся ранее, что укладывается в рамках диалектичности такой формы исторической репрезентации, воспроизводящейся посредством интернет-мемов. «Ужас что за поколение» сравнивает уже не два поколения, а 3–4 (или даже больше, чтобы подчеркнуть генеалогию изменений какого-либо феномена), чтобы показать проблему «отцов и детей» как равномерное и неизбежное изменение культуры, которое обречено быть не понято предыдущим поколением по естественным (психологическим) причинам. Линия деградации по сравнению со старшим поколением здесь заменяется специфическим развитием какого-либо явления, очевидно отражая критику, подобную интернет-мему «Мои родители в 25 лет / Я в 25 лет», где старшие поколения находятся в доминирующей позиции к последующему, в том числе самому последнему.

В различных репликациях интернет-мема «Ужас что за поколение» речь идет уже не только о современном субъекте в его сравнении с людьми из предыдущих поколений, но и о различных заметных трансформациях чего-либо — «поколенческих» изменениях. Тем самым иронично вскрывается само поколенческое мышление, предполагающее скептический консерватизм по

¹⁹⁸ Ужас что за поколение URL: <https://memepedia.ru/uzhas-что-za-pokolenie/> (дата обращения: 15.05.2024)

отношению к серьезным изменениям следующего поколения. Поэтому существует множество репликаций этого интернет-мема, посвященных изменениям в культуре или технологиях. Например, репликация с брендом автомобиля, в которой каждое новое поколение бренда будет недовольно предыдущим, восклицая «ужас, что за поколение», или изменения художественных и архитектурных стилей, будто отрицающих друг друга антропоморфным высказыванием «ужас, что за поколение».

В некоторых репликациях можно зафиксировать, что значение слова «поколение» используется в переносном и более ускоренном смысле по сравнению с человеческим поколением или техническим/культурным поколением. Например, распространены репликации, посвященные какому-либо дизайну и его стремительному изменению. Так, репликация про изменение дизайна иконки, обозначающей папку (файловый каталог), показывает, как часто менялась иконка вместе с версией операционной системы, что породило много вариантов поколений этой «папки». Здесь стоит отметить, что в устойчивой части интернет-мема на фразу «ужас, что за поколение» идет ответ от младшего поколения «ну пап», соответственно, репликация с иконками папки содержит в себе дополнительную игру слов, к чему вследствие своей остроты очень восприимчиво распространение таких репликаций.

Таким образом, интернет-мем «Ужас что за поколение» не только противостоит поколенческо-регрессивной логике созвучного интернет-мема «Мои родители в 25 лет / Я в 25 лет», но также задает генеалогическую перспективу в своих репликациях, где возможны различные высказывания об историческом ускорении или замедлении каких-либо явлений культуры.

Еще одним интернет-мемом, поднимающим поколенческую проблематику и исторические изменения, является интернет-мем «миллениалы изобрели»¹⁹⁹ или «зумеры изобрели». Суть его выражается в том, что поколение миллениалов или зумеров распространяет в своей среде какое-либо явление, которое уже было в

¹⁹⁹ Миллениалы изобрели URL: <https://memepedia.ru/millennialy-izobreli/> (дата обращения: 15.05.2024)

прошлом, но при этом называет его как-то по-новому и артикулирует как что-то новое и поэтому будто изобретает. Например, в репликации расположено объявление «крем-суп из картошки» и ниже комментарий «миллениалы изобрели пюре», или изображение с новым типом шампуня в твердом экологичном виде сопровождается комментарием «миллениалы изобрели мыло». Этот интернет-мем одновременно критикует миллениалов за их желание создавать что-то новое, оттолкнуться от прошлого, избавиться от старых ценностей, но также и провозглашает невозможность создать что-либо новое в мире, где история закончилась и возможно лишь вечное повторение одних и тех же вещей под разными названиями.

3.2. Ностальгия

«Верните мне мой 2007»

Очевидным образом возникает вопрос: не связано ли это сравнение с воображаемым образцом в прошлом, с некоторой формой ностальгии? Тотальность матрицы ностальгии, провозглашаемая философами современности²⁰⁰, может наблюдаться во многих исторических интернет-мемах. При этом мы не распространяем понимание ностальгии на любой исторический опыт, что иногда происходит в рассуждениях об этой проблеме. Например, в указанной работе Бойм, на которую ссылается большинство исследований в этой области, под ностальгией понимаются, на наш взгляд, слишком разные феномены исторического сознания. Здесь мы выделим исторические интернет-мемы, которые отсылают к «недавнему прошлому», предполагающие задействование личной памяти и вовлеченности предполагаемого рецепиента.

Одним из самых известных ностальгических интернет-мемов, который уже много лет действует, скорее, как крылатая фраза²⁰¹, является «Верните мне мой 2007»²⁰². Этот интернет-мем имеет стабильную часть только в виде самой фразы, при этом репликации создаются путем приложения этой фразы к различным изображениям или ситуациям, отсылающим к 2007 году, или шире — к культуре нулевых годов. Ностальгическая интенция этого интернет-мема связана не только с конкретной датой, но и с комичным требованием именно «вернуть» 2007 год, как что-то, что забрали и действительно можно и нужно отдать назад. Эта метафора оказывается на деле возвращением воспоминаний о каких-либо практиках и артефактах, наиболее характерных для этого времени: эмо-культуры, дешевого и разнообразного алкоголя в пластиковых бутылках, выгодного курса валют,

²⁰⁰ Бойм С. Указ. соч.

²⁰¹ Что привело в 2023 году даже к появлению короткометражного фильма с таким названием — «Верните мне мой 2007» URL: https://www.kinopoisk.ru/film/5270200/?utm_referrer=www.google.com (дата обращения: 15.05.2024). Это один из возникающих примером перехода онлайн форм в оффлайн и их определенную семиотическую конвергенцию.

²⁰² Верните мне мой 2007 URL: <https://memepedia.ru/vernite-moj-2007/> (дата обращения: 15.05.2024)

музыкальной рок-культуры и многого другого, вплоть до розового цвета волос. Здесь стоит оговориться, что данный интернет-мем распространен в сугубо русскоязычном интернет-пространстве. Конечно, существует множество изображений в глобальном интернете, ностальгирующих по нулевым, но «Верните мне мой 2007» оказался укоренен в русскоязычном контексте. При этом возникает вопрос, насколько действительно пользователи испытывают ностальгию именно по тому, что описано выше, или здесь есть еще какой-либо другой уровень, и почему именно 2007 год?

Если взглянуть на саму историю интернета, то можно заметить, что 2007 год во многом оказался поворотным в становлении современной интернет-культуры²⁰³. Провозглашаемый многими теоретиками и практиками переход к Web 2.0 в середине 2000-х годов начинается с появлением социальных сетей и цифровых экосистем, которые радикально изменили пользовательский опыт. Социальная сеть «ВКонтакте», основанная в конце 2006 года и распространившаяся за считанные месяцы до главного коммуникационного сайта русскоязычного интернета, стала символом российского Web 2.0 и той интернет-среды, которая уже много лет определяет опыт миллионов людей. Таким образом, 2007 год можно воспринимать как точку разрыва между культурой нулевых годов, существующей до Web 2.0, которая во многом еще базируется на телевизионной и уличной культуре, и гегемонией виртуального в архитектуре Web 2.0. Поэтому в большинстве репликаций интернет-мема «Верните мне мой 2007» фигурируют яркие элементы культуры, существующие как бы вне тотального влияния интернета и социальных сетей на человека. Как пишет Ловинк, 2007–2008 годы вместе с мировым экономическим кризисом сильно трансформировали интернет в сторону его экономизации. Венчурные капиталы стали резко стимулировать производство цифровой онлайн инфраструктуры, что создало условия, когда ни один индивид или профессия не смогли избежать влияния интернета и обращения в цифровой экономике²⁰⁴. Таким образом, можно выдвинуть осторожную гипотезу,

²⁰³Ловинк Г. Указ. соч. С. 115.

²⁰⁴ Там же. С. 116.

что ностальгия в интернет-меме «Верните мне мой 2007» связана не столько с конкретными культурными артефактами, заметными в 2007 году (или шире нулевыми годами), сколько с самой интенсивной точкой трансформации культуры из оффлайн практик, связанных с улицей и телевидением, в онлайн практики, базирующиеся на социальных сетях, и неизбежности постоянного подключения к интернету в работе и досуге.

Схожим образом функционирует интернет-мем «Это были девяностые»²⁰⁵. Этот ностальгический интернет-мем базируется на некотором устойчивом представлении о тяжести данного исторического периода, иронически переворачивая эту тяжесть через ностальгию по практикам девяностых. Интернет-мем «Это были девяностые» является узнаваемым элементом дискурса о 1990-х годах, который опрокидывает полярные клише о них, как о времени правового хаоса или свободы. Отсылка к 1990-м годам часто фигурирует вместе с фразой «мы выживали, как могли» или «мы развлекались, как могли» для усиления этого контраста между представлением о «лихих 90-х» и острабяющей ностальгией по этой эпохе, которая в своем повседневном опыте представляется спустя пару десятков лет радикально другой. Значительная часть репликаций интернет-мема «Это были девяностые» рефлексировывает разрыв между оффлайн культурой конца XX века и интернет-культурой. Развлечения 90-х годов в виде множества экспериментальных и экстремальных телевизионных шоу, игровых приставок SEGA, настольных и уличных игр очевидно указывают на разрыв, который происходит с гегемонией онлайн культуры, складывающейся к концу нулевых годов.

Интернет-мемы «Верните мне мой 2007» и «Это были девяностые» указывают на различие в понимании рефлексировующей и реставрирующей ностальгии. Из-за своей связи с современностью эти интернет-мемы скорее подходят под описание рефлексировующей ностальгии Бойм, действуя при этом в логике ускорившегося времени, которое создает в рамках 10–20 лет кардинально

²⁰⁵ Это были девяностые URL: <https://memepedia.ru/eto-byli-devyanostye/> (дата обращения: 15.05.2024)

различные символические формы и практики, во многом связанные с цифровизацией повседневности.

«Папа, расскажи про свою молодость»

Логику ностальгии доводит до предела интернет-мем «Папа, расскажи про свою молодость»²⁰⁶. Его визуальная часть построена на базе популярного интернет-комикса «Цианид и счастье» — изображений, характеризующихся черным юмором на различные повседневные темы. Англоязычное и русскоязычное сообщество «Цианид и счастье», появившиеся еще в середине нулевых годов, существует в рамках микрокомиксов — картинок в интернете, при этом некоторые эти изображения впоследствии начали превращаться в интернет-мемы. Интернет-мем «Папа, расскажи про свою молодость» конструирует ситуацию предполагаемого будущего примерно на 10-20 лет вперед, в которой сын спрашивает отца про его молодость, а отец вспоминает свое прошлое (настоящее или недавнее прошлое по отношению к моменту создания репликации). Отец оказывается в ситуации ностальгии по своей молодости, вспоминая что-либо. В различных репликациях это субкультуры или увлечения, которые уходят в прошлое по отношению ко времени создания репликации, а по отношению к коммуникативной ситуации интернет-мема эти воспоминания оказываются еще дальше по временной оси. Тем самым метафора воспоминания из будущего генерирует воображаемую будущую ностальгию, которая предполагаемо с годами будет только усиливаться, так как в конце интернет-мема отец всегда говорит: «господи, как это было офигенно».

Исследуя исторические интернет-мемы, мы указали, что для нас важны не столько представления о прошлом, сколько моделирование истории, прошлого и будущего, однако исторических интернет-мемов, связанных с будущим, существует не так много. В этом ключе особо важна специфика интернет-мема «Папа, расскажи про свою молодость», в котором будущее оказывается полностью захвачено ностальгическим эффектом. Ностальгия оказывается настолько вездесуща, что она захватывает не только настоящее — настоящее, которое, по

²⁰⁶ Папа, расскажи про свою молодость URL: <https://memepedia.ru/papa-rasskazhi-pro-svoyu-molodost/> (дата обращения: 15.05.2024)

мысли Фишера, не способно создать никаких новых форм²⁰⁷. В этом интернет-меме ностальгия захватила, в том числе и будущее, знаменуя тотальность парадигмы ностальгии, в которой единственным воображаемым историческим проектом не только для современности, но и для будущего выступает ностальгия по прошедшему (утраченному). Для Анкерсмита такая ностальгия является актуальным историческим опытом в состоянии постмодерна, она способна быть некоторым реальным переживанием «исторического». Мы согласны, что вышеприведенные ностальгические интернет-мемы выражают исторический опыт, но этот опыт оказывается погружен в современное состояние закрытого будущего или, как выражается философ Ф. Берарди, «медленной отмены будущего»²⁰⁸.

Для Джеймисона такая тотальность ностальгии, скорее, регрессивный феномен²⁰⁹ или даже некоторый диагноз для культуры позднего капитализма. Любопытно, что в своей фундаментальной работе «Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма» Джеймисон одну из глав называет «Ностальгия по настоящему». В ней он приводит в пример роман Ф.К. Дика «Распалась связь времен», анализируя темпоральность этого романа, похожую на темпоральность интернет-мема «Папа, расскажи про свою молодость». В нем реалистично реконструируется пасторальный быт провинциального города в США 50-х годов, однако в какой-то момент читатель понимает, что это «потемкинская деревня», построенная в 1997 году во время космической атомной войны²¹⁰. Иными словами, здесь, подобно интернет-мему «Папа, расскажи про свою молодость», реконструируется некоторый предполагаемый ностальгический идеал настоящего, который в воображаемом будущем превращается в ретротопию, убежище для сознания субъекта. Таким образом, ностальгия это не просто утопия, направленная в прошлое, как пишет Бойм, а уже утопия, направленная в прошлое даже в предполагаемом будущем.

²⁰⁷ Фишер М. Указ. соч. С. 19.

²⁰⁸ Berardi F. *After the Future*. Oakland CA: AK Press, 2011. 192 p.

²⁰⁹ Джеймисон Ф. Прогресс versus утопия, или Можем ли мы вообразить будущее? // Фантастическое кино. Эпизод первый. 2006. С. 32–49.

²¹⁰ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма... С. 557.

В рамках культурной логики Джеймисона все медийное производство, рассуждающее об истории, становится ностальгическим, что является признаком заката исторического сознания (в изводе классического историзма), конструирующего себя в настоящем как наследующее прошлое и переходящее в будущее. Однако по поводу ностальгии продолжается дискуссия, насколько этот феномен однозначно регрессивный в русле понимания Джеймисона. Л. Хатчеон спорит с этим утверждением, привлекая к рассуждениям о ностальгии другую центральную категорию постмодерна — иронию²¹¹. Ее взгляд полезен для нас, ведь он напоминает, что культура постмодерна во многом основывается на иронии — на острающающем подрыве любого языка описания. В случае интернет-мемов мы наблюдаем ситуацию постиронии, когда этот подрыв сосуществует в неопределенности вместе с серьезным вариантом высказывания. Интернет-мем в своем постоянном видоизменении осуществляет подрыв клишированного высказывания, поэтому буквальное требование вернуть 2007 год или воображение будущего отца о том, как здорово было в прошлом (на самом деле иронически гипертрофированном), могут быть дешифрованы на первом уровне как интернет-мемы о регрессивной ностальгии, а уже на следующем уровне как деконструирующие саму тотальность современной парадигмы ностальгии. В этом заключается особенность интернет-мемов как формы исторической репрезентации, которые всегда осуществляют критику своего способа высказывания, генерируя диалектичность высказывания, снабженную постироническим эффектом.

Такая самодеконструкция ностальгии, тем не менее, не открывает пространства для проектов будущего и вряд ли предлагает воспринимать ностальгию как некоторую действенную альтернативу сегодняшнему дню, о которой говорят некоторые теоретики ностальгии применительно к современной массовой исторической культуре²¹². При этом существуют интернет-мемы, рефлексиирующие разные понимания ностальгии или даже перегруппировку в такие

²¹¹ Hutcheon L., Valdés M. Irony, Nostalgia, and the Postmodern: A Dialogue // *Nuevas Poligrafías. Revista de Teoría Literaria y Literatura Comparada*. 2000. №3. P. 29–54.

²¹² Самутина Н.В. Идеология прошлого в современном европейском кино. Препринт WP6/2007/01. М.: ГУ ВШЭ, 2007, 48 с.

явления как, например, хонтология у Фишера. Для хонтологии важна не столько конкретная тоска по былому, сколько утрата модернистских практик и принципов, которые предполагали постоянные изменения, движение вперед. В рамках хонтологии оказывается важным некоторое ощущение закрытости вариантов будущего, которые существовали в массовой культуре прошлого (модерна)²¹³.

²¹³ Фишер М. Указ. соч. С. 20.

3.3. Варианты будущего

«Привет, потомки! Как вы там?»

Проблематичность вариантов будущего появляется в некоторых исторических интернет-мемах. Например, это можно видеть в интернет-меме с Ю. Гагариным «Привет, потомки! Как вы там?»²¹⁴. В нем Ю. Гагарин звонит по телефону в будущее, чтобы узнать к чему пришло человечество в 2010–2020-е годы, с надеждой на глобальные достижения и счастливого человека будущего. Но в каждой конкретной репликации он получает какую-то явно разочаровывающую его информацию о современности. Большинство репликаций демонстрирует какие-то повседневные артефакты современной культуры, которые выглядят абсолютно невыгодно по сравнению с проектами покорения космоса и устремлениями в утопию, ассоциирующимися с Ю. Гагариным. Часть репликаций связана с демонстрацией вырождения научных исследований, когда ученые «потомки» занимаются не научными задачами ради воплощения глобальных целей человечества и будущего, а какими-либо мелкими и саморазоблачающими исследованиями, такими как, например, запуск пончика в космос, бесполезными роботами и многим другим. Тем самым героические модернистские проекты покорения космоса середины XX века контрастно соотносятся с современным положением дел, которое не просто пришло в упадок, но и потеряло саму перспективу, с которой сам Гагарин звонит (смотрит/надеется) в будущее своим воображаемым потомкам.

Существует также продолжающий эту логику интернет-мем «Юра, мы все потеряли»²¹⁵. В нем обыгрывается крушение того потенциала будущего, который ассоциируется с Гагариным, и нынешний упадок, к которому пришло человечество, растратив этот потенциал. Действительно, фигура Гагарина, обладающая огромным символическим капиталом в поле героев-строителей будущего и прогрессистского движения истории, наиболее репрезентативна для

²¹⁴ Привет, потомки! как вы там? URL: <https://memepedia.ru/privet-potomki-kak-vy-tam/> (дата обращения: 15.05.2024)

²¹⁵ Существует также в своем нецензурном варианте с заменой слова «потеряли».

затухающего прогрессистского нарратива во второй половине XX и начала XXI веков (особенно русскоязычного/советского). Поэтому фигура Ю. Гагарина идеально подходит для подобной исторической репрезентации, работая в логике интернет-мемов, для которых чем сильнее контраст (нарушение или трансгрессия), тем ярче выражена острота репликации.

Берарди, говоря о медленной отмене будущего, отмечает, что этот процесс начался в 1970-1980-е годы, и он знаменует постепенную отмену культурных ожиданий, которые формировались десятилетиями на протяжении всего модерна²¹⁶. В такой ситуации 1960-е годы являются последним десятилетием, когда будущее еще проектировалось, о чем пишут многие современные философы истории. Тем самым фигура Гагарина, возможно, выступает одним из последних символов прогрессистских устремлений модерна, которые приходят в упадок в современности. При этом, согласно Фишеру, эти устремления хонтологически (в виде призрака) присутствует в современной культуре. Метафора звонка потомкам может даже усиливать этот эффект призрака, который «позвонил» из прошлого, когда будущее еще было возможно, и указал на деструктивное безвременное настоящее. При этом существуют репликации, в которых в духе самодеконструирующегося клише интернет-мем «Привет, потомки! Как вы там?» меняет Гагарина на других исторических персонажей, эксплуатируя остроту контраста между временем (или намерениями) исторического персонажа и современностью, которая повернулась самым невообразимым способом.

«Путешественник во времени»

Еще одно взаимодействие будущего и настоящего (и иногда прошлого) моделируется в интернет-меме «Путешественник во времени»²¹⁷. В нем анонимный путешественник из будущего попадает в настоящее и заводит разговор с обывателем, спрашивая того о том, в какой год он попал. Когда обыватель называет год (чаще всего год, в котором создана репликация), путешественник отвечает

²¹⁶ Berardi F. Op. cit. P. 18-19.

²¹⁷ Путешественник во времени URL: <https://memepedia.ru/puteshestvennik-vo-vremeni/> (дата обращения: 15.05.2024).

какой-либо шокирующей репликой о ближайшем будущем. Например, путешественник во времени, узнавая, что на дворе 2024 год, может сказать обывателю: «значит, это еще до великой эпидемии/войны/катастрофы». Различные репликации имеют разные составные элементы, тем не менее, возвращение в прошлое (настоящее по отношению к репликации) из будущего сопровождается шокирующей информацией о неминуемой катастрофе, которая вот-вот ждет человечество. Как отмечает философ С. Жижек, это ощущение неминуемой катастрофы нависло над современным человеком. Если прогрессистское мышление XX века предполагало хрупкое развитие в будущее и надеялось, что мир пойдет вперед, если не произойдет непредвиденной катастрофы в виде глобальной войны, то историческое мышление XXI века перевернуло эту схему и ощущает неминуемость катастрофы, если только не произойдет какого-либо непредвиденного чуда²¹⁸. Жижек усиливает свой тезис, полемизируя со сторонниками концепций рационального развития. Они в свою очередь доказывают на статистических показателях постоянное увеличение благосостояния из прошлого в будущее, приводя данные по доступу к еде, медицине, лучшим условиям труда и многому другому, при этом также признавая именно общее ощущение наступающей катастрофы. Жижек цитирует аннотацию книги М. Ридли «Рациональный оптимист»: «И, тем не менее, как ни странно, при всех улучшениях в нашем образе жизни люди все еще цепляются за убеждение, что в будущем нас ждут одни катастрофы»²¹⁹. Тем самым, даже критиками подтверждается существенное влияние самой идеи приближения глобальных проблем, что и воспроизводится в интернет-меме «Путешественник во времени».

По различным репликациям интернет-мема «Путешественник во времени» возможно зафиксировать, что предположительно беспокоит человечество в качестве наступающей угрозы. Например, существуют репликации, указывающие на приближение какой-либо глобальной смертоносной эпидемии. Во многом это порождено пандемией коронавируса, которая имплементировала страх о

²¹⁸ Жижек С. Неприятности в раю. От конца истории к концу капитализма... С. 108.

²¹⁹ Там же. С. 17.

наступлении еще более смертоносных эпидемий в будущем. Существует также много репликаций, предрекающих какие-либо (гео)политические изменения, ассоциирующиеся с чем-то однозначно отрицательным, например, реинкарнация Гитлера или экологическая катастрофа. Интернет-мем «Путешественник во времени» указывает уже не на простую закрытость будущего или присутствие ощущения упадка настоящего, которые наблюдаются в интернет-мемах «Папа, расскажи про свою молодость» и «Привет, потомки! Как вы там?». Он моделирует будущее как неминуемую катастрофу.

Интернет-мем «Путешественник во времени» имеет и другие группы репликаций. Путешественник может прибывать не в настоящее, а в прошлое. При этом сохраняется модус катастрофичности последующих событий. Например, путешественник во времени прибывает в 1916 год и называет Первую мировую войну — первой, что приводит в шок людей (солдат) того времени, так как это означает, что будет и следующая по счету мировая война. Или путешественник во времени попадает в Японию 1945 года и спрашивает жителей, прибыл ли он туда до ядерного удара или после, шокируя японцев тем, что их ждет. Здесь присутствует презентистская ретроспекция, которая переводит современную логику ожидания катастрофы на различные исторические эпизоды, оцениваемые в настоящем ретроспективно как катастрофические. В такой конфигурации конструируется исторический нарратив, в котором исторический процесс содержит набор неожиданных для обычных людей катастроф. Через метафору путешественника во времени, который как бы видел всю историю, эта череда катастроф удостоверяется как естественный ход истории человечества.

Тем не менее, существует и ряд некатастрофических репликаций, которые при этом сохраняют механику интернет-мема «Путешественник во времени». Например, путешественник во времени может вернуться в настоящее и сказать, что он смотрел какой-нибудь неожиданный для настоящего популярный фильм или играл в версию игры, которая не предполагается к выходу. То есть, путешественник во времени удивляет обывателя какой-либо неожиданной новостью из мира популярной культуры.

«Парни с машиной времени»

Наверное, одним из самых популярных и «долгоиграющих» исторических интернет-мемов является «Парни с машиной времени»²²⁰. В нем сравнивается, что бы сделали с машиной времени девушки, а что бы сделали парни. Девушки играют, скорее, вспомогательную роль в этой конструкции, отправляясь в недавнее прошлое к родственникам или в какие-либо красочные исторические эпохи. В то время как парни, отправляясь в прошлое, хотят изменить ход истории, спасти исторического героя, обладая интенцией изменить что-либо глобальное. Невыигрышное для девушек сравнение является основой остроты этого интернет-мема, отсылающего к интернет-мему «Как ведут себя парни и девушки»²²¹, подсвечивающего контраст в поведении мужчин и женщин в различных ситуациях. В интернет-меме «Парни с машиной времени» это различие осталось в виде сексистского следа якобы не интересующихся историей женщин. При этом главной линией репликаций интернет-мема стало то, куда и зачем парни отправляются с машиной времени.

Интернет-мем «Парни с машиной времени» имеет много разных групп репликаций, воспроизводя различный исторический опыт, от ностальгии до желания остановить исторический процесс в его истоках. Значительной частью репликаций является возвращение в прошлое с целью изменить какое-либо конкретное историческое событие. К примеру, парни с машиной времени возвращаются, чтобы остановить революцию 1917 года, продажу Аляски США, крушение СССР и многое другое. По этим репликациям можно реконструировать определенную карту памяти групп, выявляя те события, которые репрезентируются группой как исторически неудачные и которые «необходимо изменить». Это могло бы стать важной задачей для социологической аналитики медиа, которая работает с большими данными в социальных сетях. Один из ключевых авторов по медиааналитике Манович разрабатывает инструменты для подобного анализа

²²⁰ Парни с машиной времени URL: <https://memepedia.ru/parni-s-mashinoj-vremeni/> (дата обращения: 15.05.2024).

²²¹ Как ведут себя парни и девушки URL: <https://memepedia.ru/kak-vedut-sebya-parni-i-devushki/> (дата обращения: 15.05.2024).

коллекций больших данных в социальных сетях²²². В идеальной ситуации можно предположить, что статистические модели смогли бы собрать все репликации интернет-мема «Парни с машиной времени» и «вычислить» по присутствию, лайкам и репостам наиболее активные точки памяти группы или даже всего русскоязычного сегмента интернета. Однако такие цели становятся все более утопичными вследствие фрагментации аудитории по разным социальным сетям и сообществам. Многие сообщества становятся закрытыми, появляются и исчезают так же, как и публикации в них. Поэтому попытки количественных исследований становятся все более затруднительными²²³. Несмотря на то, что такой, скорее социологический, потенциал исследований интернет-мемов существует, для нас в первую очередь важно показать сами возможности воспроизводства исторического опыта, семиотический инструментарий, который предоставляет конкретный интернет-мем.

Парни с машиной времени могут не только предотвращать какое-либо историческое событие, они также возвращаются в прошлое, чтобы спасти какого-либо исторического персонажа. Вероятно, одними из самых популярных репликаций являются изображения, где парни спасают Виктора Цоя от автокатастрофы, Сергея Бодрова от гибели в Кармадонском ущелье и других, более или менее, конвенциональных инклюзивных для широкой публики героев. По этим репликациям можно наблюдать, кто занимает в исторической памяти группы (в данном случае можно обобщить до россиян) конвенционально одобряемое положение, и по кому общество как бы ощущает историческое чувство утраты. Что Цой, что Бодров являются важными фигурами массовой культуры современной России, и их гибель в молодом возрасте стала трагедией для миллионов людей. Множество мемориалов, произведений искусства, мемориальных мероприятий и документалистики соответствуют коммеморативной логике, о которой говорят исследователи исторической памяти. В частности, А. Ассман говорит о

²²² Манович Л. Указ. соч.

²²³ Колесник А.С. (Не)публичная история? Русскоязычные Telegram-каналы о прошлом // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies. С. 206–220.

стихийности и гибкости памяти, появлении ее в разных новых формах²²⁴. В такой ситуации появление подобных репликаций интернет-мема «Парни с машиной времени», в которых группа будто пытается спасти своих героев, является новой формой коммеморации, возможностью вспомнить с помощью новых практик о важных элементах исторической памяти.

Часть репликаций интернет-мема «Парни с машиной времени» связана с ностальгией. Парни возвращаются во времена своего детства поностальгировать по старым видеоиграм, поехать блинов у бабушки, купить что-нибудь на небольшую сумму денег, обещавшихся в настоящем. Как видно, модус ностальгии появляется во многих интернет-мемах. Некоторые исторические интернет-мемы могут воспроизводить в основном только ностальгию, например, анализируемые выше «Верните мне мой 2007» или «Папа, расскажи про свою молодость». В случае интернет-мема «Парни с машиной времени» ностальгия является одной из опций семиотического инструментария, с помощью которой можно «использовать машину времени». В основном это касается репликаций, когда парни с машиной времени отправляются в недалекое прошлое, находясь в русле рефлексивной ностальгии. Однако существуют также и репликации, которые можно было бы объяснить реставрирующей ностальгией. В них парни с машиной времени отправляются в какую-нибудь историческую эпоху по эстетическим, ностальгическим по этой эпохе соображениям. И даже существуют репликации, когда девушки с машиной времени отправляются не поговорить с родными, а в какую-нибудь стереотипно красочную эпоху, например, эпоху рококо или в воображаемое романтическое Средневековье. Несмотря на то, что девушки в этом интернет-меме изначально играют вспомогательную роль, существуют репликации, где они выбираются за рамки этого шаблона, снова демонстрируя диалектичность культуры интернет-мемов. Например, пока парни отправляются в прошлое по какому-либо несерьезному поводу, девушки с машиной времени отправляются в прошлое, чтобы спасти Александрийскую библиотеку. Здесь

²²⁴ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика... М: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

наблюдается, как интернет-мем в постоянно появляющихся новых репликациях участвует в самодеконструкции, предлагая новые вариации, противостоящие первоначальным. Эта самодеконструкция вплетается в дискурсивную борьбу между устойчивой рамкой интернет-мема, в которой женщинам отведена вспомогательная роль, и новыми репликациями, где женщины становятся активными участниками исторического процесса.

Другая группа репликаций интернет-мема «Парни с машиной времени» связана с таким феноменом как конспирология. Первоначально парни, возвращаясь в прошлое и предупреждая об опасности определенных исторических персонажей, получали благодарность от этих персонажей, и сюжет репликации был завершен. Но впоследствии начали появляться репликации, в которых персонажи, которых парни предупреждали о чем-то, отвечали: «я знаю». Например, парни с машиной времени предупреждают Дж. Буша о готовящемся теракте 11 сентября 2001 года, на что он им отвечает: «я знаю». Это отсылает к вирусному конспирологическому дискурсу о заговоре правительств против людей. В этом дискурсе, где заговор, который продолжается давно и затрагивает современность, теракты 2001 года занимают центральное положение, как провокация, предпринятая тайным мировым правительством, чтобы запугать людей и начать проводить преобразования, связанные с ограничением свободы.

В другой репликации парни с машиной времени отправляются в апрель 1986 года, чтобы сообщить М. Горбачеву о скорой аварии на Чернобыльской АЭС, на что Горбачев также отвечает: «я знаю». Эта репликация включается в конспирологический сюжет, повествующий о «предательстве» Горбачева, связанный с крушением СССР во время его руководства страной. Парни, возвращающиеся в прошлое с благими намерениями, оказываются обмануты тайными заговорами в самых высоких эшелонах власти, что во многом репрезентирует отношение к власти значительной части населения по всему миру. Для оторванных от глобальных решений людей, подверженных радикальным и случайным переменам, конспирологические дискурсы являются убедительными

объяснительными теориями²²⁵ как современности, так и всей истории. Проблема конспирологии и ее распространения в новых медиа является серьезным вызовом для современных коммуникаций, тем более, что конспирологические дискурсы вспыхивают в критические для общества моменты. Так, во время пандемии коронавируса был замечен рост теорий заговора и их стремительное распространение, что приводило к непредвиденным последствиям. Анализируя репликации интернет-мема «Парни с машиной времени», можно зафиксировать некоторые критические точки истории, которые воспроизводят различные конспирологические дискурсы.

Помимо возвращения в конкретные эпизоды исторического пространства, существуют репликации интернет-мема «Парни с машиной времени», в которых парни отправляются в доисторические времена с целью остановить сам исторический процесс. Парни могут вернуться в момент, когда земноводное выбирается на сушу и убить его, чтобы остановить эволюцию. Или вернуться к первобытному человеку и помешать ему разводить огонь, чтобы не запустить процесс развития цивилизации. Или даже вернуться в Эдем, чтобы остановить Еву, срывающую яблоко с древа познания. Интенция парней в этих репликациях однозначна — остановить сам исторический процесс в своих истоках. Бауман в книге «Ретротопия» диагностирует это желание вернуться к максимально возможным истокам в главе «Назад в утробу». Поиск каких-либо доисторических мифологических первоначал стал важен для общества, которое потеряло какие-либо утопические проекты. Казалось бы, элементы скорее традиционалистского дискурса становятся общим местом для современной массовой культуры: «Влияние этого разворота заметно и ощутимо на всех уровнях общественной жизни — на уровне мировоззрений и на уровне жизненных стратегий...»²²⁶. Стремление вернуться к мифологическим истокам становится возможным с помощью машины времени. Это ретротопичное желание становится все более

²²⁵ Яблоков И. Русская культура заговора: Конспирологические теории на постсоветском пространстве. М: Альпина, 2020. 430 с.

²²⁶ Бауман З. Указ. соч. С. 20.

заметным для человечества, проживающего тяжелое настоящее и предполагающего будущее как неминуемую катастрофу. Возвращение в далекое прошлое и желание остановить исторический процесс заметно и в других интернет-мемах, что будет показано ниже.

Однако насколько действительно возвращение в прошлое с помощью машины времени способно изменить настоящее? Нет ли здесь обыгрывания не возможности этого изменения, а лишь способности помечтать об этих изменениях в прошлом, которые должны были все изменить? Например, репликация, в которой парни возвращаются к Гитлеру начала XX века и хвалят его как замечательного художника, предполагает, что так удастся предотвратить ужасы Второй мировой войны. В этой репликации, как и во многих других, присутствует оттенок наивной самодеконструирующейся иронии, предполагающей, что на самом деле ничего изменить в истории нельзя. Жижек, указывая на сюжеты с машиной времени в массовой культуре, отмечает, что зачастую вмешательство в прошлое приводит именно к невозможности что-либо изменить в настоящем, и даже само это вмешательство как раз и приводит к наступлению настоящего²²⁷. Тем не менее, сложно однозначно установить грань между серьезным высказыванием и ироническим указанием на невозможность. Скорее, сама эта двойственность, называемая постиронией, создает смыслопорождающий потенциал интернет-мема, реализуя диалектичность исторического опыта в практике интернет-мемов.

Интернет-мем «Парни с машиной времени» созвучен феномену попаданчества, широко представленному в современной культуре²²⁸. Всплеск появления артефактов культуры, в которых персонажи пытаются изменить прошлое, указывает на ретропичность исторического опыта, о которой говорит Бауман. «Парни с машиной времени» воспроизводят эту логику в цифровой культуре посредством постоянного появления все новых репликаций. Как мы показали, этот интернет-мем является крайне проективным, позволяя выразить

²²⁷ Zizek S. *On Belief*. London: Routledge, 2001. 170 p.

²²⁸ Галина М. Вернуться и переменить. Альтернативная история России как отражение травматических точек массового сознания постсоветского человека // Новое литературное обозрение. 2017. №146. С. 258–271.

через «попаданчество» различные эффекты исторического опыта, такие как ностальгия, конспирологическое мышление, конфликтные точки исторической памяти. Таким образом, сама метафора возвращения в прошлое позволяет взаимодействовать цифровому субъекту с историей.

3.4. Обращение к истокам

«Ты наконец-то очнулся»

Помимо возвращения в прошлое для того, чтобы изменить настоящее или остановить исторический процесс, существует интернет-мемы, которые «отменяют» само настоящее в поиске каких-либо истоков. Например, интернет-мем «Ты наконец-то очнулся»²²⁹. Появляющийся в различных вариациях, он имеет общую метафору пробуждения ото сна, причем пробуждается ото сна как бы сам смотрящий на интернет-мем (подобно популярному интернет-мему с котами, которые будят свою хозяйку Наташу²³⁰). После пробуждения выясняется, что все исторические события и катастрофы оказываются всего лишь кошмаром, из которого удалось выбраться. Причем эти «исторические ошибки» самого исторического процесса пересказываются как части сна, и тогда окончательно приходит понимание, что всего этого не было. При этом корни (или как минимум переключки) данного интернет-мема возможно лежат в геймерской культуре, которая порождает очень многие артефакты медиакультуры, затем воспроизводящиеся на глобальном уровне. Здесь имеется в виду интернет-мем *You are finally awake*, отсылающий к эпизоду из компьютерной игры *Skyrim*²³¹, в которой главного героя пробуждают, и он оказывается в дороге в неожиданной для себя ситуации.

Большая часть репликаций функционирует в русле ретротопического желания возвращения к традиционалистским или даже доисторическим истокам. Так, существует репликация, в которой мы просыпаемся среди шимпанзе, которые говорят нам о том, что наконец-то мы проснулись, далее шимпанзе удивляются нашим разговорам про людей, цивилизацию, индустриальное общество и предлагают идти есть муравьев. Или мы просыпаемся перед предположительно

²²⁹ *You're finally awake* URL: <https://amp.knowyourmeme.com/memes/todddroll-youre-finally-awake> (дата обращения: 15.05.2024).

²³⁰ Наташ, мы там всё уронили URL: <https://memepedia.ru/natash-my-tam-vsyo-uronili/> (дата обращения: 15.05.2024).

²³¹ *Skyrim: 10 Most Hilarious "You're Finally Awake" Memes* URL: <https://www.thegamer.com/skyrim-hilarious-youre-finally-awake-memes/> (дата обращения: 15.05.2024).

традиционно одетыми людьми, которые не понимают наши разговоры про экологический кризис, эпидемии и геополитику и предлагают пойти собирать бруснику или готовиться к Масленице.

Немало репликаций, которые пробуждают нас в недавнем прошлом. Например, мы просыпаемся в год, предшествующий пандемии коронавируса. Проснувшись, мы осознаем, что все, связанное с коронавирусом — эпидемия, изоляция и ограничения — оказывается страшным кошмаром.

Существуют также ностальгические репликации, при которых мы просыпаемся в своем беззаботном детстве, а наша взрослая жизнь становится всего лишь страшным и странным сном. Такие репликации часто заостряют стремительные изменения, которые переживает современный человек. Артефакты культуры или практики пяти или десятилетней давности могут показаться в определенном современном контексте сильным анахронизмом. Интернет-мем «Ты наконец-то очнулся» вскрывает эти стремительные изменения через метафору пробуждения, в которой предполагается, что сон — это, в том числе, пространство с нарушением времени, где все может ускориться и перемешаться в самом необычном виде.

Тем не менее, доминирующий мотив репликаций — это не возвращение в недавнее прошлое, которое, несмотря на то что словно отменяет ближайшее к нему будущее, все равно сущностно не меняет ситуацию. В отличие от этого большинство репликаций предлагает именно вернуться к воображаемым, часто называемым традиционалистским истокам, которые должны отменить сам характер современной жизни, глубоко ошибочной, несчастной и может даже противоестественной. Таким необычным образом настоящее сравнивается со сновидениями, где возможны противоестественные, предположительно ивращенно-фантастические феномены бессознательного, которым и оказывается весь исторический процесс. Такая фантазия крайне созвучна идеям Баумана о взлете ретропичности мышления в современной культуре. В эпоху разрывов и противоречий желание вернуться к точке, когда человек якобы еще был способен быть счастливым и строить общественные (естественные) отношения, является

сильнейшим смыслопорождающим фактором²³². В интернет-меме «Ты наконец-то очнулся» феномен попаданчества, включения себя в исторический процесс в какую-либо точку прошлого доходит до апогея. Примечательно, что метафора сна и пробуждения ото сна исторически может ассоциироваться с идеологическими «заблуждениями» или «неправильной» картиной мира. В интернет-меме «Ты наконец-то очнулся» сама историческая реальность оказывается фантомом, который на уровне репликаций удается отменить. При этом множество репликаций, отсылающих к каким-либо воображаемым архаичным первоистокам цивилизации выглядят особенно постиронично. Ведь на них нас пробуждают зачастую или первобытные люди или шимпанзе или какие-либо иные доисторические-фантастические существа, говоря на современном языке. А значит и зритель этой репликации оказывается одним из этих существ, которому просто якобы приснился исторический процесс, что в такой конфигурации выглядит особенно противоречиво, в чем возможно и заключается комическая составляющая.

«Reject modernity, Embrace Tradition»

Другим интернет-мемом, предлагающим вернуться к истокам и воспроизводящим историческое сравнение (дискуссию) эпох, поколений или явлений, является англоязычный «Reject Modernity, Embrace Tradition»²³³, который можно перевести как «отвергните современность, примите традицию». Первоначально появившийся как элемент консервативного (или даже традиционалистского) дискурса этот интернет-мем стал своего рода полем противостояния в рамках бинарной оппозиции прошлое-настоящее. Его замысел лежит в противопоставлении настоящего и прошлого, из устойчивой части здесь остаются только четыре слова (которые и есть название интернет-мема), а уже в репликациях постоянно меняется визуальная часть, создавая каждое конкретное сравнение «современности» и «традиции». Здесь функционирует неразрывная

²³² Бауман З. Указ. соч. С. 145.

²³³ Reject modernity embrace tradition URL: <https://amp.knowyourmeme.com/memes/reject-modernity-embrace-tradition> (дата обращения: 15.05.2024)

связь между традицией и современностью, напоминая, что именно современность «создает» традиционность. Эта диалектическая метафора обречена на постоянную бинарную полемику между «современностью» и «традицией».

Исходя из конструкции, первоначально «традиция» задумывалась позитивной частью этого исторического интернет-мема по отношению к «современности». Однако почти сразу стали появляться репликации, переворачивающие эту схему и обыгрывающие нелепость или абсурдность желания принять традицию (то есть вернуться к прошлому). К примеру, существует репликация, в которой «отвергните современность» соответствует фотография современных шествий в США с флагами Конфедерации, а ниже на «примите традицию» — изображение с армией южан времен гражданской войны США. В этом варианте прославления прошлого большинство репликаций существует в рамках политически ангажированных и консервативных вариантов. Репликации, переворачивающие эту схему, сосредоточены на более отстраненных вариантах сравнения с прошлым и демонстрации курьезности в желании «принять традицию». Например, репликация, в которой предлагают отвергнуть современность в виде офисного open space и принять традицию в виде разведения костра в пещере, или репликации, в которых принятие традиции отсылает к каким-либо практикам в прошлом, представляющимся в современности аморальными, тем самым напоминая про негативный облик прошлого, который ложно воображается традиционалистами как идеал нравственности.

Но все же основная часть репликаций интернет-мема «Reject Modernity, Embrace Tradition», появляющаяся в энциклопедиях и поиске, интересным образом не соответствует ни первому, ни второму из этих вариантов. В основном репликации этого интернет-мема сравнивают какие-нибудь два элемента современной массовой культуры или истории, в которых сам пафос разговора о «традиции» и «современности» оказывается опрокинут сравнением стремительных изменений какого-либо феномена из «широкого настоящего». Например, в «отвергните современность» могут быть гипертрофированные образы девушек, популярные в двадцатых годах XXI века, а в «примите традицию»

гипертрофированные образы девушек из нулевых годов этого же века. Или в «отвергните современность» новые фильмы франшизы Звездные войны, а в «примите традицию» первые фильмы этой франшизы. Если в этих примерах еще можно заметить некоторое «вкусное» противостояние, то существуют репликации, еще более низводящие бинарность в ироничной демонстрации разницы между «традицией» и «современностью», совершенно не подвергающейся какой-либо серьезной оценке. Например, репликация, в которой «отвергните современность» соответствует Еmojі-смайликам, а «примите традицию» соответствует смайликам старого формата, состоящим из символов. Эти репликации деконструируют саму бинарность, противостояние двух частей интернет-мема. Это происходит путем разрушения контраста между «современностью» и «традицией», приводящей к полной аннигиляции оценочного потенциала к прошлому и настоящему.

Подобную метакритику интернет-мемом самого себя Алюков в цитируемой в главе 2 статье называет сущностной (или даже ключевой) характеристикой интернет-мема²³⁴. Диагностируя современную интернет-коммуникацию как ситуацию невозможности критического морализаторского клише, Алюков пишет про интернет-мем, что он не только критикует что-либо, но одновременно и осуществляет критику способа высказывания, с помощью которого он критикует: «В этом смысле мем является самодеконструирующимся мета-клише — в нем совпадают клише и критика клише»²³⁵. Это является важной характеристикой интернет-мема как специфической формы исторической репрезентации.

Таким образом, исторический интернет-мем «Reject Modernity, Embrace Tradition», в первом приближении имеющий потенциал к исторической полемике между прошлым и настоящим, оказывается внутри дискурса современности, в котором множество репликаций обезоруживает ангажированную бинарность этого интернет-мема. «Современность» и «традиция» превратились в символ стремительных изменений современной культуры, в которой то, что было 10–15

²³⁴ Алюков М. Указ. соч. С. 120–124.

²³⁵ Там же. С. 123.

лет назад, кажется давно забытым старым (традицией). А значит, этот интернет-мем может репрезентировать не столько противостояние некоторого традиционалистского дискурса и оппонирующего ему дискурса современности, сколько доминирующее ощущение стремительного изменения повседневных форм и их забвения в ускорившемся калейдоскопе культуры и широкого настоящего.

3.5. Широкое настоящее

«Умер/родился/добро пожаловать назад»

Эти явления погружают нас в картину мира, где история превращается, по выражению Гумбрехта, в «широкое настоящее». Некоторые исторические интернет-мемы указывают на эту особенность, например, интернет-мем «Умер/родился/добро пожаловать назад»²³⁶. В нем действует метафора реинкарнации, при которой какая-либо умершая знаменитость в тот же или следующий год перерождается в другую знаменитость. При этом важно не только совпадение года смерти и рождения, но и некоторое внешнее сходство двух персонажей. Например, американский генерал Дж. Паттон, умерший в 1945 году, реинкарнируется во внешне похожего на него Д. Трампа, родившегося в 1946 году, и репликация заканчивается словами «добро пожаловать назад, генерал». Или режиссер С. Кубрик, умерший в 1999 году, превращается в похожую на него, родившуюся в 2000 году, певицу Ice Spice. Тот факт, что мужчина реинкарнировался в женщину, и при этом они действительно имеют сходство во внешности, добавляет репликации дополнительной остроты. Иногда близость года смерти и года рождения оказываются не так важны, а большую роль играет какое-либо сходство и перерождение в настоящем. Например, поэт У. Шекспир реинкарнируется в певицу Т. Свифт. Как и во многих других исторических интернет-мемах, важную роль играет узнаваемость исторических деятелей. Поэтому почти все репликации связаны с крайне медийными, узнаваемыми историческими и современными персонажами массовой культуры.

В интернет-меме «Умер/родился/добро пожаловать назад» моделируется формула Гумбрехта, в которой будущее закрыто, а прошлое оказывается в постоянном доступе, а вернее, оно просто не обладает возможностью отступить²³⁷. В то же время Гумбрехт указывает, что развитие цифровых медиа уничтожает тактильное ощущение пространства и усугубляет ощущение истории как широкого

²³⁶ Что за мемы Умер/родился/добро пожаловать назад URL: <https://medialeaks.ru/3112tat-str-int-died-born/> (дата обращения: 15.05.2024).

²³⁷ Gumbrecht H.U. Op. cit. P. 17.

настоящего. Настоящее, заполненное легкодоступной медийной мешаниной из прошлого, все меньше ориентируется на будущее, зато всегда готово дать образцы прошлых эпох. Интернет-мем «Умер/родился/добро пожаловать назад», следуя этой логике, выражает опыт настоящего как масс-медийного спектакля из реинкарнаций каких-либо известных персонажей прошлого, которых при этом всегда в достатке. В каждой из множества репликаций удивительным образом на любую популярную медиаперсону находится какой-либо похожий персонаж из прошлого. Эта схожесть может быть как чисто визуальной, так и семантической, но сам принцип репликаций предполагает, что в прошлом уже что-то было симметрично настоящему. Ирония интернет-мема «Умер/родился/добро пожаловать назад» по поводу самой возможности реинкарнации, тем не менее, он репрезентирует ощущение некоторой культурной реинкарнации в широком настоящем, где ничего на самом деле не меняется.

Примечательно, что такая презентистская картина, в которой прошлое не дифференцируется с настоящим, реализуется интернет-мемом с помощью метафоры реинкарнации. Сделать серьезное заявление об ощущении современности как анахронии, где настоящее просто является переродившимся прошлым, было бы неадекватным для интернет-коммуникации клише. А реплицирующийся интернет-мем, в конструкции которого этот анахронизм реализуется через шутку о реинкарнации, является адекватным для интернет-коммуникации высказыванием — новой формой исторической репрезентации. Таким образом, анахронизм является здесь одновременно и способом (семиотическим инструментом) совершить высказывание об истории, и некоторым ощущением времени, в котором время не раскладывается на генеалогические, независимые и равные отрезки подобно классическим представлениям о времени.

«История повторяется»

Другим сходным историческим интернет-мемом и в то же время трендом для роликов в TikTok, который предполагает повторение истории, является

интернет-мем «История повторяется»²³⁸. Примечательно, что, несмотря на видеоформат, данный тренд в TikTok следует логике, которую мы подразумеваем в работе с интернет-мемами. Метафора повторяемости истории является постоянной частью всех роликов, а уже конкретные видео — те же репликации — создают какое-либо конкретное высказывание. Существенное отличие таких роликов — более выраженная персонифицированная авторская функция, тем не менее, само распространение, как и в случае с репликациями интернет-мемов в виде изображений, также связано с одобрением (пересылкой) широкой аудиторией.

Интересной деталью является гендерный сдвиг репликаций тренда «История повторяется». Напомним, интернет-мем «Парни с машиной времени» предлагает такую рамку, в которой девушки с машиной времени в основном занимались какими-либо бытовыми, семейными сюжетами. В тренде в TikTok «История повторяется» участвовали преимущественно девушки, но схожая логика подтверждалась и здесь, так как появлялось множество репликаций, посвященных проблемам внешнего вида, костюма и другому. Эти замечания наводят нас на гендерную проблематику в исследованиях исторических интернет-мемов. Периодически в исторических интернет-мемах наблюдается это столкновение (или взаимодействие) «мужского» и «женского» в обращении с историей, а также определенное деление на репликации предположительно «мужские» и репликации предположительно «женские». Некоторые исследования заняты распознаванием этого «мужского» и «женского» в интернет-мемах²³⁹. Такая гендерная проблематика взаимодействия с историей в интернет-мемах может стать отдельной сложной и актуальной задачей. Поэтому мы лишь указываем на эту проблему, которая фиксируется на некоторых исторических интернет-мемах.

Персонификация в роликах TikTok предполагает участие пользователя в сюжете репликации. Это создает определенную рамку во взаимодействии с

²³⁸История повторяется URL: <https://burninghut.ru/kak-trend-iz-tiktoka-obedinil-zhenshhin-raznykh-erokh/#:~:text=Пользователи%20тиктока%20создали%20тренд%20«История,вещи%20в%20мире%20не%20меняются.> (дата обращения: 15.05.2024).

²³⁹ Новикова, Э.Г. Коммуникативная структура и функции интернет-мема (на материале мемов "Типичная девушка" и "Типичный парень") // Русская речевая культура и текст. С. 167–172.

историей, так как пользователи оказываются словно вписаны в исторический сюжет от первого лица. Множество репликаций роликов оказалось связано с девушками, которые примеряли на себя проблемы и практики женщин прошлого и соотносили их с настоящим, в котором «история повторялась». Так, девушка из настоящего, которая идет на вечеринку, сравнивает себя с девушкой 1920-х годов, и далее идет сравнение, кто из них больше веселится. Первично рамка повторения истории в этом интернет-меме создает условия, при которых современность ищет себя в прошлом. Но при этом в разных репликациях существует и различное отношение к этому прошлому. В отличие от интернет-мема «Качок Доге и Чимс» с устойчивой метафорой золотого века в «История повторяется» существуют репликации, в которых современность сравнивается иногда в более выигрышном ключе по сравнению с прошлым. Например, когда речь заходит о положении женщин в прошлом и о продолжении разговора о движении за права женщин. Следуя презентистской логике, прошлое становится здесь плодотворным материалом для того, чтобы поговорить о настоящем и включиться в эмансипационные прогрессистские нарративы.

«Один час на этой планете равен семи годам»

Взгляд в будущее из современности и попытка прокрутить настоящее отразились в интернет-меме «Один час на этой планете равен семи годам»²⁴⁰. Этот интернет-мем основан на эпизоде из кинофильма «Интерстеллар», в котором герои попадают на далекую планету с искривлением времени, где один час равен семи годам на планете Земля. В нем обыгрываются ситуации, возникающие в настоящем, которые хотелось бы поскорее пропустить (пережить), чтобы прибыть в будущее уже к конкретному свершившемуся результату. Репликации рефлексиируют различные феномены, которые хотелось бы побыстрее пережить. Будь то начало рабочей недели, нескорый выход сериала, компьютерной игры или ожидание политических перемен. Несмотря на то, что интернет-мем конструктивно обращен в будущее (как и сам научно-фантастический фильм, на

²⁴⁰ Один час на этой планете равен семи годам URL: <https://memepedia.ru/odin-chas-na-etoj-planete-raven-semi-godam/> (дата обращения: 15.05.2024).

котором основан интернет-мем), почти все репликации обыгрывают какие-либо неприятные ситуации в настоящем, которые просто нужно переждать и для этого необходимо прокрутить семь лет за один час.

Показательно, что, невзирая на метафору искривления времени, которая дает возможность оказаться в любом будущем, все репликации предлагают переждать что-то в современности, чтобы остаться в том же настоящем, просто переждав что-либо неприятное. Здесь наблюдается моделирование будущего как бесконечного настоящего, в котором остается лишь принимать и проживать неприятные моменты. Сходным является не столь сильно распространившийся интернет-мем, в котором человек сидит перед монитором компьютера, пока время незаметно пролетает (Рисунок 5). Время подчеркнуто годами, например, 2013 и 2023, и каким-либо незначительным декоративным изменением. Так, у человека, просидевшего за компьютером десять лет, изменились только клавиши клавиатуры с обычных на светящиеся. Или компьютерное кресло из обычного стало профессиональным креслом геймера. В целом в репликациях могут появляться различные незначительные, но узнаваемые детали для генерации ощущения застывшего времени, в котором человек не просто делает одно и то же всю жизнь, но и чувствует фрустрацию от упущенной жизни.

Другой интернет-мем на базе элементов кинематографа, репрезентирующий устаревание современного человека относительно элементов широкого настоящего — это «Мэтт Деймон состаривается»²⁴¹. В нем используются 4 кадра из фильма «Спасти рядового Райана», где с помощью видеотехнологии за несколько секунд персонаж Мэтта Деймона перемещается в будущее приблизительно на 50 лет. Это состаривание Мэтта Деймона обыгрывает ощущение стремительного и часто незаметного устаревания человека на фоне ускорившегося и незаметного времени. Стабильными остаются кадры состаривающегося Мэтта Деймона, а в качестве вариаций текста создаются различные репликации. Например, в тексте могут напоминать, что какой-то условно современный фильм вышел уже 20 лет назад.

²⁴¹ Matt Damon Aging URL: <https://amp.knowyourmeme.com/memes/matt-damon-aging> (дата обращения: 15.05.2024).

Или существуют репликации, в которых кем-то произносится какая-либо фраза, похожая на выражение немолодого человека, и в этот момент он неожиданно ощущает, что быстро постарел. В таком случае репликации не просто указывают на устаревание какого-то артефакта культуры, они указывают на субъекта, который, присутствуя в широком настоящем, неожиданно ощущает стремительную прошедшую время.

3.6. Ускорение времени

«Макконахи плачет»

Интернет-мем «Один час на этой планете равен семи годам» не единственный крайне популярный темпорально-исторический интернет-мем на базе фильма «Интерстеллар». На той самой планете с искривлением времени астронавты проводят несколько часов, возвращаются на космический корабль и узнают, что на Земле прошло 23 года. Тогда главный герой решает посмотреть сообщения с Земли за все эти годы. Происходит драматическая сцена, в ходе которой герой понимает, что за 23 года пропустил взросление своих детей, рождение внуков и многое другое. В этой сцене актер М. Макконахи начинает артистично плакать, что и породило интернет-мем «Макконахи плачет»²⁴². Он состоит из кадра с плачущим Макконахи и каким-то событием из прошлого или настоящего, о котором, предположительно, в будущем мы будем вспоминать со слезами на глазах. Этот интернет-мем произвел множество репликаций, когда мы предположительно из будущего наблюдаем что-либо из современности и с горечью понимаем прошедшее этих явлений. Здесь работает схожий модус ностальгии из будущего, который мы наблюдали в интернет-меме «Папа, расскажи про свою молодость». Человечеству из будущего остается лишь плакать о прошедшем, понимая весь масштаб утраты чего-либо в прошлом.

Примечательно, что интернет-мем «Макконахи плачет» имеет две особенности, которые присущи широко распространяющимся интернет-мемам. Во-первых, так как сцена со слезами достаточно продолжительна и динамична, этот интернет-мем воплотился и в видеоформате — в формате коротких вертикальных роликов (проще называемых «тиктоки» или «рилсы»). Существование исторических интернет-мемов в виде коротких видео является перспективным продолжением концептуализации интернет-мема в рамках настоящего исследования (и вообще цифровой культуры). В случае интернет-мема «Макконахи плачет» мы наблюдаем репликации в виде коротких видео, где сцена с Макконахи

²⁴² Макконахи плачет URL: <https://memepedia.ru/makkonaxi-plachet/> (дата обращения: 15.05.2024).

и его «пролетевшим» прошлым, которое он видит на экране, передана не изображением, а коротким видео. Тем не менее, такие видео во многом соответствуют логике интернет-мемов в виде изображений. В некоторых случаях распространяемость популярных коротких видео, смонтированных на основе какой-либо устойчивой части, становится еще выше из-за алгоритмического формирования тренда на данное видео в социальных сетях ориентированных на видеоформаты.

Макконахи плачет, вспоминая что-либо в прошлом, что показано в виде ролика, например, какое-нибудь старое вирусное видео, по которому уже складывается ностальгическое чувство из современности. Формат коротких видео вводит собственные медиа эффекты, которые только начинают исследоваться из-за своего недавнего появления (формат коротких видео в основном добавлен во многие социальные сети вслед за TikTok уже в 2020-х годах). В том числе, подобно настоящему исследованию, формируется исследовательская линия на анализ рамки воспроизводства исторических представлений в коротких тикток видео²⁴³. При этом, как мы наблюдаем на большинстве интернет-мемов, существуют репликации интернет-мема «Макконахи плачет», где первоначальная драматическая суть эпизода диалектически опрокидывается, и Макконахи начинает плакать над феноменами, заведомо противоречащими таким эмоциям или вообще выходящими за апелляцию к чему-либо прошедшему.

Во-вторых, интернет-мем «Макконахи плачет» из-за своей популярности получил развитие вне представлений об истории. Рыдающий Макконахи стал использоваться не только в русле метафоры заглядывания в быстро пролетевшее прошлое, но и в приложении к различным бытовым ситуациям, когда человек предположительно очень расстроен. Например, существует множество репликаций, где Макконахи плачет из-за закончившегося лета или выходных и многого другого. Такая судьба нередко постигает различные интернет-мемы, которые, подобно языку, эволюционируют в различные новые

²⁴³ Молотов К.И. «НеоСталинизм» в русскоязычном сегменте TikTok: как связаны Сталин и Тима Белорусских? / Память в Сети: цифровой поворот в memory studies. 2023. С. 148–164.

смыслопорождающие формы. К примеру, интернет-мем «Качок Доге и Чимс», первоначально реплицирующийся в рамках метафоры золотого века, в какой-то момент также стал сравнивать любые синхронные феномены, где необходимо подчеркнуть сравнение чего-либо внушительного с чем-то слабым. В этих случаях может играть важную роль популярность базовых элементов, на которых строится интернет-мем. Собаки Доге и Чимс постоянно появляются в новых интернет-мемах, но и Макконахи является благодатным персонажем для интернет-мемов, достаточно вспомнить «Макконахи нервно курит»²⁴⁴, «Макконахи разводит руками»²⁴⁵ и некоторые другие.

«Че там у тебя, Санек»

Это стремительное обновление и забвение современной популярной культуры и, в частности, интернет-культуры нашло отражение в интернет-меме «Че там у тебя, Санек?»²⁴⁶. В нем три археолога производят раскопки, один из них откапывает какой-то древний артефакт и на вопрос коллег «Че там у тебя, Санек», отвечает «По ходу что-то очень древнее» (эта часть неизменяемая). Дальше в различных репликациях чем-то древним оказывается какой-либо артефакт популярной культуры, которому 5–20 лет. Метафора археологии усиливает комический эффект от нахождения «древнего» артефакта, при этом артефакт действительно оказывается в некотором роде древним для наблюдателя, потому что стремительное изменение форм популярной культуры производит как их стремительное распространение, так и стремительное забвение. Значительная часть репликаций посвящена «откапыванию» форм самой цифровой культуры: забытых интернет-мемов или старых дизайнов операционных систем и программ, что репрезентирует самую устаревающую (быстро изменяющуюся) часть культуры — цифровую культуру и культуру интернет-мемов. Как вариант, археолог может откопать интернет-мем, которому 5–10 лет, и в рамках обновления корпуса

²⁴⁴ Макконахи нервно курит URL: <https://memepedia.ru/smoking-mcconaughy/> (дата обращения: 15.05.2024).

²⁴⁵ Макконахи разводит руками URL: <https://memepedia.ru/mcconaughy-mem/> (дата обращения: 15.05.2024).

²⁴⁶ Че там у тебя, Санек? URL: <https://memepedia.ru/che-tam-u-tebya-sanyok/> (дата обращения: 15.05.2024)

интернет-мемов он может казаться абсолютно устаревшим. При этом вряд ли здесь можно говорить о ностальгии по старым интернет-мемам или дизайнам интерфейса, скорее, исторический опыт заключается именно в самом ощущении радикального разрыва между настоящим и совсем недавним прошлым. Возможно, этот интернет-мем наиболее выпукло подчеркивает этот разрыв. Причем, не привлекая для этого какой-либо исторический материал и не производя сентименталистские ностальгические эффекты, интернет-мем «Что там у тебя, Санек» выступает семиотическим инструментом для генерации ощущения разрыва.

Такое раннее старение и историзация цифровых форм отсылает к дискуссии о поиске прошлого в современности, определении точки прошедшего, про которую мы можем говорить как о прошлом или истории²⁴⁷. Прошлое этих цифровых форм для кого-то из пользователей даже может не являться прошлым, например, кто-то может все также пользоваться Windows XP. При этом существует репликация, где археолог откапывает именно Windows XP, то есть для части аудитории это является далеко забытым прошлым, а для части — актуальным настоящим. Вместе с тем, в данном случае мы все-таки исходим из того, что, если репликация широко распространилась, то это подтверждает некоторое ощущение прошедшести этого явления (хотя бы в масштабе какой-либо значительной группы). В рамках этого интернет-мема прошлое оказывается самым «свежим» или самым недавним, поскольку цифровые формы оказываются самыми обновляемыми и нестабильными, и время их жизни и быстрое забвение создает ускоренное устаревание этих форм. Таким образом, большинство репликаций интернет-мема «Что там у тебя, Санек?» указывает на стремительное обновление (или устаревание), которое для медиатеоретиков является неотъемлемой сущностной чертой развития интернета²⁴⁸.

Существует схожий интернет-мем, указывающий на забвение какого-либо яркого в совсем недавнем прошлом феномена, незаметно и стремительно

²⁴⁷ Бевернаж Б. Указ. соч. С. 69.

²⁴⁸ Ловинк Г. Указ. соч.

ушедшего в тень. Речь идет об интернет-меме «А помните был такой». Этот интернет-мем в отличие от большинства анализируемых в данном исследовании состоит только из текста. Фразу «А помните был такой» нужно дополнить феноменом, который кажется чем-то далеким, несмотря на свое недавнее появление. Например, существует репликация «А помните был такой ковид». Этот интернет-мем выражает не столько какой-либо исторический опыт, сколько рефлексировать стремительно обновляющуюся повестку в интернете, в которой яркая информационная вспышка предполагает какое-то значение и длительное существование, однако логика инфопроизводства и инфопотребления обновляют эту повестку слишком быстро. Интернет-мем «А помните был такой» схватывает удивление пользователя тому, как такие яркие значительные события в рамках современного медиарежима оказываются одновременно и стремительно исчезающими.

Археологическая метафора в интернет-меме «Че там у тебя, Санек?» акцентирует именно само ощущение разрыва между недавним прошлым и современностью, что не позволяет однозначно говорить о ностальгии по чему-либо в различных его репликациях. Скорее что-то «откопанное» должно обладать узнаваемостью и неактуальностью в настоящем, чем каким-то оттенком сентименталистской утраты. Полисемантичесность термина «ностальгия» затрудняет, в том числе и фиксацию самого этого явления как некоторого феноменологического взаимодействия человека с прошлым (личным или историческим). В 1-ой главе мы посвятили небольшую часть времени анализу различных пониманий ностальгии. При этом не так просто определить, какие исторические интернет-мемы ностальгичны именно по своему семиотическому инструментарию, воспроизводящему ностальгические репликации, где мы можем говорить о ностальгии, а где, скорее, о ретромании С. Рейнольдса²⁴⁹, ретропии Баумана или о чем-нибудь еще. Для Рейнольдса заикленность современной культуры на собственном прошлом работает не как сентиментальный

²⁴⁹ Рейнольдс С. Ретромания: Поп-культура в плену собственного прошлого. М: Белое яблоко, 2015. 528 с.

ностальгический эффект, а как принцип воспроизводства культуры, связанный с невозможностью выработки новых языков. Влечение к «ретро» связано с обращением к узнаваемым источникам популярной культуры, которые присутствуют вне идеализации и проективности истории.

3.7. Исторические символы «Страдающее Средневековье»

Логика выражения исторического опыта через анахронизм и исторические символы доведена до предела (и последовательного метода) в сообществе и интернет-меме «Страдающее Средневековье». Появившееся как локальное сообщество российских студентов-медиевистов в социальной сети Вконтакте²⁵⁰, «Страдающее Средневековье» быстро захватило сначала российский интернет, а затем конвертировалось и на международную арену²⁵¹. Закономерность возникновения и распространения сообщества объясняется частым использованием намеренного анахронизма как актуального постироничного инструмента выражения исторического опыта в цифровой среде.

В «Страдающем Средневековье» намеренный анахронизм реализуется через использование средневековой иконографии, весьма остраниющей и забавной для интернет-пользователя. На эти изображения накладываются какие-либо очевидно анахроничные Средневековью высказывания или изображения, связанные с настоящим (или с широким настоящим, куда включены артефакты культуры последних десятилетий). В каждом конкретном изображении реализуется принцип намеренного анахронизма, когда зритель понимает, что изображение принадлежит воображаемому стереотипному Средневековью (здесь может быть не аутентичное средневековое изображение, а любая стилизованная картинка), а высказывание непременно сделано из современности. Эта трансгрессия времени снабжается «уравниванием страданий» темного Средневековья и повседневного настоящего. Многие изображения связаны с какими-либо страданиями средневекового человека (битвы, страшный суд, эпидемии), которые уже на уровне текста (высказывания) иронично апроприируются современным языком и современным миром, где человеческая жизнь также обозначается как череда

²⁵⁰ Страдающее Средневековье URL: <https://vk.com/souffrantmittelalter> (дата обращения 15.01.2025).

²⁵¹ «Страдающее средневековье»: все что нужно знать о паблике и книге. URL: <https://eksmo.ru/interview/stradayushchee-srednevekove-vse-chto-nuzhno-znat-o-pablike-i-knige-ID12978664/> (дата обращения 15.01.2025).

страданий и напастей. Например, яркая средневековая картинка варящихся в адском котле грешников может сочетаться с надписью «утро в маршрутке». Или на изображении с монахом, передающим льву ветку дерева, помещена надпись «это твоя зарплата».

Сообщество «Страдающее Средневековье» является наиболее заметным феноменом использования намеренного анахронизма среди множества других изображений в интернете, где какой-либо исторический персонаж произносит реплику в настоящем времени. Реплика при этом должна быть симметрична каким-то его характерным стереотипным признакам. Например, на портрет Карла Смелого (последний герцог бургундский из династии Валуа) накладывается надпись «подарю-ка я ей на 8 марта тоже носки» (Рисунок 6). А на изображении с Ярославом Мудрым написано «не пить так много алкоголя перед рабочим днем». Или, например, существует похожее сообщество в социальной сети Вконтакте «Личка императора»²⁵², в котором известные российские и зарубежные монархи как бы общаются в социальных сетях, публикуются, комментируют друг друга. Таких изображений в интернете достаточно много, они не перестают появляться, и везде их организующим принципом является считываемый анахронизм.

Здесь наблюдается некоторое ограничение нашего определения интернет-мема и его организующей метафоры. Из устойчивого компонента в этом типе изображений мы видим только совмещение прошлого и настоящего в его намеренной рассинхронизации. И, скорее, это совмещение и можно назвать метафорой как организующей исторический опыт операцией. Для философа Рансьера анахронизм является именно поэтическим инструментом, который как бы замещает философские основания взаимодействия субъекта (историка) и истории²⁵³. Научный историографический дискурс выносил проблематику анахронизма в антинаучную плоскость, в ошибку исторического сознания, в то время как, по словам Рансьера, анахронизм является центральной категорией, связывающей историю, репрезентацию и истину. Рансьер даже предлагает

²⁵² Личка императора. URL: https://vk.com/vazovskie_55rus (дата обращения 15.01.2025).

²⁵³ Рансьер Ж. Понятие анахронизма и истина историка... С. 204.

отказаться от слова анахронизм, как ангажированного и применять термин анахрония. Анахрония — это определенное и неизбежное соотношение времен в любой исторической репрезентации. Сходные этим размышлениям эффекты мы можем наблюдать в исторических интернет-мемах, когда анахронизм обнажается, показывая свое сложное взаимодействие с историей.

Специфика изображений «Страдающего Средневековья», реплицирующихся с помощью принципа намеренного анахронизма, заключается в неисчерпаемой базе средневековой иконографии, что создало ситуацию, когда на основе интернет-мема «Страдающее Средневековье» оказалось возможным создавать бесконечное количество репликаций. Первое время репликации были всего лишь шутками на злободневные темы, почти любую современную ситуацию удавалось иронично совместить с изображением из средневековой иконографии. Однако со временем «Страдающее Средневековье» сформировалось в особое медиа, имеющее свой узнаваемый язык в виде интернет-мемов, на котором сообщество разговаривает со своими подписчиками. Это можно удачно продемонстрировать на появлявшихся публикациях в сообществе в социальной сети Вконтакте в начале пандемии COVID-19 весной 2020 года.

В конце зимы — начале весны 2020 года «Страдающее Средневековье» регулярно публиковало записи по теме пандемии. Одни из первых репликаций обыгрывают страх перед потенциально заразными людьми в общественных местах. Появляется много репликаций, рифмующих страх перед коронавирусом со средневековым страхом перед чумой. Например, на одной из картинок черти отправляют в ад показавшегося им больным человека²⁵⁴, который пытается объяснить, что он всего лишь чихнул. Позднее, когда были введены карантинные ограничительные меры, стали появляться репликации с инквизицией, которая репрезентировала жесткие меры по контролю над передвижением. Далее в течение первых недель и месяцев появлялось множество репликаций, реагирующих на события пандемии и обыгрывающих их в анахроничном страдающем ключе. Так,

²⁵⁴ Страдающее средневековье. Публикация от 06.03.2020. URL: https://vk.com/wall-51254145?day=01072020&w=wall-51254145_416922 (дата обращения 05.01.2025).

изображение, где Иисус удаленно общается с апостолами, сопровождалось высказыванием про удаленную работу²⁵⁵.

Различные репликации «Страдающего Средневековья» быстро и точно реагировали на происшествия и новости о пандемии, самоописывая состояние общества в наиболее кризисные моменты. Повседневный опыт во время пандемии оказался отлично совмещаем со средневековой иконографией и страданиями, которые делали Средневековье и пандемийные месяцы еще более симметричными, чем большинство репликаций, появлявшихся ранее²⁵⁶. Таким образом, исторический опыт на базе анахронизма совместил средневековые иконографические страдания с современным глобальным кризисом, став базой для особого языка, на котором делались высказывания.

А.А. Олейников, говоря об анахронизме, отмечает значительные изменения в его понимании в последние годы. Из «ошибки» исторического мышления, анахронизм превращается в инструмент или метод конструирования отношений прошлого и настоящего²⁵⁷. Анахронизм обладает творческой силой при создании исторических репрезентаций. Рефлексируя неизбежную рассогласованность прошлого и момента разговора о прошлом, репрезентации способны предоставлять новые актуальные формы исторического опыта. Одной из них и является крайне смыслопорождающий интернет-мем «Страдающее Средневековье». Однако такое совмещение прошлого и настоящего, а также нарушение аутентичности и времени заметно и в других областях культуры, где работа с анахронизмом становится определенным творческим методом исторической репрезентации²⁵⁸.

Напомним, что в настоящем исследовании интернет-мемы являются не просто творческими артефактами каких-либо авторов, интернет-мемы существуют

²⁵⁵ Страдающее средневековье. Публикация от 27.03.2020. URL: https://vk.com/wall-51254145?day=01072020&w=wall-51254145_422746 (дата обращения 05.01.2025).

²⁵⁶ Костоготов Д.А. Намеренный анахронизм как актуальный исторический опыт (на примере интернет-сообщества «Страдающее Средневековье») // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 7–2. С. 268–278.

²⁵⁷ Олейников А.А. Анахронизм и границы истории... С. 9–25.

²⁵⁸ Капорина Ю.В. Темные королевы Темных веков: конструирование новой идентичности в историческом сериале // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. №9–2. С. 204–222.

в качестве новой формы исторической репрезентации. В таком понимании намеренный анахронизм является не только продуктивным семиотическим инструментом для интернет-коммуникации, но и некоторой актуальной и адекватной современности конфигурации времени в популярной цифровой культуре. А значит, намеренное совмещение средневековых изображений и высказываний современности функционирует в качестве выражения современного исторического опыта, не только презентистского и развлекательного, но и смыслопорождающего и углубляющего цифровую коммуникацию.

«Как часто ты думаешь про Римскую Империю?»

Во второй половине 2023 года в англоязычном и русскоязычном интернете распространился интернет-мем «Как часто ты думаешь про Римскую Империю?»²⁵⁹, в котором женщины задавали своим знакомым мужчинам этот вопрос и сильно удивлялись, узнав, что мужчины постоянно думают про Римскую империю. Важно отметить, что этот интернет-мем не совсем подходит под наше строгое понимание исторического интернет-мема, поскольку он не имеет потенциала к созданию множества различных репликаций, хотя и приводит к разным ситуациям, при которых актуализируются различные ассоциации с античной римской культурой. Скорее, этот интернет-мем можно назвать медиавирусом, который мог бы существовать и сугубо в оффлайне, в случае отсутствия у человечества интернета. Этот феномен можно было бы даже привести в качестве примера того, что для нас не является историческим интернет-мемом. Ведь в нашем понимании историчность (с опорой на Джеймисона) — это в первую очередь восприятие настоящего в качестве истории. В то время как интернет-мем «Как часто ты думаешь про Римскую Империю?» связан с некоторой культурной апроприацией символов прошлого, которые могут даже не считываться как какое-либо прошлое по отношению к настоящему и находиться в рамках постмодернистского культурного бриколажа. Тем не менее, наше исследование интернет-мемов и истории было бы неполным без анализа того, как символы

²⁵⁹ Как часто ты думаешь про Римскую Империю? URL: <https://memepedia.ru/kak-chasto-ty-dumaesh-pro-rimskuyu-imperiyu/> (Дата обращения: 15.05.2024).

прошлого участвуют в культуре интернет-мемов. Интернет-мем «Как часто ты думаешь про Римскую Империю?» станет отправной точкой в разговоре об исторических символах (символах из прошлого) в цифровой среде.

Острота этого интернет-мема заключается в том, что женщины оказываются шокированы таким тотальным присутствием Римской империи в сознании мужчин. Это во многом является апогеем гендерной проблематики для исторических интернет-мемов, которая была обрисована выше. Тем не менее, вопрос остается открытым: а почему мужчины постоянно думают (или якобы думают) о Римской империи? Историк античности А. Петкас помещает этот вопрос в широкий разговор о современном историческом опыте и присутствии в нем мощных исторических символов²⁶⁰. Одним из любопытных выводов является взгляд на интернет как на некоторое свободное прибежище для размышлений о Римской империи и в целом об истории. Петкас противопоставляет интернет современной исторической академической и публичной культуре, в которой мощные модернистские исторические символы, в частности античные, раскритикованы и дискредитированы. А значит, размышление об условных славных римско-имперских временах белой Европы является далеко не мейнстримом на поверхности популярной культуры. В таком случае предполагаемый шок женщин и СМИ от ответа на вопрос «Как часто ты думаешь про Римскую Империю?» является будто вышедшим наружу, подавленным историческим сознанием, которое маскируется политкорректностью глобалистского исторического дискурса.

Несмотря на дискуссионность этой трактовки, сложно оспаривать снижение значения исторической символики в жизни современного общества. Автор говорит не столько о том, что историческое сознание подавлено и лишь курьезно реализовывается в интернет-меме «Как часто ты думаешь про Римскую Империю?», сколько о проблеме исчезновения этих мощных коллективных

²⁶⁰ Петкас А. Когда левые думают о Древнем мире // Центр политического анализа [Электронный ресурс] URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/kogda-levye-dumajut-o-drevnem-rime> (Дата обращения: 15.05.2024).

исторических символов. Более правдоподобным объяснением, на наш взгляд, является существование множества ассоциаций, возникающих у современного человека с наследием Римской империи: от инженерных устройств до различных базовых слов и терминов. Поэтому человек, погруженный в глобалистскую западную культуру, всегда найдет вещи, связанные с Римской империей, о которых он недавно думал, тем более, когда это приобретает масштабы некоторого флешмоба, где от человека ожидается соучастие, то есть в данном случае утвердительный ответ. У Ю.М. Лотмана в тексте «Память культуры» при рассуждениях о символах, передаваемых культурой, существует пример, основанный именно на римской эпохе, существенно повлиявшей на культуру XVIII века²⁶¹. Всё это, в том числе, подтверждает мощный символический потенциал классической античной культуры, которая в русле концепций культурной памяти постоянно итеративно предлагает культурный материал для современности²⁶².

Значение многих символов из истории для развития культуры в современности несомненно. Для нас интересен вопрос, как эти символы могут участвовать в интернет-мемах, предлагая определенные семиотические инструменты и языковые рамки для высказываний. В действительности таких интернет-мемов достаточно много, возможно даже больше, чем исторических интернет-мемов в нашем строгом понимании, рассмотренных выше. Например, если мы продолжим разговор об античности, то можно вспомнить интернет-мем «Троянский конь»²⁶³, который наследует классический символ в различных ситуациях, когда за чем-либо, лежащим на поверхности, всегда кроется какая-либо неприятность или хитрость (Рисунок 7). Для семиотических подходов активация символов прошлого не является случайностью, их помещение в современный контекст всегда актуализировано настоящим, но при этом также добавляет смыслы к первоначальному символическому значению²⁶⁴. Чтобы продемонстрировать, как могут функционировать исторические символы в появлении и реплицировании

²⁶¹ Лотман Ю.М. Семиосфера... С. 620.

²⁶² Там же С. 614.

²⁶³ Троянский конь URL: <https://memepedia.ru/trojan-horse/> (Дата обращения: 15.05.2024).

²⁶⁴ Лотман Ю.М. Семиосфера... С. 618.

интернет-мемов, мы разберем несколько популярных интернет-мемов, задействующих символы из истории СССР. Этот культурно-исторический срез выбран достаточно условно, хотя и является характерным из-за своей высокой узнаваемости не только в русскоязычном контексте, но и в общемировом символическом пространстве.

Советские символы в интернет-мемах

Пожалуй, самым распространенным интернет-мемом с советской символикой в русскоязычном и международном интернете является «Багз Банни коммунист»²⁶⁵. На нем известный мультипликационный персонаж кролик Банни на фоне красного флага с серпом и молотом тянет руки вперед, чтобы забрать что-либо. В тексте интернет-мема постоянной частью является метафора обобществления, которая, помимо советского символа, дополняется фразой «наш/наше», а далее уже реплицируется какая-либо частная ситуация. К примеру, существует репликация, в которой описывается ситуация выигранной человеком лотереи, после чего его родственники говорят «наш выигрыш». Или репликация, в которой в мире где-то находят нефть, на что США сообщает, что это «наша нефть». Таким образом, интернет-мем «Багз Банни коммунист» становится способом производства высказываний, обыгрывающих какое-либо обобществление или претензию на него.

В такой ситуации советский символ и метафора обобществления скорее выступают безоценочной языковой рамкой, чем какой-либо интерпретацией СССР или коммунизма. В целом даже невозможно понять, насколько обобществляющий Багз Банни задается/расценивается критически или одобрительно. Во множестве репликаций, обыгрывающих бытовые сюжеты, один из которых описан выше, интернет-мем «Багз Банни коммунист» высмеивает различные повседневные ситуации, в которых «советскость» кролика Банни задается скорее в качестве нейтральной.

²⁶⁵ Багз Банни коммунист URL: <https://memepedia.ru/bagz-banni-kommunist/> (Дата обращения: 15.05.2024).

Но тут возникает вопрос: является ли такой семиотический инструмент полностью нейтральным? Анализируя некоторые репликации, все-таки можно предположить, насколько интенция обобществления подразумевает позитивный, инклюзивный взгляд, а насколько это шифруется как несправедливое перераспределение от личного к абстрактному общему или просто другому под маской общего. К примеру, репликация с претензией США на нефть или репликация с европейскими странами, которые называют Африку в XIX веке «наш континент», или репликация, в которой пользователь думает, что данные в интернете его собственность, а технологические корпорации говорят «наши данные» — всё это может считываться как критическое высказывание. Тогда советский символ вплетается в смысловую связку несправедливого перераспределения ресурсов. И таких репликаций столь же много, как и репликаций на бытовые темы. В свою очередь инклюзивных репликаций не так много, одной из них является обыгрывание ситуации, когда парень получает удар в пах, а его товарищи сочувственно произносят «наша боль». Таким образом, советский символ работает в интернет-меме «Багз Банни коммунист» как рамка для высказываний о любом возможном обобществлении, причем имеющем скорее негативные коннотации, или же помещенном в предполагаемую постироническую ситуацию. При этом очевидно, что советский символ здесь оказывается очищен от дискурсов памяти о советском прошлом, критических или комплементарных. Этот символ является скорее семиотическим инструментом, который оказывается универсальным кодом культуры для совершения новых актуальных высказываний²⁶⁶.

Любопытно, что существуют интернет-мемы, практически дублирующие в смысловом и символическом отношении интернет-мем «Багз Банни коммунист». Например, существует не до конца зафиксировавшийся интернет-мем с собакой породы акита-ину в шапке-ушанке с советской кокардой (Рисунок 8). Метафора и символика идентичны интернет-мему «Багз Банни коммунист». Или, к примеру,

²⁶⁶ Лотман Ю.М. Семиосфера... С. 241.

существует репликация, где собака в шапке-ушанке считает, что еда хозяина — это «наша еда». Этот интернет-мем менее распространен, потому что он в первую очередь предполагает репликации, связанные с курьезами вокруг домашних животных, которые всё считают своим, при этом универсальным символом для обыгрывания этих ситуаций является советская шапка-ушанка и (или) флаг СССР на заднем плане.

Еще одним похожим интернет-мемом является изображение первомайской демонстрации или другого аналогичного шествия, которое также оказывается рамкой для воспроизводства метафоры обобществления. При этом репликации могут обыгрывать буквально те же сюжеты, что и интернет-мем «Багз Банни коммунист», когда изображение шествия соседствует с текстом, обыгрывающим обобществление. Соотнося эти три интернет-мема, мы наталкиваемся на любопытный феномен, когда три разных интернет-мема как языковых элемента участвуют в совершении очень похожих высказываний. Это происходит за счет использования в каждом из них одного общего символа, считываемого как коммунистическая/советская символика. Таким образом, один мощный исторический символ (или набор связанных символов) порождает различные языковые конструкции (интернет-мемы), позволяющие создавать когерентные высказывания.

Другой важной связью интернет-мемов и советской символики является использование в конструкциях интернет-мемов советского агитационного плаката²⁶⁷. Еще до появления феномена интернет-мемов цифровой фольклор развивался в виде так называемых «фотожаб» — по-простому юмористических изображений, сделанных в редакторе изображений. В 2000-е годы, когда набор изображений, которые могли стать интернет-мемами был ограничен, достаточно естественно в репертуар фотожаб стали входить знакомые многим советские агитационные плакаты, такие как «Нет», «А ты записался добровольцем?» и тому подобное. Так, возможно, появились одни из первых интернет-мемов. В данном

²⁶⁷Плакат «Нет» URL: <https://www.meme-arsenal.com/create/chose?tag=советский%20плакат%20нет> (Дата обращения: 15.05.2024).

случае оригинальная версия плаката оказывалась устойчивым шаблоном, а различные изменения этого плаката — репликациями этого интернет-мема. Количество таких репликаций очень велико, и спустя много лет они иногда продолжают появляться как всем понятная рамка для высказываний. В отличие от дискурса обобществления в интернет-меме «Багз Банни коммунист», в интернет-мемах на плакатах практически отсутствует какая-либо идея обобществления. Задействование плакатов работает сугубо на уровне символов, которые должны быть считаны и вовлечены в дальнейшую игру высказываний. Плакатное искусство в таком случае является частью культурной памяти постсоветских поколений, для которых на начальном этапе развития интернет-фольклора требовались общеизвестные артефакты визуальной культуры²⁶⁸. Постулируя очищенность подобных интернет-мемов от горячих дискурсов памяти, тем не менее, стоит указать, что такое карнавальное переворачивание серьезности клише советских агитационных плакатов является отчасти проектом преодоления советского дискурса. Подобная деконструкция официального дискурса путем создания карикатур на плакаты (репликаций) демонстрирует отказ от буквального восприятия каких-либо советских лозунгов и даже их осмеивание.

Приведенными примерами не исчерпывается многочисленное присутствие в интернет-мемах советских визуальных символов²⁶⁹. Однако уже на них можно закрепить тезисы, озвученные выше. «Советскость», используемая в данных интернет-мемах выступает как часть культурной памяти, не связанная с представлениями об историчности и даже с дискурсами памяти о советском проекте. Их главная функция — узнаваемость для последующей игры высказываний, при которой аудитории будет понятна рамка, в которой производятся высказывания.

Формулируя выше понятие исторического интернет-мема, мы указывали, что для нас историческим делает его отношение к историческому процессу,

²⁶⁸ Ассман Я. Указ. соч.

²⁶⁹ Костоготов Д.А. Советские визуальные символы в интернет-мемах // Обсерватория культуры. 2022. Т.19, № 5. С. 460–466.

времени, видению прошлого, настоящего и будущего. Если интернет-мем использует какие-либо элементы прошлого (а прошлым можно назвать все, что произошло) для своей конструкции, мы его не считали в нашем специфическом понимании историческим. И интернет-мемы, связанные с советской символикой, исчерпывающе это демонстрируют. Тем не менее, мы не отрицаем важность феномена культурно-исторической памяти для коммуникации в настоящем, что и проявляется в появлении различных известных исторических символов, когда необходимо выработать язык для разговора в настоящем, о чем писал Лотман в связи с использованием античных символов и понятий в XVIII веке.

Проанализированные интернет-мемы (около 25, а также множество их репликаций) являются важными точками современного исторического опыта, почти все они интернациональны и распространяются на всевозможных сайтах и в социальных сетях. Тем не менее, мы далеки от исчерпывающей карты исторических интернет-мемов или количественной фиксации их распространения и рецепции. Для некоторых из них мы указали на возможность такой медиааналитики, например, для интернет-мема «Парни с машиной времени», в репликациях которого можно фиксировать точки исторической памяти и особенно травматические события определенных групп. Это намечает актуальность и дальнейшую перспективу нашего исследования. При этом анализ конкретных репликаций оказывается внутри ситуации постиронии, когда необходимо учитывать самоподрыв высказывания конкретной репликации.

Несомненно, что в ситуации медиатизированной среды исторические интернет-мемы можно рассматривать как новую форму исторической репрезентации, а также как семиотические средства воспроизводства представлений об истории. Анализ этих семиотических средств был важной частью нашего исследования. При этом для нас было важнее не то, о чем говорится посредством этих новых семиотических средств (в духе *memory studies*), а условия, специфика существования и сама историческая ситуация их появления и продуцирования. Это мы и подразумевали под исторической репрезентацией.

Синтезируя анализ, произведенный в главе 3, мы можем выделить несколько устойчивых мотивов, которые воспроизводятся в исторических интернет-мемах и их репликациях.

Во-первых, это мотив проблематизации настоящего. Он является магистральным для интернет-мемов «Качок Доге и Чимс», «Мои родители в 25 / я в 25», «Привет потомки, как вы там», а также присутствует в некоторых других интернет-мемах как вариант для репликаций. В них опыт настоящего переживается как регрессивный, не сулящий какого-либо развития и проекта будущего. Богатство репликаций, демонстрирующих качественное превосходство прошлого, описывает не только упадок настоящего, но и потерю перспективы будущего. Несмотря на постироничность многих репликаций, очевидно ставящих под сомнение идеализацию прошлого и как бы оппонирующих этой идеализации, сама рамка воспроизводства качественного превосходства прошлого над настоящим остается устойчивой.

Во-вторых, описанное выше приводит к распространению ностальгии — феномена, определяющего, по мнению многих авторов, современный исторический опыт (или даже всю современную культуру). Особым случаем здесь представляется интернет-мем «Папа, расскажи про свою молодость», который моделирует проект будущего (а не только настоящего) как проект ностальгии. При этом исторические интернет-мемы оказываются новым феноменом культуры для того, чтобы внести новые детали в дискурс ностальгии. Один из главных вопросов в понимании ностальгии — разделение самого этого понятия, как ностальгии рефлексивной (личного переживания — воспоминания) и ностальгии реставрирующей (исторической — по далекому прошлому). Отсюда вытекает и следующий вопрос: насколько второй тип ностальгии можно называть ностальгией, или это какой-то специфический тип исторического опыта? На базе некоторых репликаций исторических интернет-мемов мы наблюдали и тот, и другой тип ностальгии. Это могло бы стать перспективой для изучения современных типов ностальгии и даже самого этого комплексного понятия.

В-третьих, проблема будущего в некоторых интернет-мемах переходит в ощущение истории как наступающей катастрофы. Например, интернет-мем «Путешественник во времени» сконцентрирован на том, что путешественник вернется из будущего и сообщит о какой-либо наступившей экологической, технологической или политической катастрофе. Анализ исторических интернет-мемов, связанных конкретно с категорией будущего, мог бы стать важным социологическим исследованием ожиданий человечества своего будущего.

В-четвертых, часто предощущение катастрофы «обезоруживается» мотивом возвращения к какому-либо докатастрофическому состоянию, к истокам, в которых внеисторическая гармония возможна и исключает будущие катастрофы. Эта ретротопичность реализуется в интернет-мемах «Ты наконец-то очнулся», «Парни с машиной времени» и некоторых других. Репликации с навязчивым возвращением в прошлое или пробуждением в прошлом дают множество ответов, куда именно «нужно» вернуться или какие моменты истории нужно исправить или отменить, чтобы оказаться с историей в отношениях вне предощущения катастрофы.

В-пятых, оказывается широко представлен мотив отсутствия реальных изменений, повторения, схлопывания истории в одно «широкое настоящее». «Один час на этой планете равен семи годам», «Умер/родился/добро пожаловать назад», «История повторяется», «Человек за компьютером» демонстрируют, что, несмотря на внешние декоративные изменения, сущностно в современности ничего не меняется. Прошлое и настоящее становятся идентичны, а будущее не сулит каких-либо качественных трансформаций.

В-шестых, некоторые исторические интернет-мемы рефлексировать слишком быстрые культурные изменения и ускорение. Этот мотив ускорения и быстрого устаревания наблюдается в интернет-мемах «Че там у тебя, Санек», «А помните, был такой», «Макконахи плачет». Эти интернет-мемы и их репликации сигнализируют об ускорившемся времени изменения культурных форм, особенно цифровых форм, которые мгновенно устаревают. И это касается даже самих элементов языка интернет-мемов.

Этими несколькими мотивами, разумеется, не исчерпываются все нюансы, которые мы наблюдали в исторических интернет-мемах и их репликациях. Тем не менее, на их базе мы можем сделать заключение о том, какие феномены исторического опыта воспроизводятся путем нового типа исторической репрезентации — интернет-мемов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационной работе были проанализированы исторические интернет-мемы как новая форма исторической репрезентации в медиатизированной среде. Актуальность проекта заключается в том, что проблема исторической репрезентации и ее научное осмысление интегрировались в анализ исторических интернет-мемов — феномена, переживающего становление в рамках современной цифровой культуры и эмплицитизирующего историческое сознание интернет-пользователей во всей его проблемности и противоречивости.

Категория исторической репрезентации осложнена современной полисемантичностью аналитического языка. Тем не менее, мы постарались реконструировать «историческую репрезентацию» в ее современной проблематизации применительно к текстам ведущих теоретиков и практиков репрезентации и истории. В процессе анализа мы выстроили историческую репрезентацию как аналитический конструкт, состоящий в самом общем виде из трех ключевых компонентов: репрезентации, метафоры и исторического опыта. Каждый исторический интернет-мем мы рассматривали одновременно как культурный артефакт современной цифровой культуры и феномен современной исторической репрезентации. Аналитическая триада «репрезентация, метафора, опыт» применялась к анализу десятков исторических интернет-мемов и множества их репликаций (то есть конкретных вариаций интернет-мема).

Нами было разработано оригинальное понимание исторического интернет-мема, абсорбирующее мысль теоретиков интернет-мемов и проблему истории и памяти в цифровой среде. Лингвистические и социологические характеристики интернет-мемов и их способность выступать в качестве исторической репрезентации в медиатизированной среде позволили нам сформировать корпус исторических интернет-мемов. Эти интернет-мемы были проанализированы на предмет эстетического (репрезентация), когнитивного (метафора) и феноменологического (опыт) компонентов исторической репрезентации. При этом исторические интернет-мемы проблематизировались нами на базе феномена

постиронии, при котором буквальное высказывание репрезентации сосуществует вместе с его ироничным самоподрывом.

На уровне проблематики репрезентации — эстетического и технологического компонента — мы постарались показать, какие формы приобретает моделирование истории посредством интернет-мемов. Появление определенных визуально-вербальных конструкций, использующих язык интернет-мемов, демонстрирует несколько стратегий репрезентации. Одна из них — это использование хорошо узнаваемых элементов цифровой культуры для построения самого интернет-мема: собак Доге и Чимса, лица Вояков, комикса «Цианид и счастье» и тому подобное. Другая стратегия может привлекать элементы массовой культуры и каких-либо образцов узнаваемого прошлого, к примеру, элементы популярных фильмов, игровой культуры или недавнего прошлого. Иногда доминирует использование классического исторического материала, как в стратегии «Страдающего средневековья». Возможность комбинировать визуальный и текстовый материал дает простор для появления, как устойчивых текстовых интернет-мемов с меняющимися изображениями, так и устойчивых изображений с меняющимся текстом.

При этом для репрезентации посредством интернет-мемов узнаваемость является доминирующим принципом, как на уровне конструкции, так и на уровне высказывания об истории. Интернет-мем как ответ на бедность внимания также функционирует и в области истории, представляя в своих максимально распространенных репликациях наиболее известные точки прошлого. Нам представлялось существенным продемонстрировать все богатство репрезентативных средств интернет-мемов и их способности моделировать историю наравне с другими типами исторической репрезентации. Мы постарались показать, насколько данный тип исторической репрезентации актуален и симметричен репрезентируемым эффектам истории в самом широком смысле слова.

Анализируя исторические интернет-мемы на предмет организующих метафор, мы выделили некоторые устойчивые семиотические инструменты,

посредством которых интернет-мем взаимодействует с историей. Причем историей не столько в смысле прошлого, сколько в смысле исторического процесса и ощущения настоящего момента как истории. Часть метафор были узнаваемы по традиционному лингвистическому анализу в историографии. К примеру, метафора золотого века в интернет-меме «Доге и Чимс», метафора перерождения/цикличности в интернет-меме «Умер/родился/добро пожаловать назад» или метафора столкновения поколений — отцов и детей в интернет-меме «Мои родители в 25 лет / Я в 25 лет». Часть метафор выглядит более специфическими и порождена особенностями такого типа исторической репрезентации, его постироничной природы. Например, интернет-мем «Парни с машиной времени» строится на метафоре путешествия в прошлое для взаимодействия с ним. А интернет-мем «Папа, расскажи про свою молодость» задает ностальгический взгляд из воображаемого будущего в прошлое, и организующая метафора в нем превращается в сложную темпоральную конструкцию. В некоторых случаях мы наблюдали, как организующие метафоры (семиотический инструментарий) усложнялись в сторону смысловых конструкторов (фреймов) или микронарративов, которые позволяют создавать новые репликации — высказывания об истории. А в случае «Страдающего Средневековья» организующим принципом становился анахронизм, приобретающий черты элемента поэтики.

Помимо исследования эстетического аспекта репрезентации и когнитивного аспекта метафоры, особый акцент был сделан на феноменологии исторического опыта и его различных чертах, проявляющихся в исторических интернет-мемах. А также на поиске ответа на вопрос: насколько наш анализ позволяет делать некоторые (хоть и осторожные) выводы о специфике современного исторического опыта? Проработка феномена интернет-мемов показала, что их лингвистические характеристики способствуют постоянной самодеконструкции, то есть наблюдатель часто оказывается в ситуации диалектичности наблюдаемого высказывания. Набор репликаций, который демонстрировал какое-либо специфическое отношение к истории, прошлому и настоящему, часто дополнялся

контррепликациями, снимающими серьезность предыдущих высказываний в продолжающемся процессе постиронии. В этом одна из ключевых черт исторической репрезентации в культуре интернет-мемов. При этом социологический взгляд на интернет-мемы как на самописание системы постоянно подсказывает, что исторические интернет-мемы и их репликации не являются просто частными представлениями, юмором или чисто нейтральным языковым инструментом. Исторические интернет-мемы как широко распространившиеся и «живые» лингвистическо-социальные артефакты служат самописанием системы. В числе прочего, можно рассматривать постоянное «снятие» клише, морализаторства, тотальности в разговоре об истории как часть этого самоописания, которое не просто отображает систему, но и делает это описание самой «реальностью» — реальностью современного исторического опыта.

Одним из выводов, возникших по окончании исследования исторических интернет-мемов и выходящих за рамки непосредственных задач исследования, стала фиксация времени жизни этих интернет-мемов. Наблюдение в течение нескольких лет за интернет-мемами и их репликациями показало, что время жизни (присутствие) исторических интернет-мемов может быть больше времени жизни обычных интернет-мемов, которые быстро распространяются, становятся крайне популярными и уже через несколько месяцев практически полностью исчезают. В противовес, исторические интернет-мемы существуют более длительное время и редко исчезают навсегда, а также способны актуализироваться в связи с какими-либо историческими событиями. Пока это остается скорее интуитивной гипотезой, которая в дальнейшем может быть развита количественными исследованиями и углублена проблемно-ориентированным анализом именно интернет-мемов, связанных с историей.

Проблематизация настоящего, предощущение катастрофы, поиск истоков, ностальгия, ускорение культуры и отсутствие качественных изменений — это проблемы, которые ставят в дискуссиях о современном историческом сознании такие авторы, как Анкерсмит, Бауман, Берарди, Джеймисон, Фишер и многие

другие ученые. Наше исследование углубило эти проблемы на уровне современной цифровой культуры, которая пока не столь заметна для философии и теории истории. Это дало возможность четче выявить данные феномены на базе анализа актуальных цифровых практик. Одной из важных характеристик, развивающих выводы философов истории, стало то, что разговор об истории в современной цифровой коммуникации помещен в диалектическую постироническую структуру, которая помимо высказываний об истории содержит в себе проблематизацию самого высказывания и средств его выражения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I Источники

1. Абстрактные мемы для элиты всех сортов | АМДЭВС // Вконтакте (VK): социальная сеть [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/abstract_memes
2. Страдающее средневековье // Вконтакте (VK): социальная сеть [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vk.com/souffrantmittelalter>
3. MDK // Вконтакте (VK): социальная сеть [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vk.com/mudakoff>
4. Горящая изба: женское издание [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://burninghut.ru>
5. Пикабу: информационное-развлекательное сообщество [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pikabu.ru>
6. Know Your Meme: Internet Meme Database [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://knowyourmeme.com>
7. Medialeaks: медийно-сервисный портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://medialeaks.ru>
8. Меме-arsenal: репозиторий мемов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.meme-arsenal.com/>
9. Memepedia: энциклопедия мемов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://memepedia.ru>

II Научная литература

10. Алексеевский М.Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) / М.Д. Алексеевский // От Конгресса к Конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник материалов. — Москва, 2010. — С. 151–166.
11. Алюков М. Часы патриарха, или Мем как иллокутивное самоубийство критики / М. Алюков // Транслит. — 2012. — №12. — С. 120–124.
12. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Ф.Р. Анкерсмит. — Москва: Издательство «Европа», 2007. — 612 с.

13. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. — Москва : Канон+, 2009. — 400 с.
14. Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Ф.Р. Анкерсмит. — Москва : Идея-Пресс, 2003. — 360 с.
15. Артамонов Д.С. Интернет-мем как способ репрезентации реальности: между антиутопией и мифом / Д.С. Артамонов // Цифровой ученый: лаборатория философа. — 2022. — Т.5, №1. — С. 14–21.
16. Артамонов Д.С. Интернет-мем: конструируя прошлое в цифровую эпоху / Д.С. Артамонов // Память в сети: цифровой поворот в memory studies: сборник статей. — Санкт-Петербург: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования "Европейский университет в Санкт-Петербурге", 2023. — С. 134–147.
17. Артог Ф. Время и история / Ф. Артог // Анналы на рубеже веков: антология. — Москва: ИВИ РАН. — 2002. — С.147–168.
18. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / А. Ассман. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — 272 с.
19. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.
20. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / А. Ассман. — Москва: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
21. Бауман З. Ретротопия / З. Бауман. — Москва : ВЦИОМ, 2019. — 160 с.
22. Бевернаж Б. «Прошедшее прошлого»: некоторые размышления о политике историзации и кризисе истористского прошлого / Б. Бевернаж // Логос. Темпоральный поворот и реполитизация истории. — 2021. — №4. — С.65–94.
23. Беляевская Е.Г. Фрейм, концепт, концептуальная метафора — синонимы? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) / Е.Г. Беляевская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2015. — №22 (733). — С. 9–20.
24. Бенн С. Одежды Клио / С. Бенн — Москва : «Канон+», 2011. — 304 с.

25. Бойм С. Будущее ностальгии / С. Бойм. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 680 с.
26. Бурдые П. О телевидении и журналистике / П. Бурдые. — Москва : Фонд научных исследований "Прагматика культуры", Институт экспериментальной социологии, 2002. — 160 с.
27. Вжосек В. Культура и историческая истина / В. Вжосек. — Москва: «Кругъ», 2012. — 336 с.
28. Галина М. Вернуться и переменить. Альтернативная история России как отражение травматических точек массового сознания постсоветского человека / М. Галина // Новое литературное обозрение. — 2017. — №146. — С. 258–271.
29. Годфри М. Художник как историк / М. Годфри. — Москва : V-A-C press, 2021. — 96 с.
30. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. — Москва : Институт социологии РАН, 2003. — 752 с.
31. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон. — Москва: Изд-во Института Гайдара, 2019. — 808 с.
32. Джеймисон Ф. Прогресс versus утопия, или Можем ли мы вообразить будущее? / Ф. Джеймисон // Фантастическое кино. Эпизод первый: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. Н. Самутина. Москва: Новое литературное обозрение, 2006. С. 32–49.
33. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. — Москва : Мир, 1993. — 318 с.
34. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / Э. Доманска. — Москва: «Канон+», 2010. — 400 с.
35. Жижек С. Неприятности в раю. От конца истории к концу капитализма / С. Жижек. — Москва : Гонзо, 2021. — 320 с.
36. Заец Д.В. Осмысление и критика философии истории Х. Уайта в ранних трудах Ф. Анкерсмита / Д.В. Заец // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2022. — №4(73). — С. 121–124.
37. Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории / Г.И. Зверева // Одиссей. Человек в истории. — 1996. — Т. 1996. — С. 11–24.

38. Зверева Г.И. Рядовой пользователь социальных медиа как историк: способы создания исторического нарратива на YouTube / Г.И. Зверева // Преподаватель XXI век. — 2019. — №4-2. — С. 323–337.
39. Зверева Г.И. Профессиональное историческое знание в медиатизированной среде: новые подходы к изучению / Зверева Г.И. // Преподаватель XXI век. — 2022. — №4, Часть 2. — С. 306–315.
40. Йордхайм Х. Множественное время и стратиграфии истории / Х. Йордхайм // Логос. Темпоральный поворот и реполитизация истории. — 2021. — №4. — С.95–118.
41. Капорина Ю.В. Темные королевы Темных веков: конструирование новой идентичности в историческом сериале / Ю.В. Капорина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2021. — №9-2. — С. 204–222.
42. Кобылин И.И. «Déjà Vu и конец истории»: возможности и действительность / И.И. Кобылин // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2022. — № 5(145). — С. 67–77.
43. Козеллек Р. Теория и метод определения исторического времени / Р. Козеллек // Логос. — 2004. — №5(44). — С. 97–130.
44. Колесник А.С. (Не)публичная история? Русскоязычные Telegram-каналы о прошлом / А.С. Колесник // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. — 2023. — С. 206–220.
45. Колозарида П.В. Мем о бесславии / П.В. Колозарида // Логос. — 2016. — Т. 26, №6 — С. 219–235.
46. Колозарида П.В. Интернет как проблемное поле социальных наук (вступительная статья приглашенных редакторов) / П. В. Колозарида // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2018. — № 1(143). — С. 1–11.
47. Корчинский А.В. Воображая историю: вместо введения / А.В. Корчинский // Новое литературное обозрение. — 2024. — №186. — С. 37–48.

48. Костоглотов Д.А. Намеренный анахронизм как актуальный исторический опыт (на примере интернет-сообщества «Страдающее Средневековье») / Д.А. Костоглотов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2023. — № 7-2. — С. 268–278.
49. Костоглотов Д.А. Советские визуальные символы в интернет-мемах / Д. А. Костоглотов // Обсерватория культуры. — 2022. — Т. 19, № 5. — С. 460–466.
50. Костоглотов Д. А. "Парни с машиной времени": опыт исследования исторического интернет-мема / Д.А. Костоглотов // Артикульт. — 2022. — № 2(46). — С. 97–105.
51. Костоглотов Д. А. Историческое сознание в интернет-мемах: к постановке проблемы / Д. А. Костоглотов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2021. — № 9-1. — С. 126–138.
52. Кром М.М. Идея суверенитета в политическом дискурсе Московской Руси XV века / М.М. Кром // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. — 2020. — №1(53). — С. 23–36.
53. Кронгауз М.А. Мем в русскоязычном интернете: опыт реконструкции / М.А. Кронгауз // Русский язык и новые технологии. — Москва: Новое литературное обозрение, 2014. — С. 87–95.
54. Лакофф Дж. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
55. Лаптева М.П. Роль метафоры в историческом познании / М.П. Лаптева // Культурный код. — 2020. — № 3. — С. 30–37.
56. Ловинк Г. Критическая теория интернета / Г. Ловинк. — Москва: Ad Marginem, 2019. — 304 с.
57. Лоренц К. Вне времени? Критические размышления о презентизме Франсуа Артога / К. Лоренц // Логос. Темпоральный поворот и реполитизация истории. — 2021. — №4. — С.31–64.
58. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. — Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 2000. — 704 с.

59. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю.М. Лотман. — Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. — 544 с.
60. Луман Н. Самоописания / Н. Луман. — Москва : Издательство "Логос", ИТДГК "Гнозис", 2009. — 320 с.
61. Манович Л. Теории софт-культуры / Л. Манович. — Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. — 208 с.
62. Митчел У.Дж.Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология / У.Дж.Т. Митчел. — Москва: Кабинетный ученый, 2017. — 240 с.
63. Молотов К.И. «Неосталинизм» в русскоязычном сегменте TikTok: как связаны Сталин и Тима Белорусских? / К.И. Молотов // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — С. 148–164.
64. Николаи Ф.В. Перспективы «цифрового поворота» в memory studies / Ф.В. Николаи // Новое литературное обозрение. — 2023. — №182. — С. 339–343.
65. Новикова Э.Г. Коммуникативная структура и функции интернет-мема (на материале мемов "Типичная девушка" и "Типичный парень") / Э. Г. Новикова // Русская речевая культура и текст : Материалы X Международной научной конференции, посвященной 25-летию кафедры русского языка, Томск, 17–18 мая 2018 года. — Томск: Томский центр научно-технической информации, 2018. — С. 167–172.
66. Олейников А.А. Анахронизм и границы истории / А.А. Олейников // ШАГИ/STEPS: журнал актуальных гуманитарных исследований. — 2018. — Т.4 №3-4. — С. 9–25.
67. Олейников А.А. Время истории / А.А. Олейников // Логос. Темпоральный поворот и реполитизация истории. — 2021. — №4. — С. 5–30.
68. Орлова Г. Дискурсивное дозирование радиации / Г. Орлова // Laboratorium: журнал социальных исследований. — 2019. — № 1. — С. 82–119.
69. Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: Сб. статей / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — 352 с.

70. Петкас А. Когда левые думают о Древнем мире / А. Петкас // Центр политического анализа [Электронный ресурс] URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/kogda-levye-dumajut-o-drevnem-rime> (дата обращения 15.01.2025).
71. Платонова С.И. Эпистемические объекты и социальные отношения в современном обществе / С.И. Платонова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. — 2018. — №3. — С. 114–122.
72. Потамская В.П. Концепция исторического опыта Ф.Р. Анкерсмита / В.П. Потамская // Образование в XXI веке: Материалы Всероссийской научной заочной конференции. — 2016. — Выпуск 16. — С. 53–61.
73. Рансьер Ж. Понятие анахронизма и истина историка / Ж. Рансьер // Социология власти. — 2016. — №2. — С. 203–223.
74. Рейнольдс С. Ретромания: Поп-культура в плену собственного прошлого / С. Рейнольдс. — Москва : Белое яблоко, 2015. — 528 с.
75. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI века / Л.П. Репина. — Москва: Кругъ, 2011. — 560 с.
76. Репина Л.П. Темпоральные характеристики исторического сознания (о динамическом компоненте “истории памяти”) / Л.П. Репина // Диалог со временем. — 2014. — Вып. 49. — С. 28–43.
77. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / П. Рикер // Теория метафоры. — Москва: Прогресс, 1990. — С. 416–434.
78. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность / Й. Рюзен // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. Отв. ред. Л.П. Репина. — Москва: ИВИ РАН, 2005. — С. 38–62.
79. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории / Й. Рюзен // Диалог со временем. — 2001. — Вып. 7. — С. 8–27.
80. Самутина Н.В. Идеология прошлого в современном европейском кино / Н.В. Самутина // Препринт WP6/2007/01. — Москва: ГУ ВШЭ, 2007. — 48 с.

81. Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: Размышление о репрезентации травмы / Э. Сантнер // Травма:пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. — Москва: НЛО, 2009. — С. 389–407.
82. Темпоральный поворот и реполитизация истории / сост. Олейников А. // Логос. — 2021. — №4. — 274 с.
83. Тихонова С.В., Артамонов Д.С. Историческая память в социальных медиа / С.В. Тихонова, Д.С. Артамонов. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. — 264 с.
84. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. — 528 с.
85. Уайт Х. Практическое прошлое / Х. Уайт. — Москва : Новое литературное обозрение, 2024. — 192 с.
86. Фишер М. Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем / М. Фишер. — Москва : Новое литературное обозрение, 2021. — 256 с.
87. Хут Л.Р., Чеучева А.К. Цифровая история в эпоху антропоцена / Л.Р. Хут, А.К. Чечуева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2019. — №4 (245). — С. 99–109.
88. Шомова С.А. Мемы как они есть / А.С. Шомова. — Москва : Аспект Пресс, 2018. — 136 с.
89. Яблоков И. Русская культура заговора: Конспирологические теории на постсоветском пространстве / И. Яблоков. — Москва : Альпина, 2020. — 430 с.
90. Ankersmit F.R. Historical representation / F.R. Ankersmit. — Stanford : Stanford University Press, 2001. — 321 p.
91. Barclay K., Downing L. Memes, History and Emotional Life / K. Barclay, L. Downing. — Cambridge UK : Cambridge University Press, 2023. — 76 p.
92. Berardi F. After the Future / F. Berardi. — Oakland CA : AK Press, 2011. — 192 p.
93. Brown A., Bristow D. Post Memes: Seizing the Memes of Production / A. Brown, D. Bristow. — Punctum Books, 2019. — 422 p.

94. Davison P. The language of internet memes / P. Davison // The social media reader. — New York : New York University Press, 2012. — P. 120–136.
95. De Groot J. Consuming History: Historians and heritage in contemporary popular culture / J. De Groot. — London : Routledge, 2009. — 304 p.
96. Dijck J. van. The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media / J. van. Dijck. — New York: Oxford University Press, 2013. — 240 p.
97. Erll A. Literature, Film and the Mediality of Cultural Memory / A. Erll // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. — New York: De Gruyter, 2010. — P. 389–399.
98. Galip I. Methodological and epistemological challenges in meme research and meme studies / I. Galip // Internet Histories. — 2024. — Vol. 86, No 4. — P. 312–330.
99. Garcia T. In Defense of Representation / T. Garcia // Realism Materialism Art. — Sternberg Press, 2015. — P. 245–251.
100. Gombrich E.H. Meditations on a Hobby Horse and Other Essays on the Theory of Art / E.H. Gombrich. — London : Phaidon press, 1985. — 256 p.
101. Goodman N. Languages of Art / N. Goodman. — Indianapolis : Hackett Publishing Company, 1976. — 296 p.
102. Gumbrecht H.U. Our Broad Present: Time and Contemporary Culture / H.U. Gumbrecht. — New York : Columbia University Press, 2014. — 112 p.
103. Hall S. Representation: cultural representations and signifying practices / S. Hall. — London: Sage in association with the Open University. 1997. — 400 p.
104. Hepp A. Deep Mediatization / A. Hepp. — New York: Routledge, 2020. — 240 p.
105. Hoskins A. 7/7 and connective memory: Interactional trajectories of remembering in post-scarcity culture / A. Hoskins // Memory Studies. — 2011. — No. 4. — P. 269–280.
106. Hoskins A. Media, memory, metaphor: remembering and the connective turn / A. Hoskins // Parallax. — 2011. — No. 17(4). — P. 19–31.
107. Hoskins A. The Restless Past: An Introduction to Digital Memory and Media // Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / A. Hoskins. — New York : Routledge, 2017. — P. 1–24.

108. Hutcheon L., Valdés M. Irony, Nostalgia, and the Postmodern: A Dialogue / L. Hutcheon, M. Valdés // *Nuevas Poligrafías. Revista de Teoría Literaria y Literatura Comparada*. — 2000. — No. 3. — P. 29–54.
109. Knobel M., Lankshear C. Online memes, affinities and cultural production / M. Knobel, C. Lankshear // *A new literacies sampler*. Peter Lang. — New York, 2007. — P. 199–228.
110. LaCapra D. Representing the Holocaust: History, Theory, Trauma / D. LaCapra. — Cornell NY : Cornell University Press, 1996. — 248 p.
111. Lähteenmäki I. Media Conscious Understanding of Historical Popular Culture / I. Lähteenmäki // *Faravid*. — 2021. — No. 52. — P. 51–68.
112. Makhortykh M. Everything for the Lulz: Historical Memes and World War II Memory on Lurkomor'e / M. Makhortykh // *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*. — 2015. — No. 13. — P. 63–90.
113. Mansell R. Imagining the Internet: Communication, innovation, and governance / R. Mansell. — Oxford : Oxford University Press. 2012. — 310 p.
114. Markham A.N. Disciplining the future: A critical organizational analysis of Internet studies / A.N. Markham // *The Information Society*. — 2005. — No. 21(4). — P. 257–267.
115. Milner R. The world made meme: Public conversations and participatory media / R. Milner. — Cambridge MA : MIT Press, 2016. — 272 p.
116. Mina A.X. Memes to movements: How the world's most viral media is changing social protest and power / A.X. Mina. — Beacon Press, 2019. — 240 p.
117. Nissenbaum A., Shifman L. Meme Templates as Expressive Repertoires in a Globalizing World: A Cross-Linguistic Study / A. Nissenbaum, L. Shifman // *Journal of Computer-Mediated Communication*. — 2018. — Vol. 23, No. 5. — P. 294–310.
118. Reed L., Boyd D. Who Controls the Public Sphere in an Era of Algorithms? / L. Reed, D. Boyd // *Data&Society*. 05.13.2016. URL: https://datasociety.net/pubs/ap/QuestionsAssumptions_background-primer_2016.pdf (дата обращения: 14.01.2025).

119. Rogers R., Giorgi G. What is a meme, technically speaking? / R. Rogers, G. Giorgi // *Information, Communication & Society*. — 2024. — Vol. 27, No. 1. — P. 73–91.
120. Rose G. *Visual Methodologies: An Introduction to Researching with Visual Materials* / G. Rose. — SAGE Publications Ltd., 2016. — 456 p.
121. Shifman L. *Memes in Digital Culture* / L. Shifman. — Cambridge MA : MIT Press, 2014. — 200 p.
122. Valensise C., Serra A., Quattrociochi W. Entropy and complexity unveil the landscape of memes evolution / C. Valensise, A. Serra, W. Quattrociochi // *Scientific Reports*. — 2021. — No. 11. — P. 200–222.
123. Virno P. *Déjà Vu and the End of History* / P. Virno. — New York : Verso, 2015. — 210 p.
124. White H. *Foreword* / H. White // Koselleck R. *The Practice of Conceptual History*. — Stanford : Stanford University Press, 2002. — 384 p.
125. Wiggins B.E. Bowers G.B. Memes as genre: A structural analysis of the memescape / B.E. Wiggins, G.B. Bowers // *New Media & Society*. — 2014. — P. 1–21.
126. Žižek S. *On Belief* / S. Žižek. — London : Routledge, 2001. — 170 p.
127. Žižek S. *Pandemic! COVID-19 Shakes the World* / S. Žižek. — New York: OR Books, 2020. — 136 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

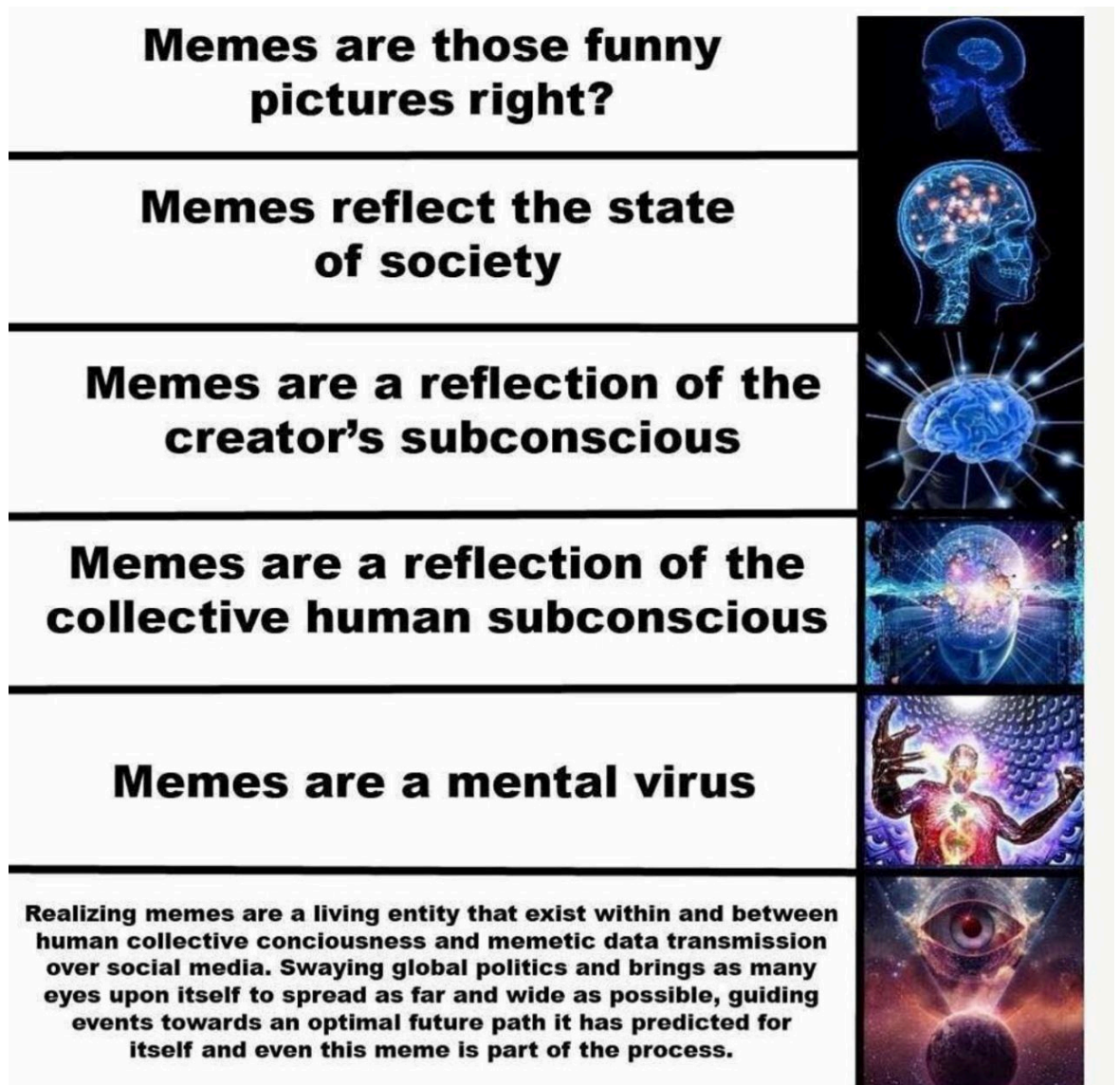

Рисунок 1. Репликация интернет-мема «Священный мозг», описывающая развитие в понимании того, что такое интернет-мем

Девушки с машиной времени:

Я твоя внучка

Правда?

Парни с машиной времени:

Рисунок 2. Неизменяемая часть интернет-мема «Парни с машиной времени»

Девушки с машиной времени:

Я твоя внучка

Правда?

Парни с машиной времени:

Сделка отменяется,
Аляска остаётся.

Рисунок 3. Пример репликации интернет-мема «Парни с машиной времени»

Рисунок 4. Интернет-мем «Раньше/сейчас»

Рисунок 5. Интернет-мем «Человек за компьютером»

Рисунок 6. Интернет-мемы из «Страдающего Средневековья»

Рисунок 7. Интернет-мем «Троянский конь»

**Я: *Достаю из
холодильника мою
колбасу для бутербродов*
Мой пёс:**

НАШУ КОЛБАСУ

Рисунок 8. Интернет-мем «Собака коммунист»